

Образы былого

выпуск седьмой

ПРОТОИЕРЕЙ НИКОЛАЙ ДОНЕНКО

НОВОМУЧЕНИКИ БЕРДЦНСКА

Священномученик Михаил Богословский

Священномученик Виктор Киранов

Священномученик Александр Ильенков

Город в годы воинствующего
атеизма (1919–1939)

Феодосия • Москва
Издательский дом "Коктебель"
2006

ББК 86.2
Д67

Серия "Образы былого" основана в 2003 году

Редактор-издатель серии Дмитрий Лосев

Редактор книги Рина Замтарадзе

Подбор иллюстраций: прот. Николай Доненко

Дизайн серии: Анатолий Шаронов

Издание второе, дополненное

По благословению
Высокопреосвященнейшего Лазаря,
Митрополита Симферопольского
и Крымского

Жизнеописания новопрославленных святых,
вошедшие в данную книгу, составлены на основании
церковного предания и материалов из архивов Украины.
Как и каждая новая публикация о новомучениках,
она расширяет наше представление о Святой Руси
и помогает лучше увидеть подлинный
ландшафт нашего Отечества.

ISBN ---2

© Протоиерей Н.Доненко, текст, 2001,2006.
© Протоиерей Н.Доненко, илл., 2006.
© Издат. дом "Коктебель", оформл.,
серия "Образы былого", 2006.

Пролог

На карте Российской империи Бердянск появился попечением генерал-губернатора Новороссийского края князя М.С.Воронцова. В 1824 году он поручил адмиралу А.Грейгу снарядить экспедицию во главе с капитаном второго ранга Крицким и геодезистом Манганари, чтобы отыскать удобное место для пристани в северном Приазовье. В своем рапорте капитан писал: "Бердянская коса превосходит неимоверно достоинством своим Обиточную, и на ней Вы можете завести пристань и порт, который разве Севастополю уступит".

3 ноября 1827 года князь Воронцов оформил акт об отмежевании земли для причала и города, и в том же году была сооружена пристань. Город стал развиваться на морской отмели возле большой бухты, у подножья береговой подошвы, неподалеку от лиманов, образованных речкой Бердою, в честь которой город и получил свое татарское название. Следуя из Мариуполя в Крым в октябре 1828 года, государь Николай I сам убедился в правильности принятого решения. Великая держава заложила еще один город на малолюдных просторах у Азовского моря.

В 1842 году Бердянск стал уездным городом, но до его включения в 1898 году в сеть железных дорог был почти изолирован от всей страны и жил обособленной жизнью, сосредоточивая интересы на торговле своей

замечательной пшеницей с Европой через греческие и итальянские посреднические конторы.

Рыбачья слободка с жалкими хатками к концу XIX века превратилась в благоустроенный европейский город с характерными чертами различных культур. Вокруг стали появляться колонии болгар, немцев-менонитов, украинцев и греков. По замыслу Воронцова Бердянск строился с широкими улицами, пересекающимися под прямым углом, с большой площадью в центре и несколькими малыми по сторонам, прекрасно вымощенными камнем, обсаженными акациями, а также с бульварами по трем поперечным проспектам. В городе преобладали серебристо-бежевые землянистые тона, создававшие впечатление почвенной органики, помогающей человеку чувствовать себя мерой вещей. Среди кварталов, выстроенных из красного кирпича или керченского камня, было немало образцов прекрасной итальянской архитектуры. Улицы и дома имели ощутимое человеческое измерение. Обилие садов и парков производило благоприятное впечатление, особенно если смотреть на город с высоты берегового обрыва: на юг — море, внизу на ровной, как стол, отмели — чистенький, зеленый городок, блистающий куполами десяти православных церквей.

Смутное время

Неторопливое благополучие, неуклонно набиравшее силу в начале XX века, казалось бы, осветило страну надеждой прогресса. Но, как вскоре выяснилось и стало для многих очевидным, прогресс бывает разным. В России он проявился, в первую очередь, как радикальное неприятие всех прежних национальных устоев и традиций, не в последнюю очередь, Православной Церкви и ее служителей. Разрушая русскую жизнь, метастазы революции неожиданно быстро въедались даже в самые отдаленные уголки еще недавно, как думали многие, несокрушимой империи. Атмосфера в стране становилась густой и непроницаемой, чуждой той прозрачности, через

Князь М.С.Воронцов.
Портрет работы Томаса Лоуренса

которую легко и радостно созерцать красоту Божьего мира, игру солнечных лучей на зыбкой поверхности полуденного моря.

14 октября 1906 года в своем донесении помощник начальника жандармского управления сообщал Таврическому губернатору о забастовках и митингах. Революционное возбуждение рабочих, утверждал он, произошло от чрезмерно либерального поведения начальника бердянского порта. Далее он писал: "Среди портовых рабочих начались волнения, выразившиеся в забастовках на экономической почве, и по мере того, как экспортеры уступали рабочим, требование последних возрастало, причем, наряду с этим рабочие бесцеремонно стали нарушать договоры с экспортерами.

Такая перемена в направлении портовых рабочих объясняется проникновением в среду рабочих агитаторов, которые начали подготавливать рабочих к переходу на революционный путь с возбуждением их на экономической почве. Агитаторы внушали им, что иностранные экспортеры эксплуатируют их и платят им за их тяжелый труд гораздо менее, чем могут и чем должны.

Из личного мною опроса рабочих и экспертов мною установлено, что средняя заработная плата в день одного человека доходит до 3р.25коп., а с лошадей до 5р. в день.

...В настоящее время, по словам австро-венгерского консула господина Тубино и итальянского консула господина Долярсо, требования рабочих достигли предела, далее которого никакие уступки со стороны экспортеров немыслимы. "Если в своих требованиях рабочие пойдут далее, — заявили мне означенные консулы, — то все экспортеры должны будут закрыть конторы в Бердянском порту". Революционные элементы только к этому и стремятся, так как оставшаяся масса рабочего люда без насущного заработка неминуемо бросится в объятия революции...

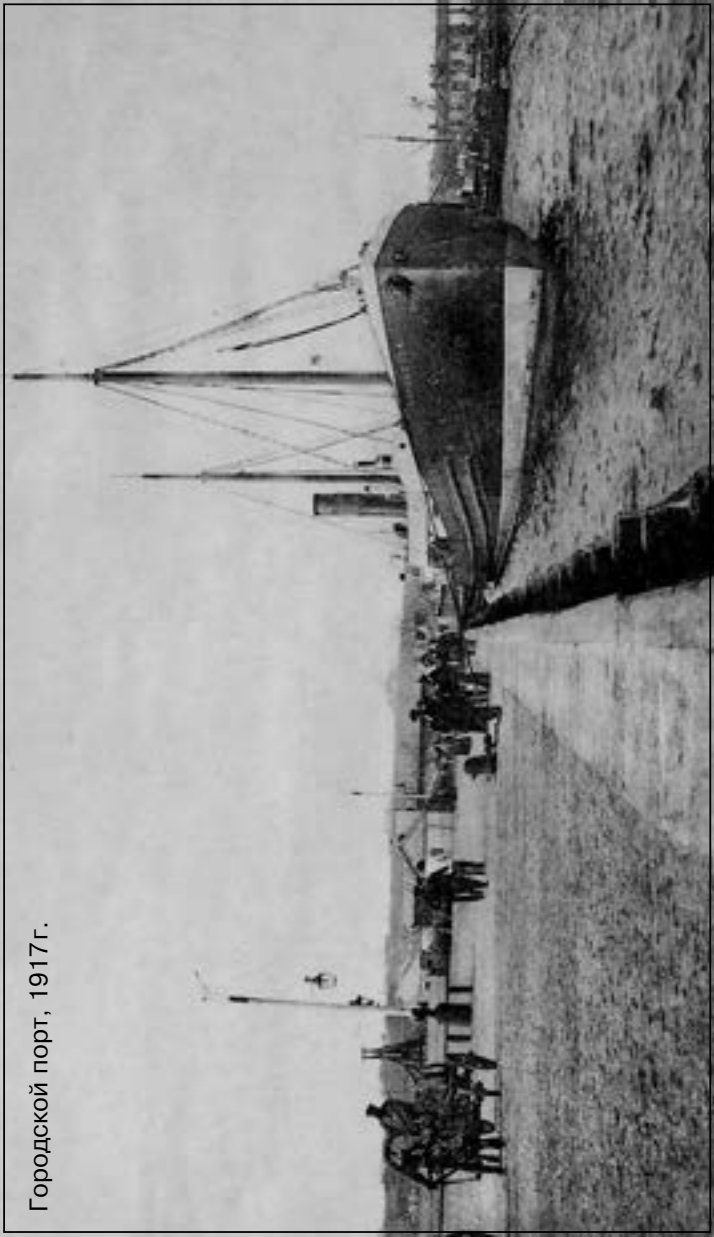
Резким фактом перемены направления портовых рабочих является допущение ими на портовой территории, у них на глазах политических митингов с участием многотысячной толпы, бывших 11-го — 14-го

Обща вижда.

Бердянскъ.

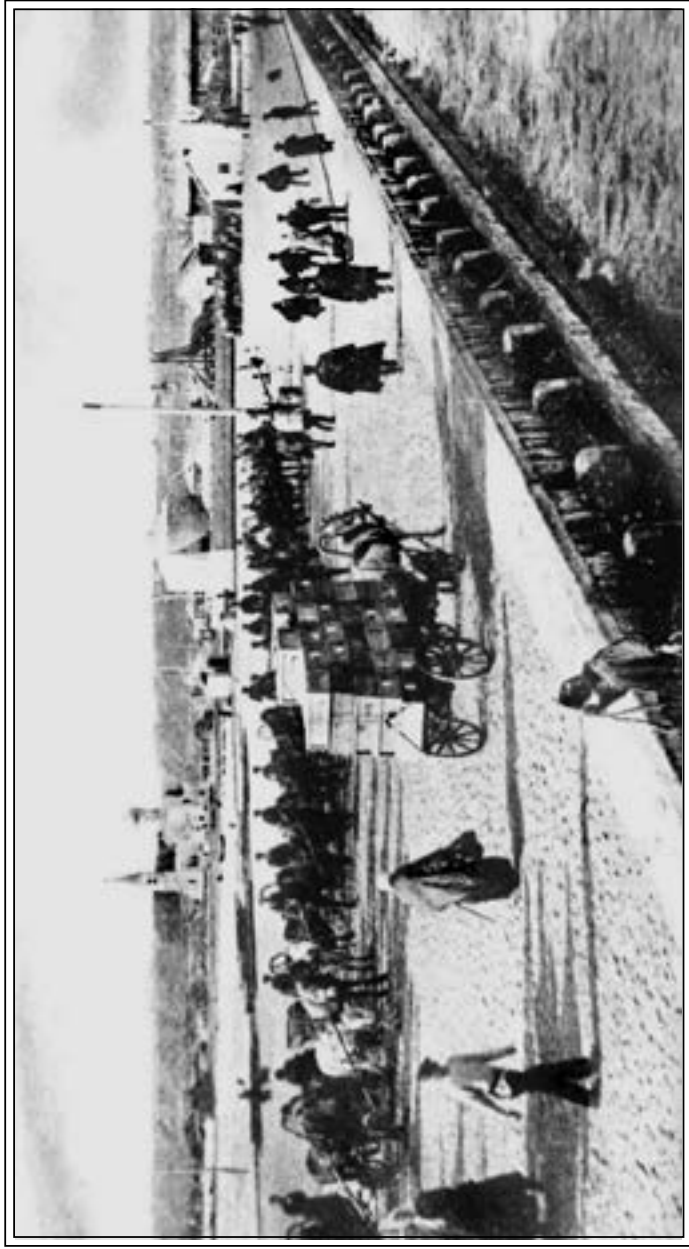

Городской порт, 1917г.

№ 10. Бордисканъ, Болонья.

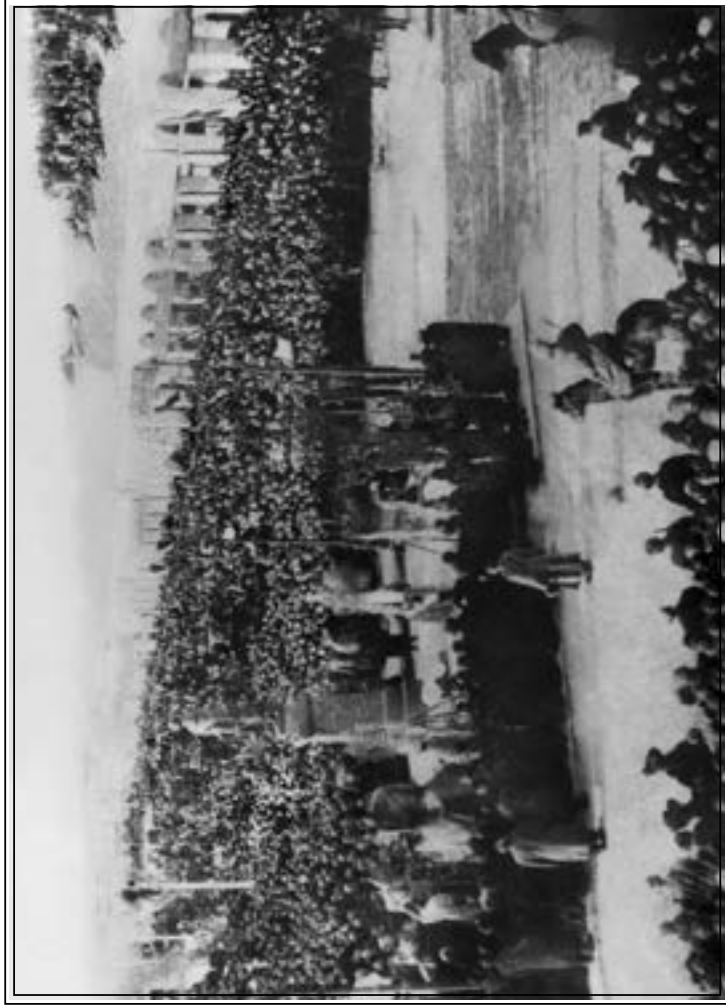

Вид на город с моря. Начало XX в.

Бердичевъ. Памятникъ Императору Александру II.

Торжественное
открытие
памятника
Императору
Александру II
в Бердянске
6 декабря 1907 г.

июля сего года...".

Уже в 1916 году во время кровопролитной войны утратившие живую связь с Отечеством рабочие Азово-Черноморского завода командировали в Петро-град слесаря-подпольщика А.Могильного* за нелегальной литературой. В то время все заводы города работали на оборону. От постоянно распространявшихся листовок настроение в среде рабочих становилось взрывоопасным, и для поддержания порядка сторожевая охрана завода была заменена более надежной полицией, которая обыскивала рабочих при входе и выходе. Агитаторам для конфликта с властью не хватало инцидента, который, впрочем, вскоре произошел.

В начале сентября, когда на завод входила новая смена, рабочий Зуев оскорбил городского. Завязалась ссора, во время которой Зуев был застрелен. С криком и бранью в адрес полиции рабочие вышли из цехов во двор. Хозяин завода Георгий Маркович Горохов бросился к ним из своего кабинета. Еще бодрый, седовласый, небольшого роста старик, носивший, как правило, косоворотку со шнурованным поясом, сапоги и пиджак, Горохов знал и любил заводскую технику, понимал нужды рабочих. На этот раз его всегда серьезное лицо с небольшой бородкой выражало полное недоумение: "Батенька мой! — как часто он говорил, — да как же это возможно! Там фронт ждет от нас снарядов, а мы здесь затеваем забастовки!". Но рабочие, несмотря на обещание Горохова всё устроить и договориться с городским начальством, не успокаивались и с прежней настойчивостью требовали, помимо наказания виновного, поднять зарплату и не приступали к работе в течение недели, пока их требования не были удовлетворены.

После Февральской революции рабочие 18 апреля устроили митинг, на котором потребовали освободить из тюрем всех политических заключенных. События этого времени описывает очевидец: "В это время по

* Впоследствии он стал секретарем В.Молотова, был арестован и отдан под суд. Не выдержав испытаний, в 1936 г. он выбросился с четвертого этажа.

Бердянскъ

Город. управа

Изд. книж. магаз. Езрубильскаго

Александр Дюмин

городу распространялись печатные бюллетени с текстом отречения Николая II от престола, и совет рабочих депутатов расклеивал объявления, приглашающие всех граждан явиться на митинг на базарную площадь в центре города. Азово-черноморцы шли на митинг со знаменами по Воронцовской улице, все одетые по-праздничному, построились в колонну по четыре человека в ряд <...>. Настроение было приподнятое, громко возглашали здравицы в честь рабочего класса и великой русской революции. С этими возгласами нас встретили построенные в колонны рабочие во дворе Варшавского арсенала (бывший завод Джона Гривеза). В их передних рядах тоже шли женщины с медицинскими сумками. Обе колонны двинулись дальше. К ним присоединились рабочие завода Матиаса, в их рядах был Дюмин Александр, через год разделивший свою участь с членами Первого совета. Отсюда направились на городскую площадь, которая в этот день была пуста от крестьянских возов, к наскоро сколоченной трибуне. Тогда площадь была вымощена рваным (бутовым) камнем, с трех сторон ограничена бульварами, а с юга — соборной церковью и большими будками-"балаганами", в которых продавали картофель и другие овощи. Эта часть города называлась "привоз", так как здесь ставились крестьянские возы с привезенными для продажи своими товарами. Люди тесно окружили трибуны, многие полезли на крыши балаганов и оттуда слушали ораторов. Погода стояла на редкость хорошая. Изредка срывался снежок, но быстро переставал. Митинг открыл Матвеев, видный активист. После него с большой речью выступил Наум Киселенко. Это был среднего роста прилично одетый слесарь-лекальщик Азово-Черноморского завода, меньшевик. На протяжении целого года его имя не сходило со страниц местной газеты. Активный, сильный оратор, противник становления Советской власти. Его речь сильно портила картавость, дающая повод думать о его национальной принадлежности к еврейству. Митинг принял резолюцию, в которой требовал (и это во время

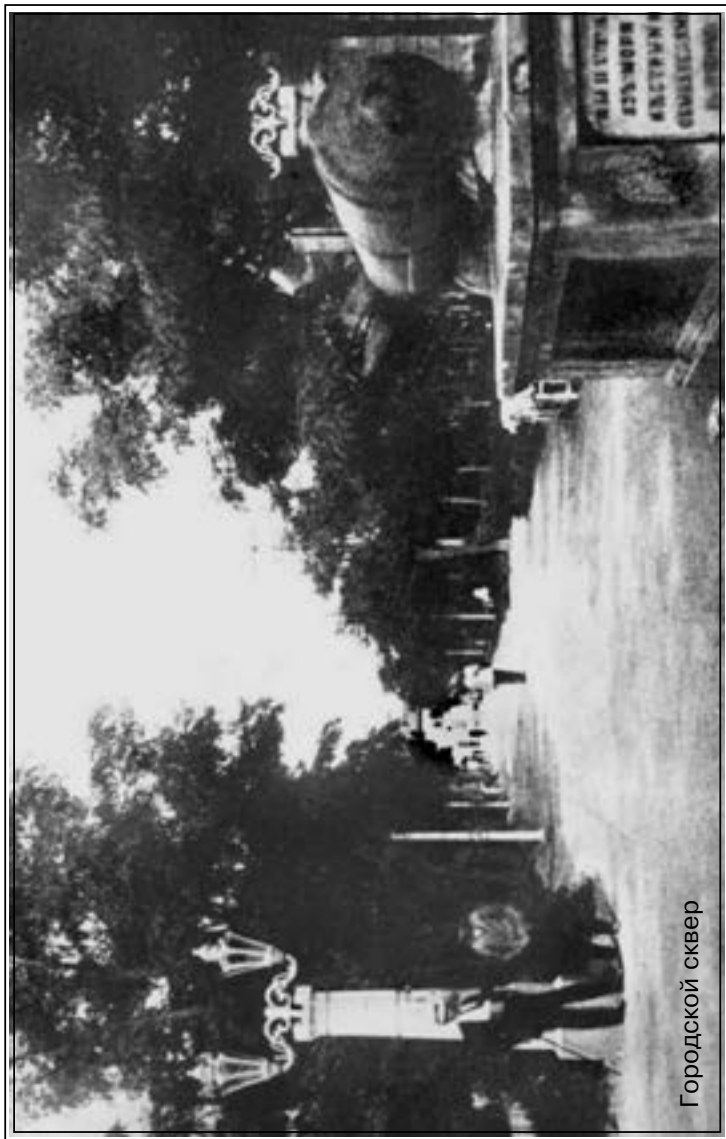
Памятник Александру II

№ 9. Бордовскъ. Нѣмецкая церковь.

БЕРДЯНСКЪ Католическая ЦЕРКОВЬ

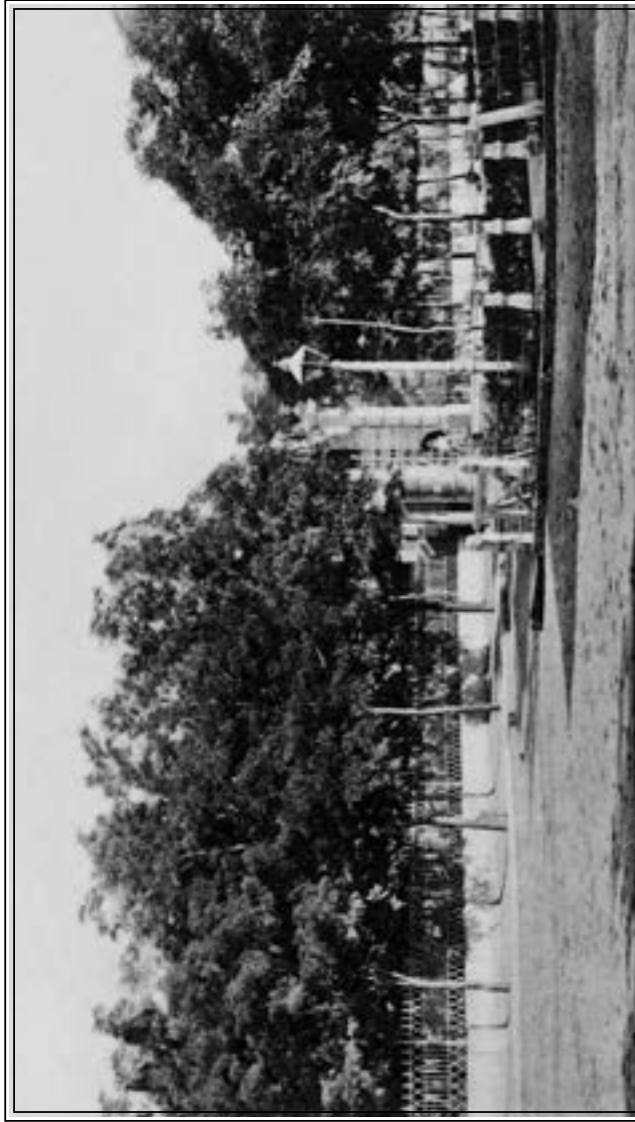

Городской сквер

Театральный проспект.

Бердискъ.

Бердянськ *Веселого Алелуїя!* Скверъ Имени П. П. Шестого
Изд. книж. магаз. Езрубальского

Бердянскъ

Над. конн. магист. Еврубицкаго

Почтовал Контора

кровопролитной войны! — Авт.): 1) восьмичасового рабочего дня (8 часов на сон, 8 часов на труд и 8 часов на саморазвитие — запомнились слова оратора), 2) свободу печати, 3) свободу слова, 4) свободу собраний, 5) свободу политических организаций, 6) освободить политзаключенных.

По окончании митинга выступавшие ораторы пригласили всех присутствующих организовать шествие по улицам города, соблюдать порядок, а кто его нарушит, "мы того арестуем", — сказали они. И все двинулись по улице, ведущей к вокзалу. Народу добавилось <...>. Пробовали запевать революционные песни, но их мало кто знал, и напевали только мотив. От вокзала другой улицей возвратились на базарную площадь к трибуне. Выступавшие ораторы распустили митинг с наказом, чтобы каждый человек делал свое дело, к которому приставлен. Это было дельное указание, так как людские массы были взволнованы происходящими событиями настолько, что у каждого работа валилась из рук, всякое занятие казалось неважным и не заслуживающим внимания. Всех занимала мысль: а что же будет дальше? <...> По вечерам на проспекте стали собираться небольшими группами и до поздней ночи вести тихие беседы на самые различные темы, чему благоприятствовали хорошие погоды весной 1917 года".

В конце сентября 1917 года в помещении мужской гимназии большевики провели выборы в Первый революционный совет, который расположился в доме купца Езрубильского. Предвыборную агитацию в городе и селах коммунисты проводили с помощью художественной самодеятельности. Супруги Раковы, Иван и Ксения, организовали любительскую труппу и поставили украинские пьесы "Хмара" и "Жидовка-вихрестка", которые имели большой успех.

Специально составленная большевиками комиссия проверила архивы жандармского управления, выявила стукачей, и они были судимы народным судом.

Вскоре была организована Красная гвардия. Рабочие,

разбитые на десятки, обучались военному делу и на работу ходили вооруженные. Начались революционные грабежи. Участник событий вспоминал: "Нас, полтора десятка красногвардейцев, послали на Садовую улицу к помещику Бессонову. Дом окружило восемь человек, вовнутрь прошло шесть. Там обнаружили двух офицеров, которые были арестованы и отправлены в тюрьму. Изъяты были одна винтовка, два револьвера и две сабли. Хозяину дома предъявили ордер на изъятие золота, которое нашли в специальных железных ящиках, около двадцати килограммов, и сдали на хранение А.Горбенко. В этом деле принимали участие П.Дудка и Т.Кондруцкий под командой Р.Тольмаца. В другой раз изъяли золото у Фомы Сопина, крупного землевладельца и садовладельца, проживавшего в собственном доме по улице Вознесенской. Отряд был в прежнем составе. Запомнилась подробность: когда Сопину предъявили ордер на изъятие золота, он долго смотрел на вошедших, а его жена сидела на длинном низком сундуке, потом он ей сказал: "Встань и открой сундук!" и вынул оттуда кожаный мешочек с золотом килограммов на пять и со словами: "Мне этого добра не жалко", отдал участнику операции Козлову".

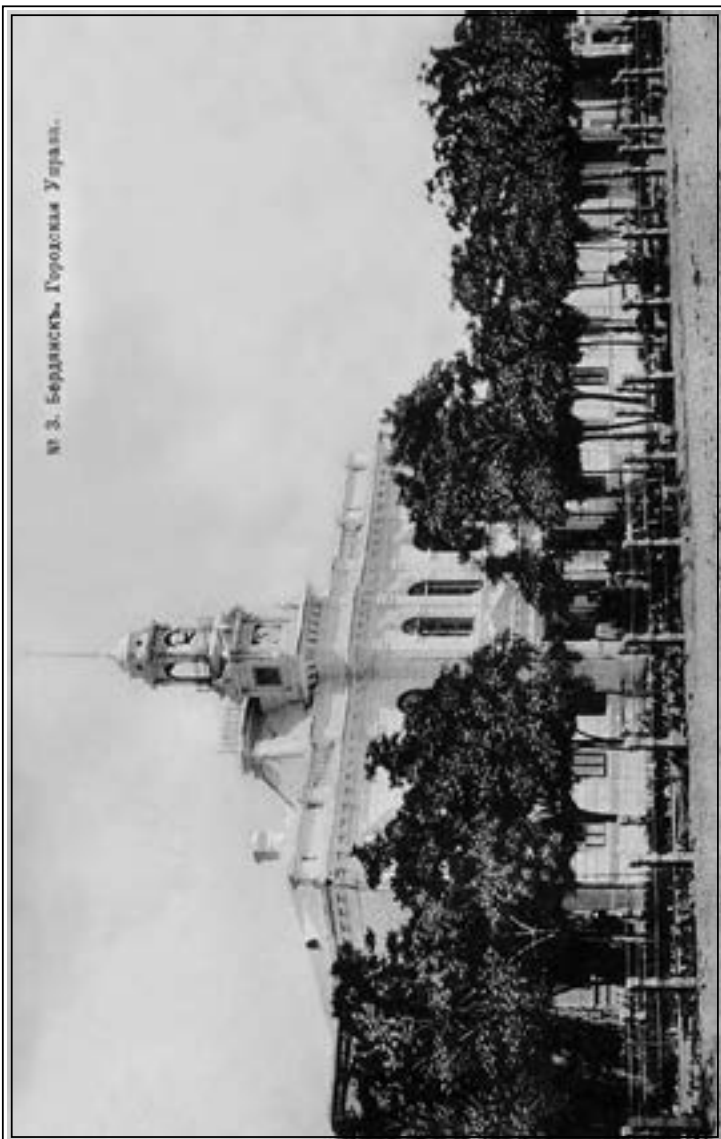
Вскоре после митинга большевиков было создано временное городское самоуправление под председательством меньшевика Наума Киселенко, которое разместилось в помещении старой городской управы на северной стороне Базарной площади.

Самоуправление организовало милицию, которой распоряжался некий Буш из юристов. Он набрал много уголовников, и те под предлогом борьбы с контрреволюцией грабили горожан. В декабре 1917 года по решению Первого революционного совета самоуправления было лишено власти и его депутатам было предложено оставить помещение, но они отказались. Наум Киселенко уточнил: "Только через наши трупы". Большевики не стали церемониться. С Азово-Черноморского завода был вызван отряд красногвардейцев, который выбросил сопротивлявшихся

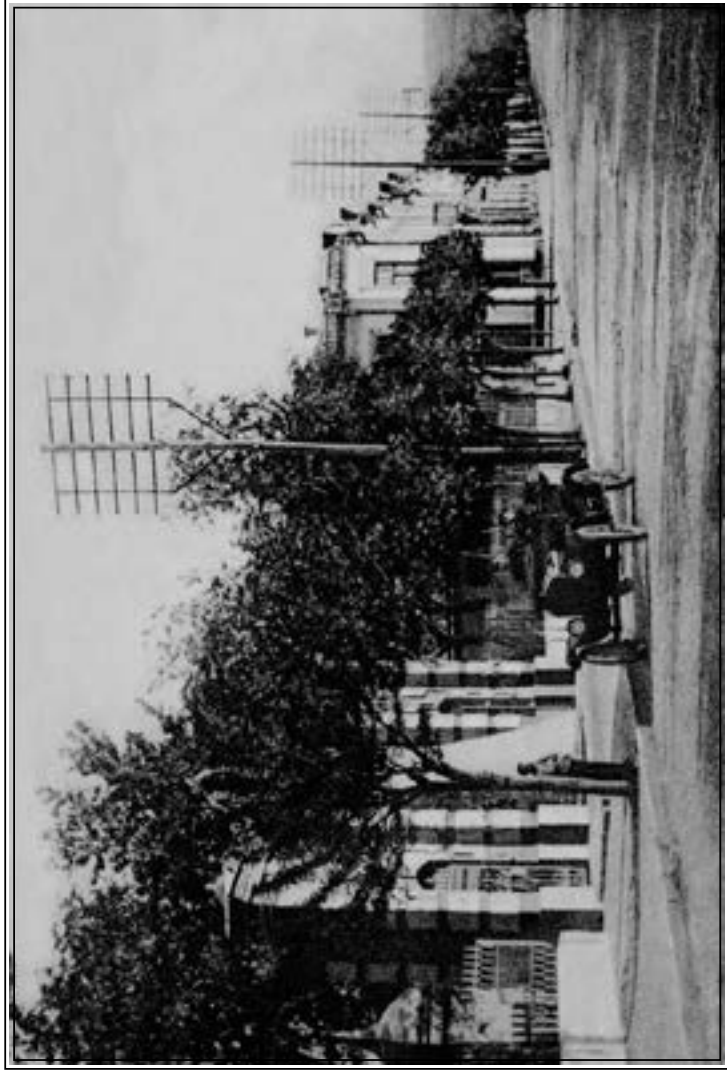

Р.Тольмац

№ 3. Бердянскъ. Городская Угряна.

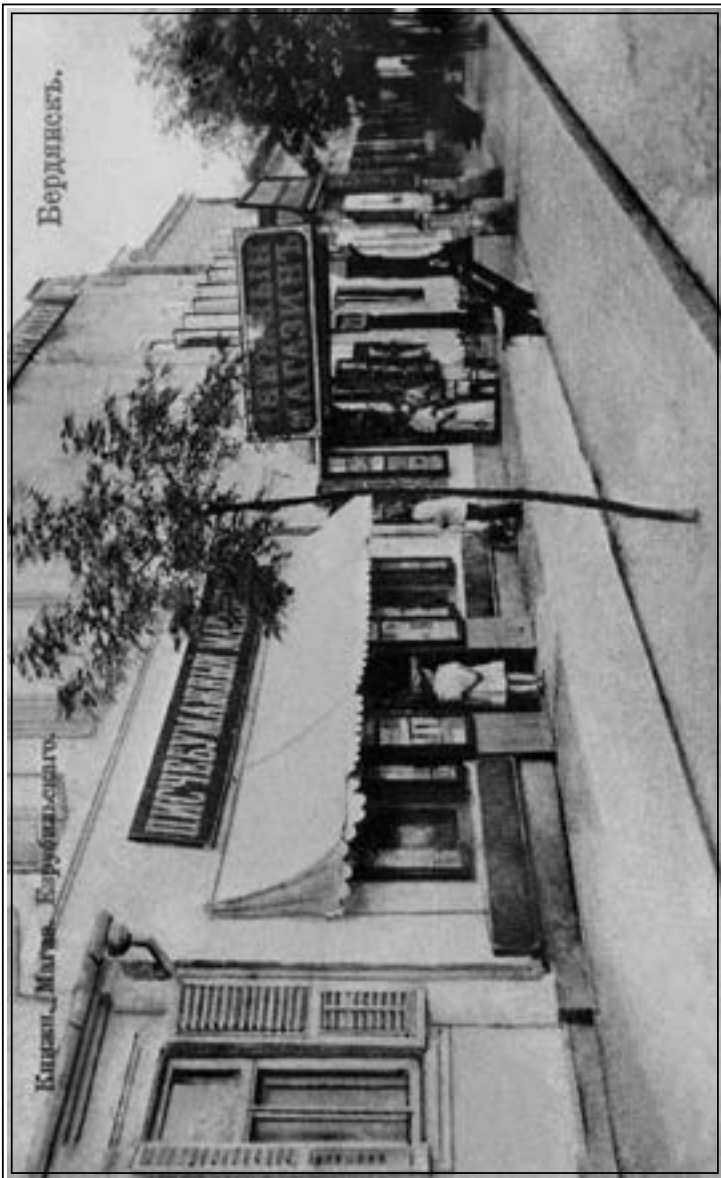

Бердянск.
1920-е годы

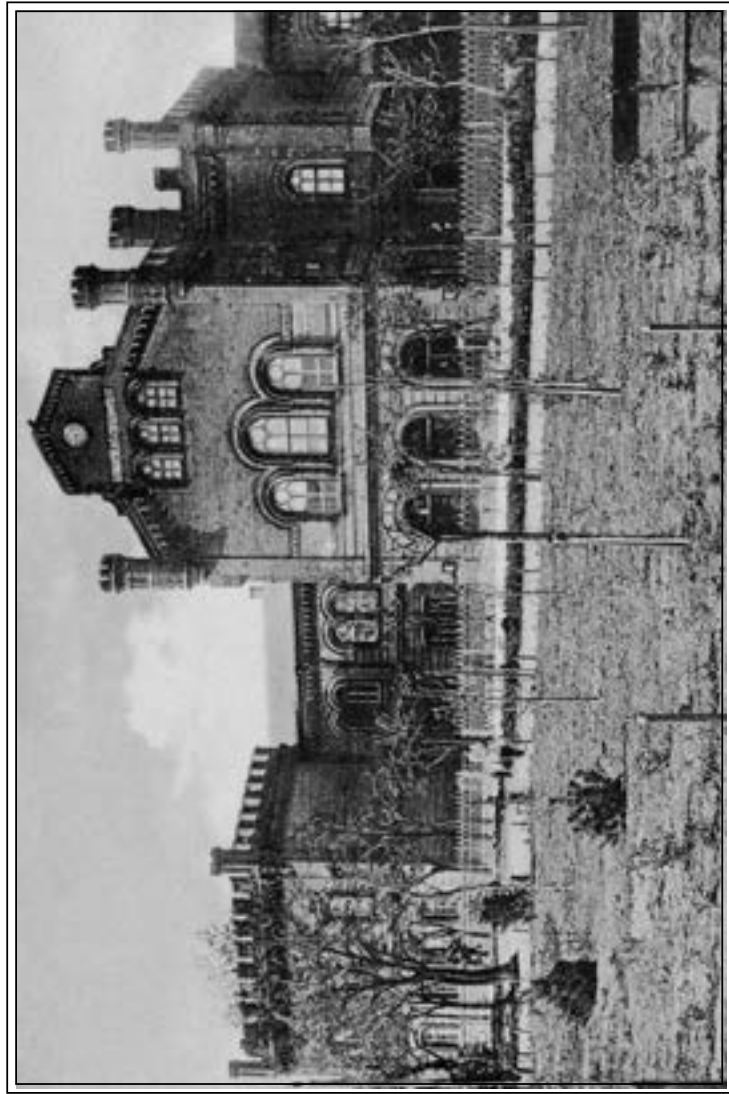

Кинжалъ, Магнѣе. Е. рубина, снѣгаго.

Берднѣсѣ.

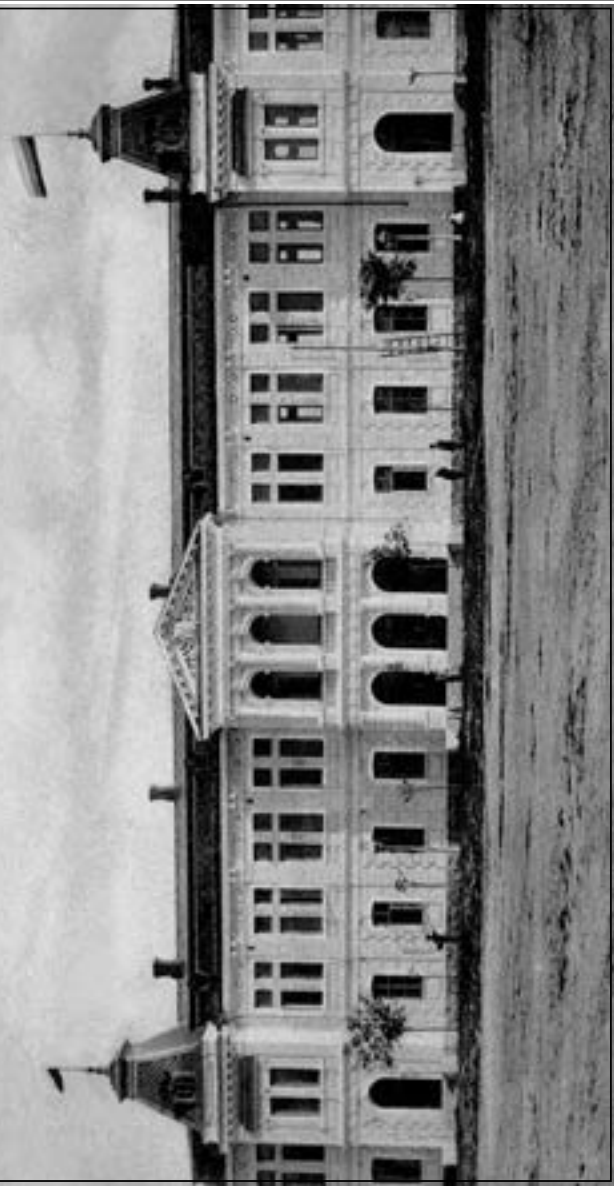

Мужская
гимназия.
Открытие
1920-х гг.

Городъ. училища.

Бердянскъ.

Пристань Российского
Пароходного Общества

из помещения; Киселенко арестовали, двери заперли на замок, а ключ отдали новому хозяину города — председателю Первого совета Александру Дюмину. Сторонники Киселенко да и простые обыватели были возмущены происшедшим и не скрывали этого. Возмущение горожан вылилось в стихийный митинг на Базарной площади возле Вознесенского собора, на который собрались богомольные старушки, старые городские чиновники, члены "Союза увечных воинов"*, одним словом, — все недовольные безобразиями новой власти. Наиболее примечательной личностью среди участников митинга был духовник "Союза", соборный протоиерей Александр Лукин, о котором надо сказать отдельно.

Александр Васильевич Лукин родился 1 марта 1876 года в священнической семье. В 1897 году, окончив Оренбургскую духовную семинарию, стал учительствовать в начальных классах Челябинского духовного училища. В 1902 году Александр Васильевич поступил в Казанскую Духовную Академию, окончив которую со званием кандидата богословия, стал законоучителем в Феодосийском учительском институте. В это время он познакомился с дочерью чиновника Валентиной Николаевной Орловой, которая вскоре стала его женой. 2 августа 1906 года Лукин был рукоположен епископом Таврическим Алексием (Молчановым) во иерея и в знак признания его несомненных заслуг тогда же награжден набедренником. С 1907 года отец Александр преподавал в Таврической духовной семинарии Священное Писание и древнееврейский язык. Помимо преподавательской деятельности, он состоял в распорядительском собрании и был делопроизводителем в попечительном совете при Трехсвятительской семинарской церкви. В разное время он преподавал в женском училище, состоял в цензурном комитете, был секретарем епархиального попечительства о бедных священнослужителях. Отличался скромностью,

* "Союз увечных воинов", в который входили преимущественно офицеры, ставил своей целью поддерживать инвалидов войны, оставшихся без средств к существованию.

Протоиерей Александр Лукин

смирением и нестяжательностью. В 1909 году за безвозмездное совершение служб и треб в училищном храме удостоился официальной благодарности от правящего архиерея. 29 июля 1910 года владыка Алексей возвел его в сан протоиерея и назначил настоятелем бердянского Вознесенского собора, куда отец Александр и прибыл 1 августа 1910 года вместе со своим семейством. У священника было двое детей: дочь Ольга, родившаяся 15 декабря 1907 года, и сын Владимир, родившийся 14 июля 1909 года. Прихожане храма приняли нового настоятеля торжественно и вскоре полюбили от всего сердца за благоговейный трепет, с которым он совершал службы, за целомудренную взвешенность каждого слова, с которым он обращался к своей пастве. По благословению архиепископа Таврического Феофана (Быстрова) отец Александр председательствует в уездном училищном совете, преподает в женской гимназии, ведет активную работу в комитете народной трезвости, где добивается серьезных результатов. В 1912 году протоиерей Александр Лукин был назначен благочинным Бердянского уезда.

Быстро мчалось время в пастырских трудах и заботах. После Февральской революции цельный и неудобопреклонный по натуре протоиерей Александр Лукин не захотел сообразовываться с текущим политическим моментом, с новыми веяниями и умонастроениями, распространившимися даже среди его учеников. Революционные идеалы и воля к ниспровержению прежних ценностей завораживали своей неожиданностью, и некоторые гимназистки, поддавшись пропаганде нового образа жизни, решили испытать на прочность авторитет всеми уважаемого священника. Так, в ноябре 1917 года некая экзальтированная гимназистка обвинила отца Александра в "неправильном" преподавании Закона Божия и выразила свой протест, в связи с чем местная революционная газетка живо откликнулась заметкой: "Известный своей общественной деятельностью о. Лукин внедряет в умы и души юной молодежи человеконенавистничество и национальную вражду". Далее фельетонист писал: "С батюшкой, говорят, чуть ли не обморок приключился. Передают, что "уроки"

о.Лукина уже дали свои плоды: протестантка-ученица не была поддержана своими соученицами, наоборот, ее обозвали "жидовкой" и всячески утешали батюшку, оскорбленного в самых лучших своих святых чувствах".

Протоиерей Александр Лукин придавал особое значение преподаванию Закона Божия и ни при каких обстоятельствах не соглашался отказаться от влияния на подрастающее поколение. Не жалея сил и времени, с неоскудевающим энтузиазмом священник предпринимал на всех уровнях и направлениях все возможное, только чтобы не попала его юная паства в руки развратителей. Объединив вокруг себя всех законоучителей, он на втором учительском съезде, проходившем в Бердянске в августе 1917 года, обратился к общественности с требованием сохранить преподавание Закона Божия. Местная газета "Известия" от 17 августа 1917 года описывает этот эпизод следующим образом: "...Настроение собравшихся поднимается, когда председатель вне очереди оглашает заявление отцов-законоучителей по поводу принятия резолюции о преподавании Закона Божия! Священник Лукин, получив однажды право высказаться по одному вопросу, уже после закрытия прений, думая найти на съезде благоприятную почву для своей агитации, явился уже с целым арсеналом требований, придав им форму организованного выступления местного духовенства. Тут же было и требование о пересмотре постановлений съезда по поводу преподавания Закона Божия, и о допущении представителей духовенства в президиум, и о представительстве в школьной комиссии... Но эти попытки довольно быстро ликвидируются..."

Протоиерей Александр доставлял много неприятностей еще не окрепшим и не всегда единомысленным революционерам. Об их опасной озлобленности можно судить по ерническому фельетону, напечатанному в той же газете на следующий день:

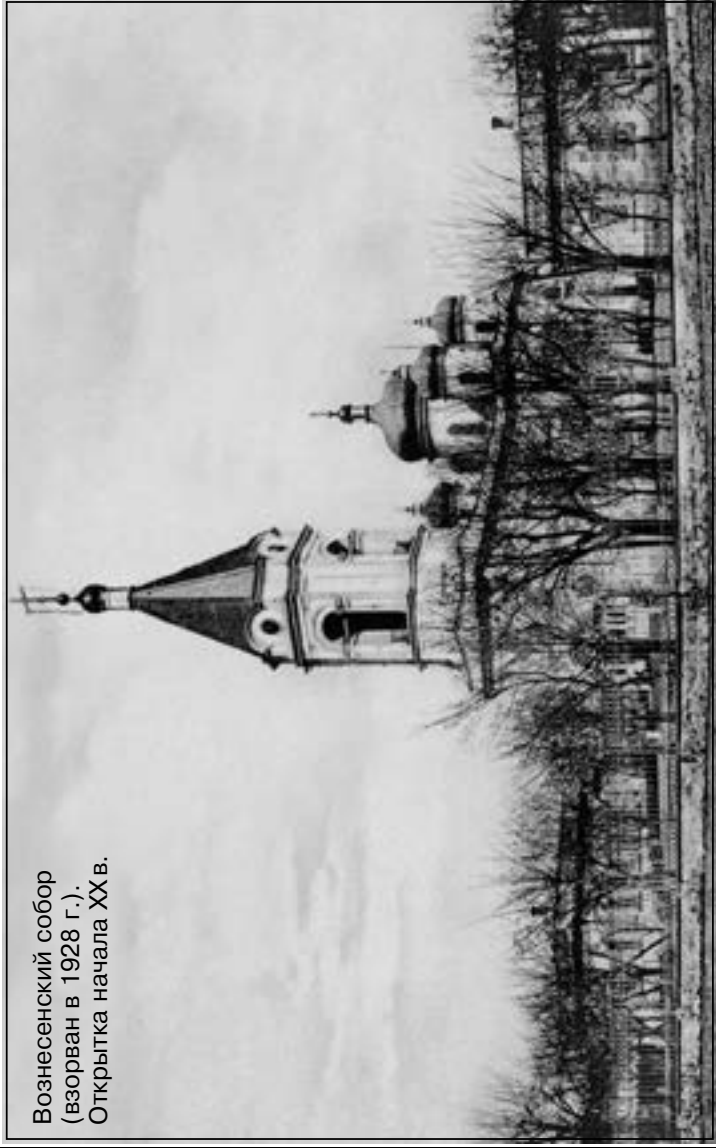
"НА УЧИТЕЛЬСКОМ СЪЕЗДЕ

Весь интеллигентный пролетариат города Бердянска и его уезда налицо.

Тут старые и молодые. Но больше молодых.

Чувствуется биение пульса молодой возрождающейся

Вознесенский собор
(взорван в 1928 г.).
Открытие начала XX в.

Хор Вознесенского собора. Фото 1912 г.

Гиржовый проспектъ.

Бердянскъ.

Городское 4-хъ классное училище.

Бердянскъ.

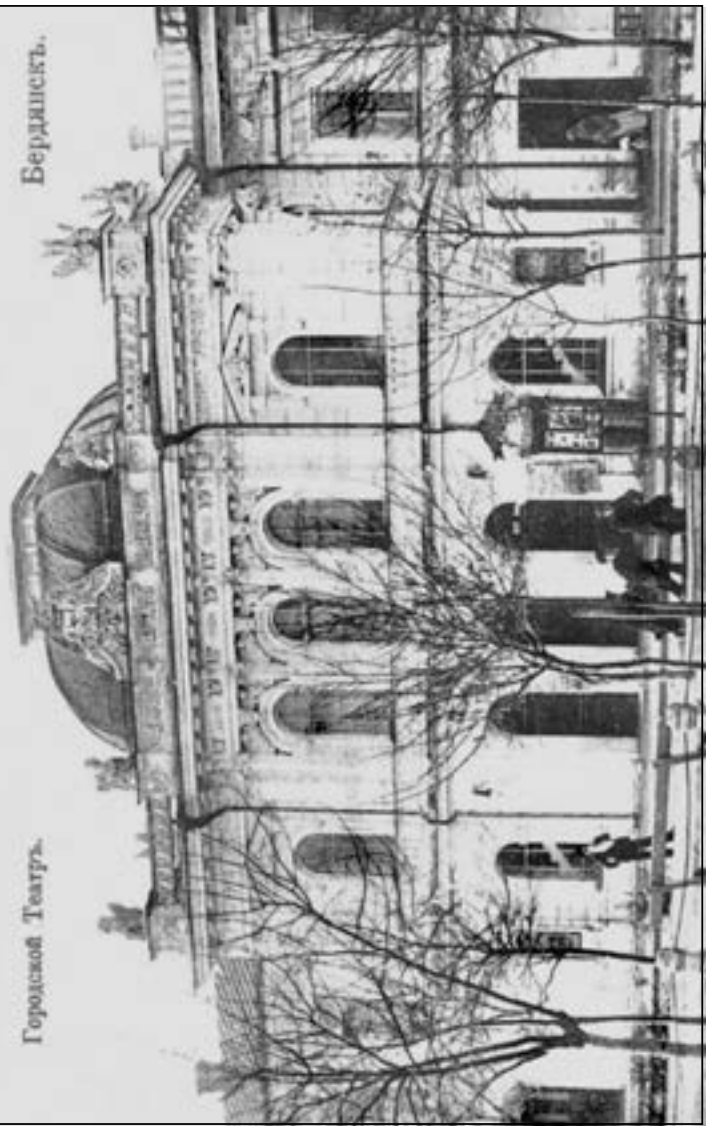
БЕРДЯНСКЪ

Мед. вник чарал. Бердѣянского

Азовскій Проспектъ

Городской Театръ.

Бердянскъ.

России. Народный учитель выступает на арену жизни. До сих пор он — и как человек, но еще больше как учитель, был на задворках жизни. Существом многострадальным и безгласным. Исполняющим волю и желание "чего моя левая нога хочет", то есть начальства.

Но времена изменились. Зазвучала свободная речь освобожденного учителя, этого мученика народного просвещения. Новые времена — новые принципы. Новые пташки — новые песни.

Кульминационный пункт первого дня съезда — вопрос об отделении религии от школы. Закрепление одной из важнейших свобод — свободы совести.

Но само Провидение привело к этому моменту в зал заседания о.Лукина. Он попал на съезд совершенно случайно. Просто проходил мимо и зашел. Пришел, увидел и — хотел победить. Кого? Свободную школу?

Стали лицом к лицу два мира: мир отживающий о.Лукина и мир возрождающийся — народный учитель. Но о.Лукин опоздал. Пришел тогда, когда прения по этому вопросу были прекращены и приступили к голосованию.

Старый мир пришел в тот момент, когда твердая рука всего мира уже готова была подняться, чтобы закрепить свою победу.

Картина символична. И восстал о.Лукин. И потребовал — нет, не потребовал, а, смиренно кланяясь и проповеднически слегка напевая, стал разглагольствовать, дабы спасти религию от поношения.

Новый мир не убоился этой судорожной попытки старого мира вернуть себе былое величие.

Раздалась в стенах театра церковная проповедь.

Окончил о.Лукин. И сто восемьдесят семь голов, освобожденных от рабства, поднятием рук ответили отцу Лукину: "Песня твоя, отче, уже спета".

И религия, эта святая святых каждого человека, отныне изъята от действительного поношения, отжившего гнилого мира. Отныне религия — интимное дело каждого гражданина. Никто не смеет грязными руками рыться в душе: "како веруеши?".

Одинок был отец Лукин. Впрочем, не совсем одинок. Его поддержал еврейский раввин...

О. Н."

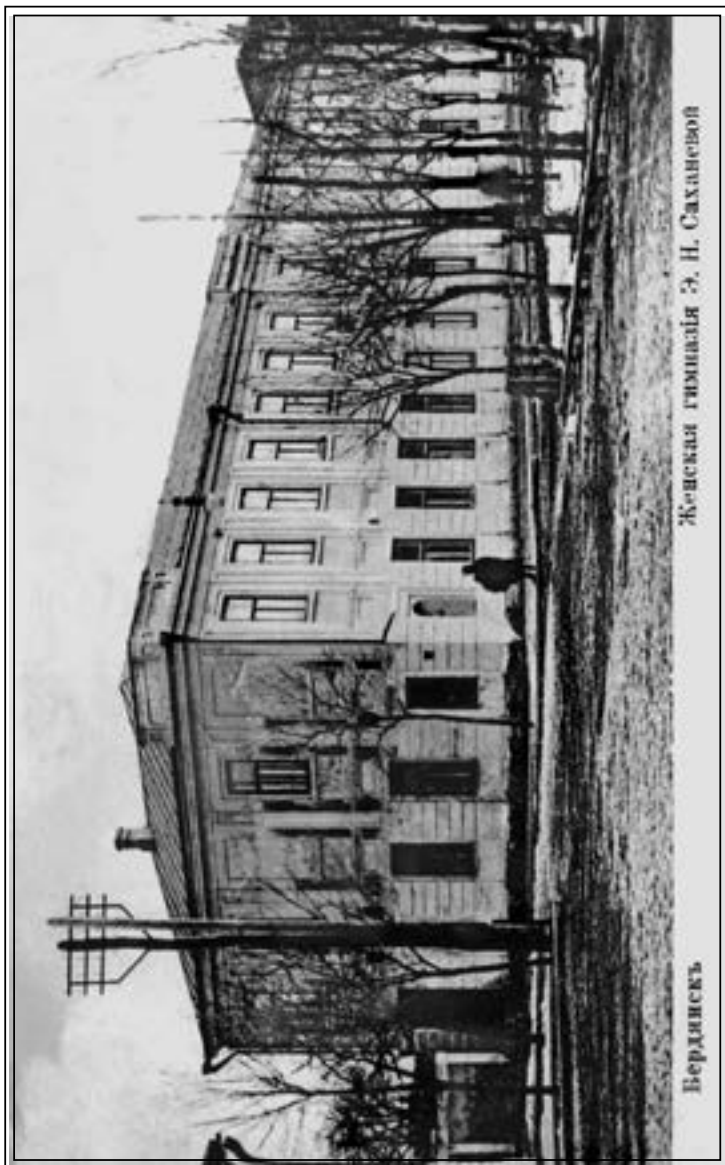
К Октябрьской революции на периферии Российской империи поначалу не все отнеслись серьезно. Но когда война с внешним противником по воле худшего меньшинства стала превращаться в гражданскую с ревнивым поиском "врагов" внутри страны, чью кровь так хотелось пролить устроителям "нового мира", стало страшно. Отец Александр отчетливее и лучше других видел и понимал происходившее, умел об этом доходчиво рассказать своей пастве. В своих вдохновенных проповедях он говорил о безбожной природе новой власти, о невозможности России быть без царя и о многом другом, неприятном и небезопасном для неокрепших большевиков.

О митинге стало известно. Базарная площадь была окружена и люди разогнаны. Киселенко, находящегося в тюрьме, после этого судил революционный трибунал. Он признал себя виновным и дал суду честное слово больше не заниматься политикой, на основании чего был отпущен.

С протоиереем Александром Лукиным новая власть, как бы в подтверждение его слов о ее жестокости, обошлась иначе — руководствуясь "политической целесообразностью". Незаурядная одаренность, открытость и прямота во всех проявлениях делали протоиерея Александра человеком заметным для горожан. Для многих он был непререкаемым авторитетом, а мужество, с которым он обличал неправды и беззакония, рискуя при этом не только благополучием, но и жизнью, вызывало глубокое уважение. К его словам прислушивались, поступкам старались подражать. Для большевиков он стал источником неприятностей и сугубого раздражения. Сигналом к окончательной расправе над ним послужило следующее происшествие. Как-то раз после богослужения в присутствии большого количества людей протоиерей Александр стал говорить о необходимости покаяться всем, кто

Протоиерей Александр Лукин (крайний справа во втором ряду) среди преподавателей

Женская гимназія Э. Н. Сахаровой

Бердискъ

Протоиерей
Александр Лукин
(сидит во 2-м
ряду четвертый
слева) среди
преподавателей
и учащихся
женской
гимназии.
Фото 1912г.

Бердичевъ.
Реальное училище.

восстал на церковные устои и законную власть, кто прельстился и увлек других в беспредел сомнительных свобод революции. Священник советовал своим прихожанам по мере сил сопротивляться грубому и несправедливому насилию, происходящему вокруг. Об этом стало известно заводским большевикам, и уже через полчаса красногвардейцы во главе с Тольмацем и Дудкой окружили Вознесенский собор. На предложение разойтись и освободить собор женщины стали возмущаться, бросать в красногвардейцев камнями и называть их кощунниками; на требование выдать отца Александра они подняли еще больший шум, а когда священника попытались арестовать, прикрыв его собою, спрятали. В защиту наиболее активных православных женщин, которых также хотели арестовать, выступили помощники священника прапорщик Панасенко и помещик Иван Бессонов. На этот раз у большевиков хватило благоразумия, и они не стали проливать кровь сограждан, ограничившись вызовом пожарной команды, которая и разогнала всех собравшихся холодной водой.

Осознанное неприятие революции, открытая позиция священника, зафиксированная властью в так называемых контрреволюционных высказываниях, определила его судьбу. В 1919 году по приговору ЧК протоиерей Александр Лукин был расстрелян. Вместе с ним был расстрелян Иван Бессонов.

20 ноября 1921 года председатель Таврической ученой архивной комиссии А.И.Маркевич сообщил о кончине почетных членов комиссии, среди которых назвал и протоиерея А.В.Лукина. "Обо всех этих лицах, — свидетельствует Протокол заседания, — и услугах их Комиссии председатель сказал в своем слове. Память почивших была почтена вставанием".

Зараженные революционными агитаторами крестьяне делали заявления и принимали резолюции. В январе 1918 года жители села Александровка на сельском сходе постановили:

"Горячо приветствуем Совет Народных Комиссаров

за их деятельность против всех грабителей — капиталистов, предателей Революции.

Довольно, не касайтесь грязными руками ран Революции, не для того наши товарищи рабочие и крестьяне имеют на руках кровавые мозоли, чтобы управляли нами капиталисты, нет более места в Правительственных учреждениях господам буржуям.

Признать декрет о роспуске Учредительного собрания правильным. Вся власть — трудовому народу.

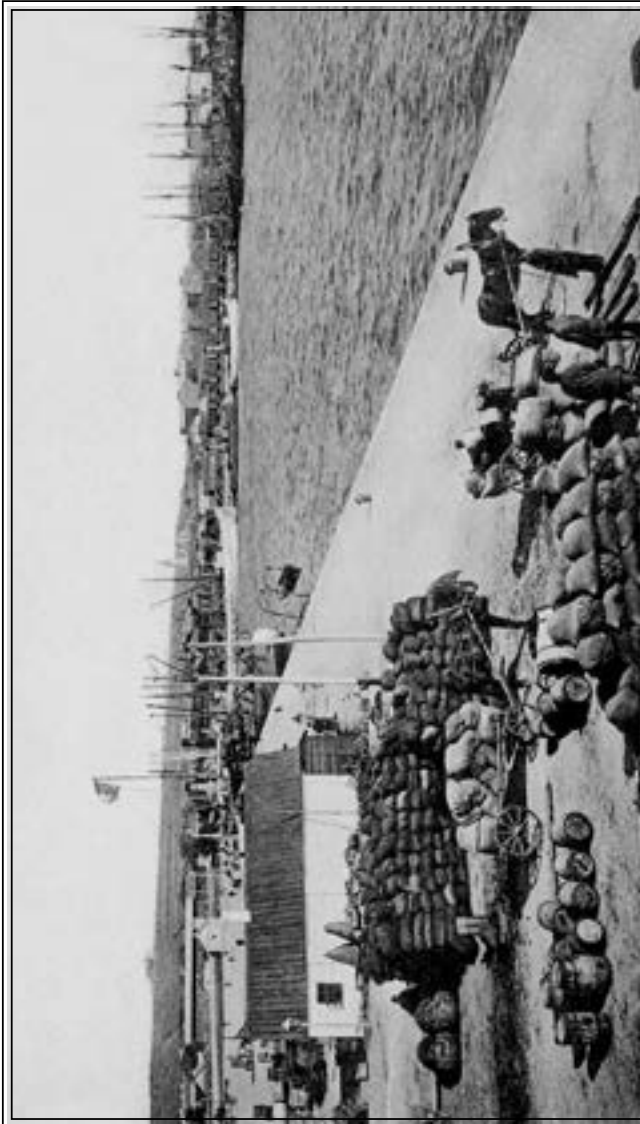
Да здравствует рабоче-крестьянское Правительство — Совет Народных Комиссаров.

Долой соглашателей. К столбу — саботажников".

В январе 1918 года большевики разоружили 46-й полк, стоявший в городе, и арестовали более двухсот офицеров, после чего, сняв часовых, они собрали стоявшие в пирамидах винтовки и, разбудив солдат, предложили им вступить в Красную гвардию. Расстрелять офицеров большевики не решились и удовлетворились их подпиской о неучастии в контрреволюционных действиях. Многие из офицеров после того стали членами "Союза увечных воинов".

К 18 апреля 1918 года горожане насытились властью многословных большевиков и во главе с полковником Абольянцем и прапорщиком Панасенко оказали им сопротивление. Испуганный Первый революционный совет попросил военную помощь из Севастополя. Между тем, приближались немцы. Недалеко от города находились дроздовцы. Запаниковавшие революционеры стали поспешно грузить на корабли материальные ценности, но им помешали офицеры. Стычки закончились арестом членов Совета. 20 апреля прибыли севастопольские корабли и, оставаясь на рейде, предъявили ультиматум: немедленно освободить всех арестованных (26 человек), сдать оружие и передать всю власть в руки Советов.

"В случае неисполнения нашего ультиматума будем бомбить город и возьмем его силой", — заявили севастопольцы. Чтобы затянуть время, парламентарии дважды поднимались на корабль "Садко". В качестве заложника матросы оставили Панасенко, а когда поняли,

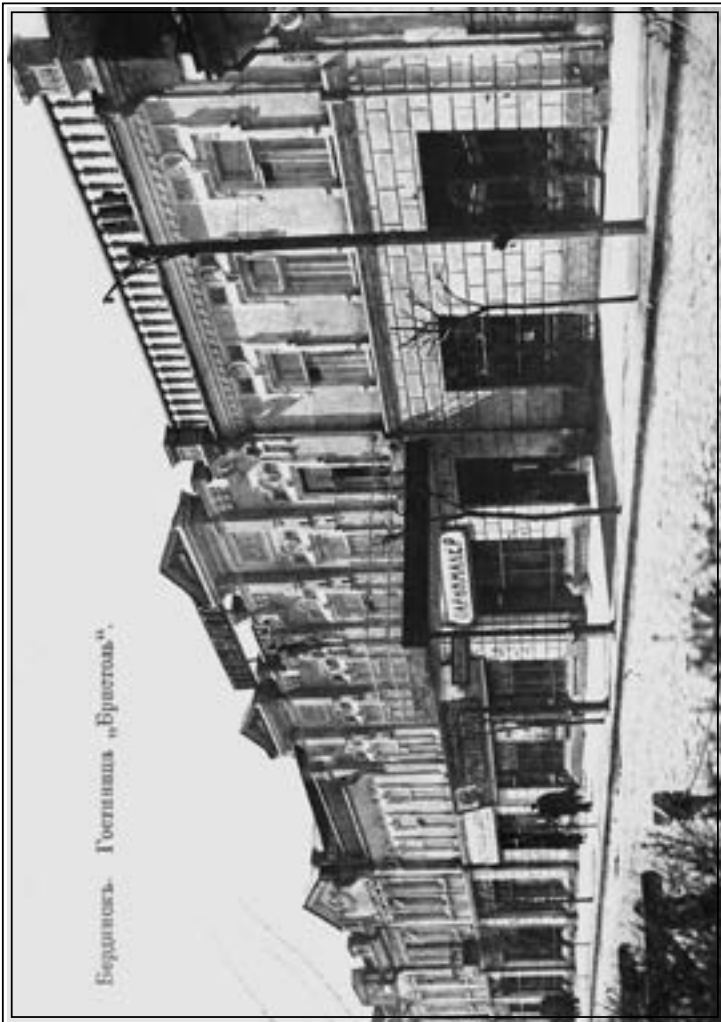

Портъ

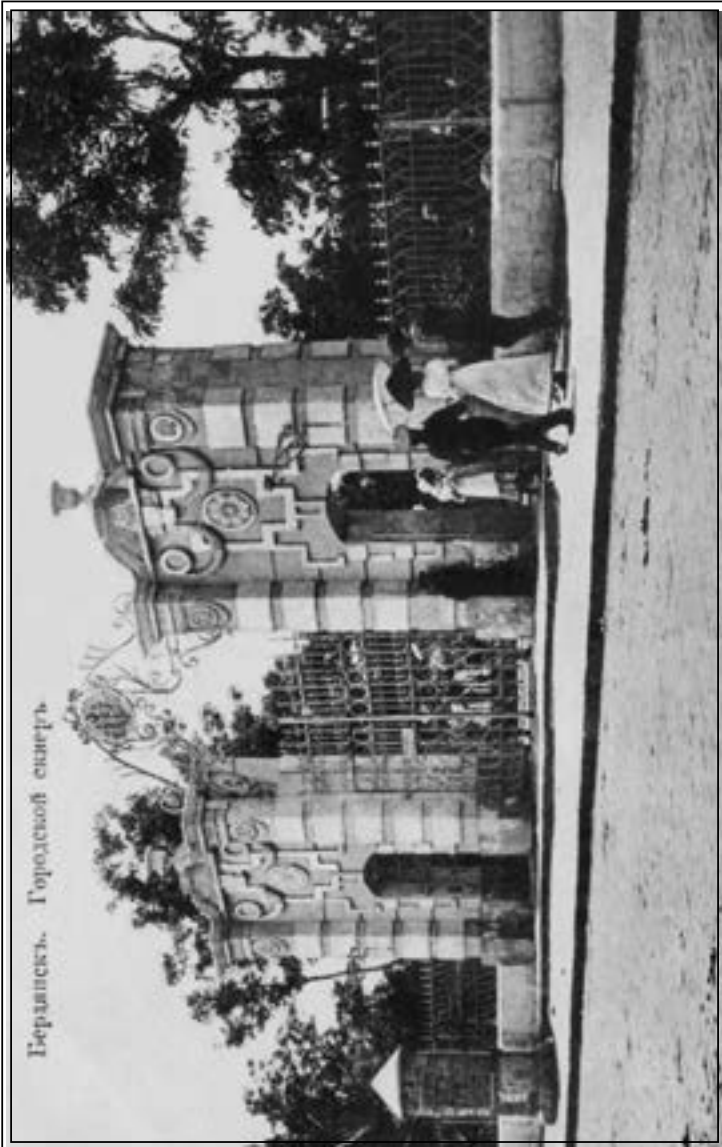
Бердичевъ

Бердискъ. Гостиница „Бристоль“.

Бердичесъ. Городской еиеръ.

Дом, в котором заседали представители
советской власти

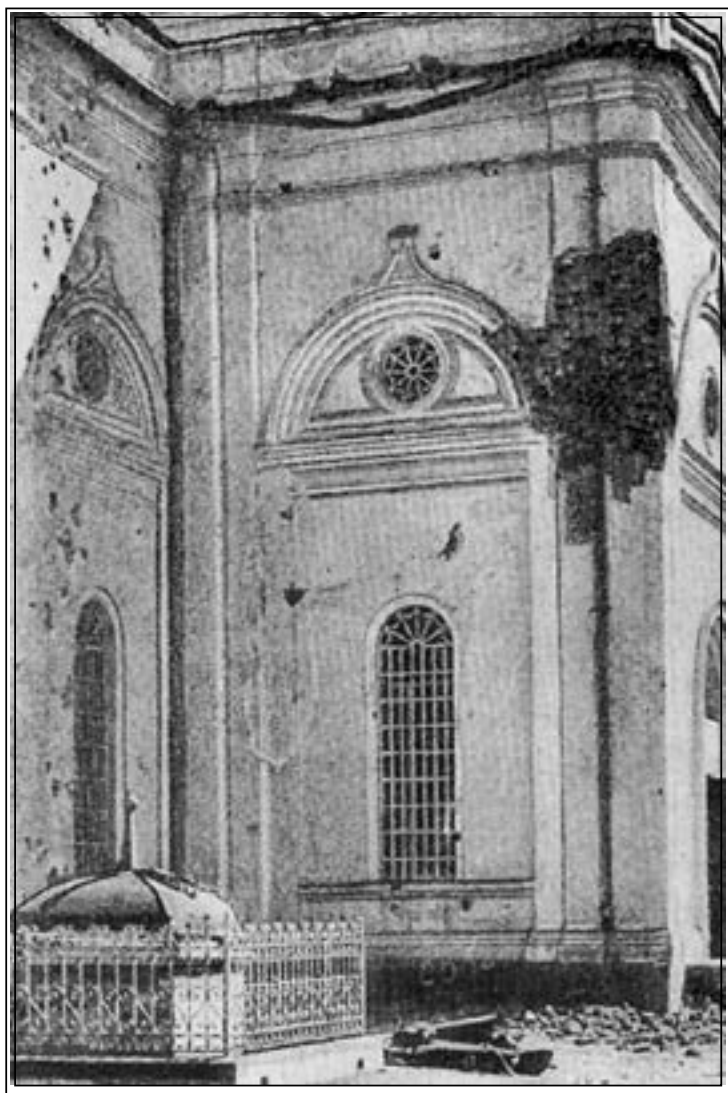
что их ультиматум игнорируется, демонстративно расстреляли его на палубе.

Попытка краснофлотцев высадить десант не увенчалась успехом — помешал шквальный огонь, открытый с берега. Перед отходом 22 апреля корабли обстреляли город, оставив на многих домах печальные следы своего пребывания. Вскоре Бердянск был оккупирован немцами, а после них снова большевиками.

Прибывшего в город 28 марта Н.И.Махно большевики встретили торжественно и разместили его штаб в гостинице "Бристоль". С его помощью они надеялись укрепить свою власть, но их надежды не оправдались. Лукьян Романович Романов-Лопатко вспоминал: "В день прибытия махновской армии я с товарищами <...> отправился к 10 часам утра на станцию. Прибывает поезд, пять пассажирских вагонов. Это — штабные вагоны, следом подошел состав товарных вагонов, в которых прибыла армия. Выходит группа людей, человек десять, одеты в кожаные куртки, в кубанках на головах, все с револьверами, у некоторых висят кинжалы. Подхожу, спрашиваю, кто здесь Махно. Подходит невысокого роста человек, без всяких военных отличий, как и все остальные, в кубанке и кожаной куртке, большие кудлатые волосы на голове и несколько осповатое лицо. Подходит и представляется: "Я командир первой советской красной бригады, батько Махно Нестор Иванович". Отвечаю, что я являюсь председателем Военно-революционного комитета города Бердянска — Романов. Посмотрели на нас всех особым взглядом, по которому можно без труда определить к нам приехавших людей. Начали выгружаться из вагонов армейцы, в первую очередь пехота. Все люди были грязные, оборванные, на ногах у некоторых на одной ноге сапог, а на другой ботинок, брюки у всех изорванные, на головах были фуражки, шапки, кепки и шляпы. У многих в руках были черные знамена. Все бросились на станцию и начали расклеивать плакаты. Стены, заборы — всё было оклеено плакатами. Из вагонов выходят кавалеристы, вывели лошадей, началась посадка. У многих не было седел, но были

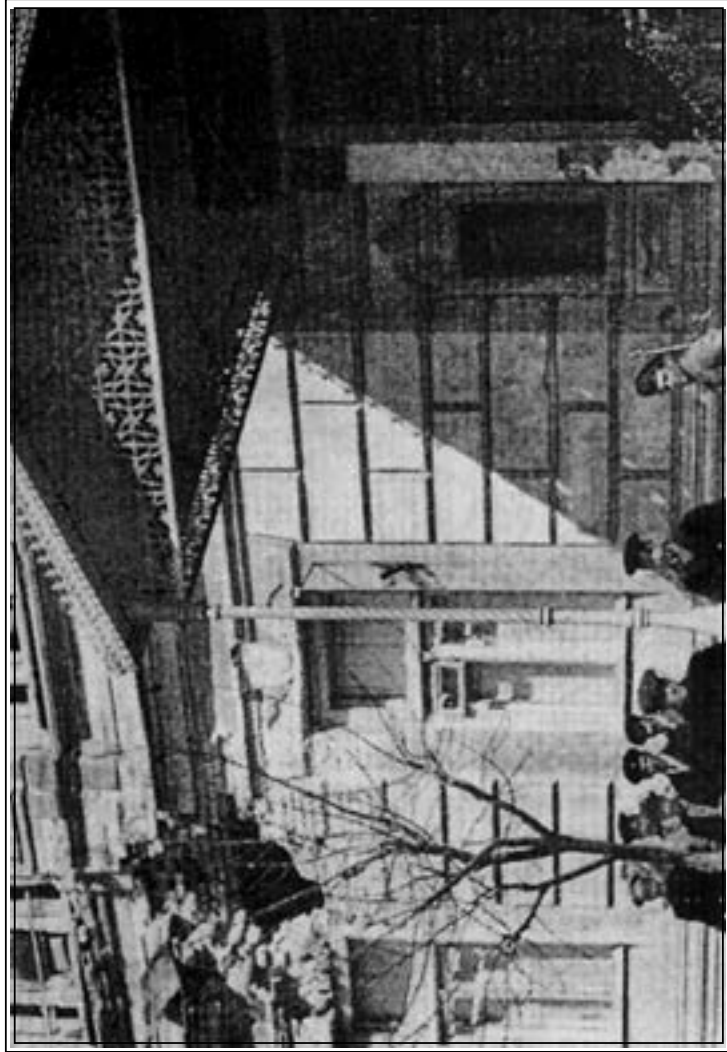

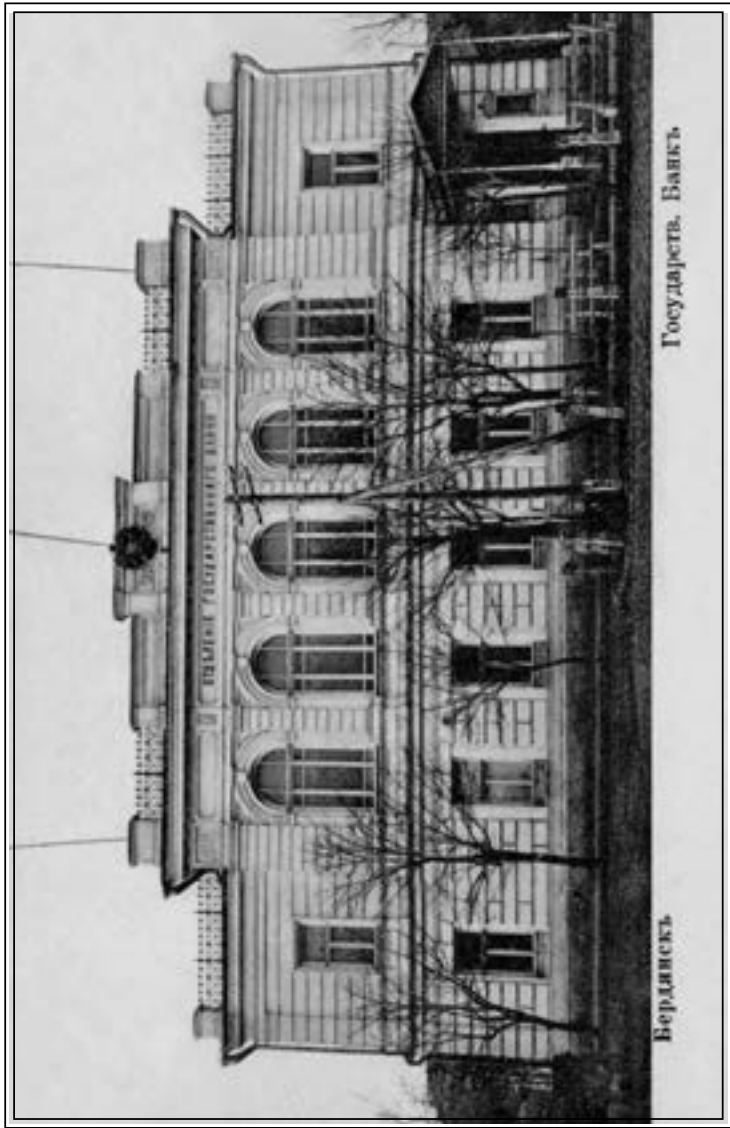
После бомбардировки
22 апреля 1918г.

Вознесенский собор после бомбардировки
22 апреля 1918г.

Государственный
банк после
бомбардировки
22 апреля 1918 года

Верднискъ

Государств. Банкъ

шпоры, одеты были не по форме; у кого телогрейка, у некоторых фраки, казачьи бурки, были и шинели. На головах были: шапки, фуражки, кепки, у некоторых была граммофонная труба на голове, а пластинки висели через плечо. Всё это зрелище похоже на клоунов и нисколько на военных людей. Сейчас же бросились в город. Пошли и мы, читаю плакаты, которые были разного цвета, но одинаковые по содержанию: "Бей жидов и комиссаров". Останавливаюсь и говорю товарищу Ховякину: "Отправляйся в город и покажи Нестору Ивановичу место их штаба". Обращаюсь к Махно: "А вы, Нестор Иванович, после вашего отдыха, зайдите в Революционный комитет, нужно посоветоваться с вами по многим вопросам". Конечно, он на совещание не пришел".

Махновцы взорвали городскую тюрьму и освободили всех заключенных; расстреляли не успевших сесть на корабли белых офицеров. В тот же день они провели митинг в театре, на котором выступил сам Нестор Иванович и рассказал горожанам, какая жизнь будет при анархизме.

На следующий день на домах и заборах красовался приказ штаба Махно: "Всем больницам, аптекам и обывателям города все имеющееся наличие спирта немедленно сдать в штаб Махно. За невыполнение будет наказание". И подпись: "Командир первой советской красной бригады — батько Махно". Очевидец событий писал: "По городу пошли грабежи и побоища, всюду пошла пьянка, на роялях раскладывали костры. Из материалов, содранных с диванов, шили себе брюки и разные кафтаны. В последующие дни пьянки и мародерство махновцев увеличились".

Крестьян бесцеремонно грабили, и они перестали привозить в город продукты. Большевики создали продармейские бригады, которые наряду с махновцами, разъезжая по селам, отбирали у крестьян последнее, из-за чего между ними постоянно происходили кровавые стычки.

Между тем другая часть махновцев в городе, имевшем

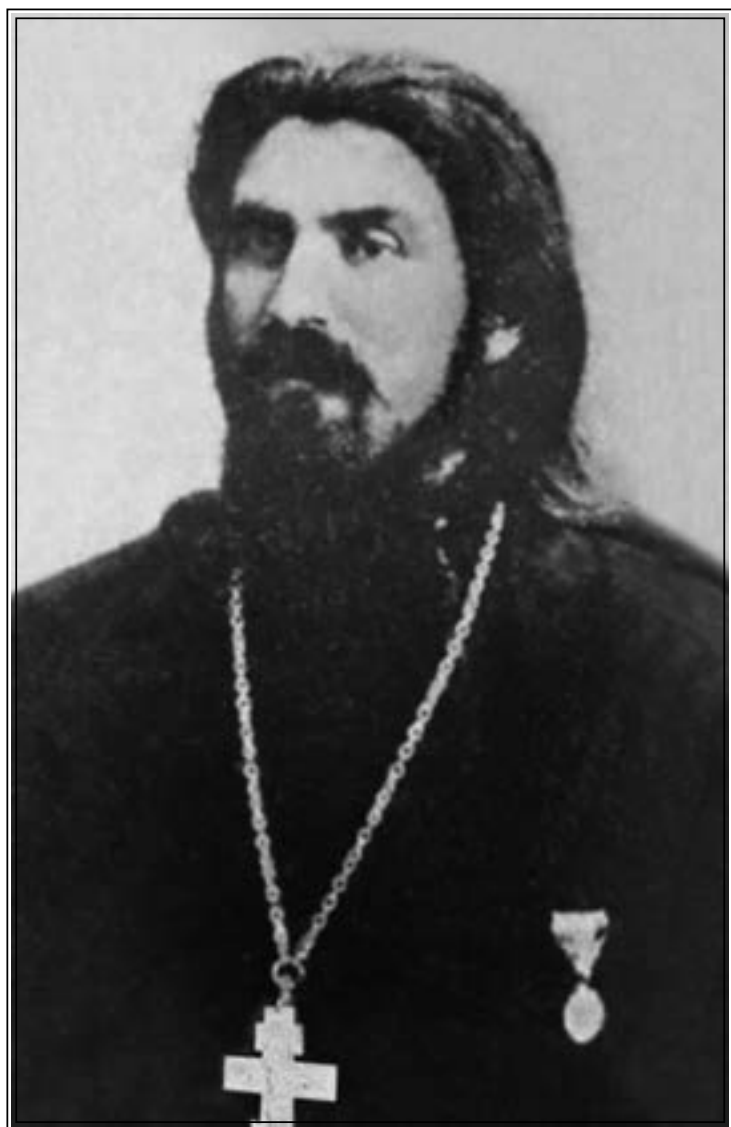

Нестор Иванович Махно

огромные запасы вина, продолжала повальное пьянство. Не дожидаясь, пока его выпьют, люди стали выливать вино в канавы, но это махновцев не остановило. Утром они лежали пьяные возле канав, немало было и захлебнувшихся. Тогда вино стали выливать в море. Но энтузиасты находили возжеланный напиток в подвалах частных домов. И только в начале июля махновцы оставили измученный город.

На Рождество Христово 7 января 1919 года по приказу председателя Всеукраинского Революционного комитета Г.И.Петровского в Бердянск прибыл латышский полк под командованием Балицкого и разместился в старой царской казарме, а штаб занял дом дворянского собрания. Балицкий создал ревком и провел несколько митингов. Чтобы хоть как-то успокоить людей, по всему городу были расклеены воззвания, призывавшие к соблюдению порядка и спокойствия. С этого момента стали съезжаться коммунисты и занимать вакантные руководящие должности. Но теснимые врангелевскими войсками, они под прикрытием конного отряда И.Поднебесного четыре раза отступали на Мариуполь и возвращались обратно.

В том же году большевики совершили очередное злодеяние, пролив невинную кровь протоиерея Павла Войнарского. О нем известно немного. Родился в 1867 году. По окончании Таврической духовной семинарии был законоучителем в земской школе. В 1894 году рукоположен в дьякона, а через некоторое время во иерея. До 1904 года служил в храме Архистратига Михаила в селе Новотроицком, а после — в селе Юрьевке. В 1906 году труды протоиерея Павла были отмечены архиерейской грамотой. После революции священника трижды арестовывали за то, что его сын был офицером, но по требованию крестьян всякий раз выпускали. Протоиерей Михаил Польский пишет: "25 марта 1919 года при выходе из церкви он был снова арестован. Он этого ожидал, но не хотел оставить прихожан. Матушка его была укрыта крестьянами. Отца Павла и двух крестьян — Павла и Алексея

Священник Павел Войнарский

Кириян увезли в село Новоспасское Екатеринославской губернии, ярко большевистского настроения и до революции считавшееся разбойничьим селом. Здесь 29 марта отец Павел был убит: 11 пулевых ран и несколько штыковых. Братья Кириян были также расстреляны, но, видимо, их били перед смертью, так как трупы были покрыты синяками".

Это было начало. Холодный ужас, рожденный новой властью, неотвратимо входил в кровь и сознание людей, однозначно давая понять каждому, — история может быть иной, чем ее представляют.

12 апреля 1920 года по гарнизону города был издан приказ председателем уездного ЧК А.Кулаковым. В нем говорилось: "Замеченные среди публики города и красноармейцев случаи появления лиц в нетрезвом виде будут немедленно арестовываться и препровождаться по назначению для предания суду Военревтрибунала.<...> Движение по городу, как публике, так и извозчикам, разрешено только до 10 часов. Не имеющие пропусков после указанного времени будут задерживаться".

А вот еще один приказ от 20 апреля 1920 года:

"Предлагается гражданам города немедленно очистить от нечистот и мусора дворы и прилегающие к ним тротуары и мостовую.

Очистку производить общими силами всех жилых домов. Весь мусор с мостовых собрать в одну кучу, а нечистоты с дворов отдельно в другую. Куча из нечистот должна быть сложена во дворе.

К вывозке мусора и нечистот будет приступлено с 22-го апреля подводами, имеющимися в распоряжении уездной санкомиссии.<...> Не исполнение сего приказа будет караться по всей строгости революционного закона. Иностранцы, не явившиеся на перерегистрацию, будут привлечены к ответственности. <...> К числу иностранцев, согласно разъяснению Всеукревкома, принадлежат такие граждане окраинных государств: Эстонии, Латвии, Литвы, которые в силу этого подлежат перерегистрации наравне с другими иностранцами. Граждане не признанных Советской

властью государств: Грузии, Армении, Азербайджана и Белоруссии не считаются иностранцами, и перерегистрации не подлежат".

В первых числах декабря 1920 года стало известно, что на Бердянск готовится налет махновцев со стороны села Новоспасского. На партийном совещании было решено принять бой за чертой города. Ожидали, что махновцы начнут наступать с восточной стороны, но, тем не менее, установили посты и дозоры вокруг всего города. В течение десяти дней волонтеры новой власти дежурили днем и ночью. Жители города, еще не привыкнув к большевикам, со страхом ожидали махновцев. В ночь на 12 декабря погода была тихая, прошел небольшой снег. Земля побелела, и стало видно намного дальше. Около 5 часов утра заговорил пулемет. Махновцы под руководством Трифона Вдовиченко двигались к восточной части города. Вскоре, чтобы избежать полного окружения, красноармейцы, отстреливаясь, попытались отойти по направлению к Петропавловской церкви. Первый рукопашный бой с махновцами приняла 30-я дивизия, которая находилась на Базарной улице. Сразу же было убито 10–11 человек. Стрелять было нечем. Гарцуя на лошадях, махновцы стали рубить направо и налево. Стоны, крик, отдельные выстрелы, ржание лошадей — всё смешалось. Под их напором большевики побежали к морю. Конные махновцы не решились преследовать их по тонкому льду, что многих спасло от неминуемой гибели.

После боя налетчики бросились грабить мирных жителей, магазины и склады с продовольствием, захватили наличные деньги в Госбанке. Когда махновцы подошли к отделу Народного образования, бойцы резервного отряда встретили их ружейной стрельбой. Тогда налетчики подкатили орудие и прямой наводкой разбили угол дома. Красноармейцы небольшими группами, по 2–3 человека, через двор стали просачиваться на набережную и разбегаться в разные стороны.

По доносам обиженных людей, махновцы вытаскивали из квартир оставшихся в живых партийцев и тут же зверски расправлялись с ними. И когда ценности были

разграблены, бандиты к трем часам дня покинули город. В этот день большевики потеряли 86 человек, но горожан было убито еще больше. Местные жители хоронили своих погибших отдельно.

Разбитые и опрокинутые, но не утратившие революционного оптимизма, большевики к вечеру собрались у здания своего штаба и провели митинг. Создали похоронную комиссию и приступили к изготовлению гробов. Через три дня состоялись грандиозные похороны, посмотреть на которые вышли все жители города. Еще непривычная в таких случаях музыка, сопровождавшая процессию, рождала дурные предчувствия.

15 декабря 1920 года по войсковым частям, учреждениям и заведениям Бердянского гарнизона был объявлен "Приказ № 2":

§ 1.

Приказываю помкомполка Интернациональной бригады, совместно с Особым отделом Морского отделения и представителей от местного Ревкома с сегодняшнего дня начать повальный обыск оружия, снаряжения, обмундирования, белья и прочего казенного имущества.

§ 2.

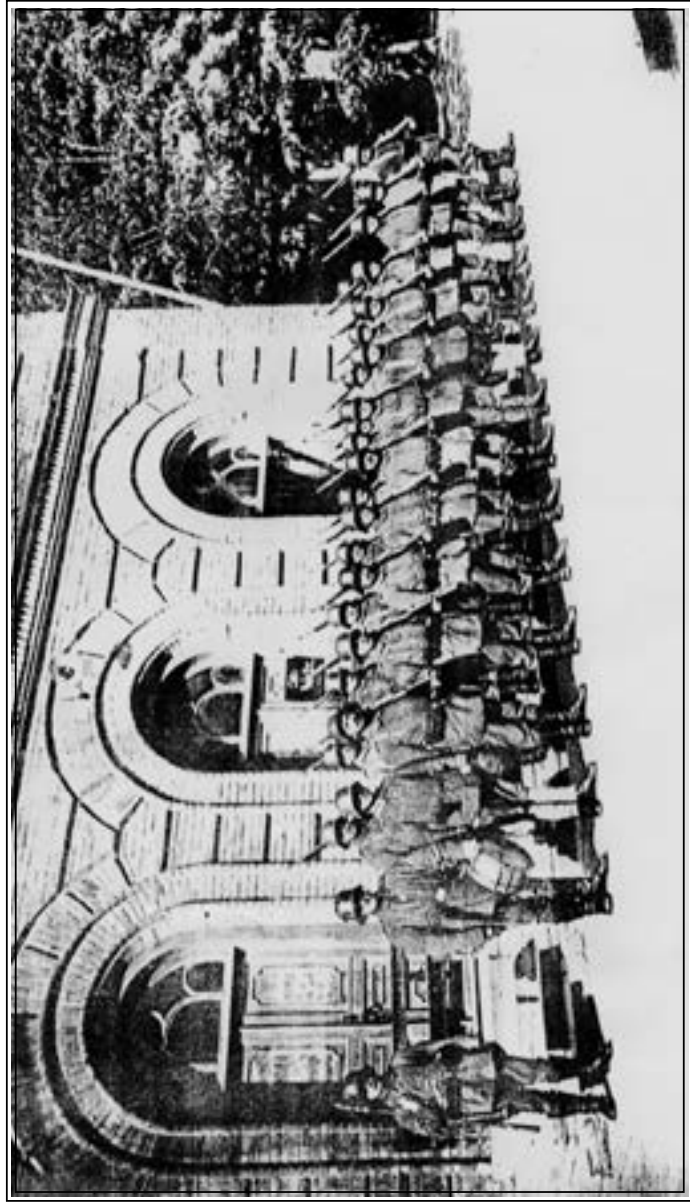
Всем гражданам, коим заведомо известно пребывание остатков махновских банд и отдельных личностей, сочувствующих Махну, безусловно выдавать оперативным отрядам, в противном же случае укрыватели таковых будут беспощадно преданы суду по законам Военного времени.

Коменданту города тов. Лебедеву приказываю организовать полную охрану и спокойствие города, для чего потребовать от местного Карбата, Консотни и милиции 100 человек вооруженных красноармейцев.

§ 3.

Командиру Карбата тов. Поднебесному, с 8 ч. вечера до 7 час. утра назначить при казарме дежурный взвод к количеству 50 чел., которому быть готовым к выступлению по первому требованию Коменданта города.

§ 4.

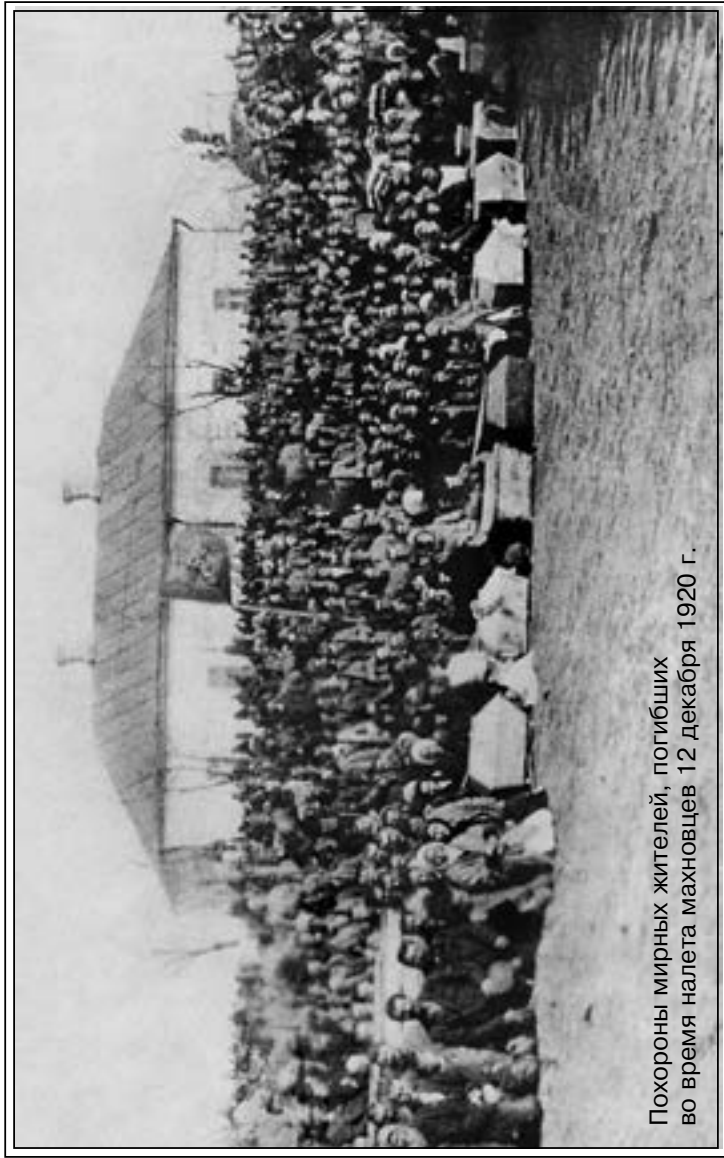
Оккупационные германские войска в городе

Группа партизан,
отбившая
банду Махно. Фото
1920 г.

Жертвы налета банды Махно
на Бердянск 12 декабря 1920 г.

Похороны мирных жителей, погибших
во время налета махновцев 12 декабря 1920 г.

Приказ № 3

Коменданта города Бердянска.

15 декабря 1920 г. г. Бердянск.

§ 1-й

Приказываю всем милиционерам, как городской так и уездной милиции находящимся в городе явиться сегодня к 5-ти час. вечера, вместе с вооружением в комендатуру, находящуюся по Гостинной улице, в д. № 3.

Неявившиеся будут преданы суду военного трибунала.

§ 2-й.

Всем служащим комендатуры приказываю 16 декабря к 9 час. утра явиться на занятие

Комендант города **Лебедев.**

Советская Типография город Бердянск.

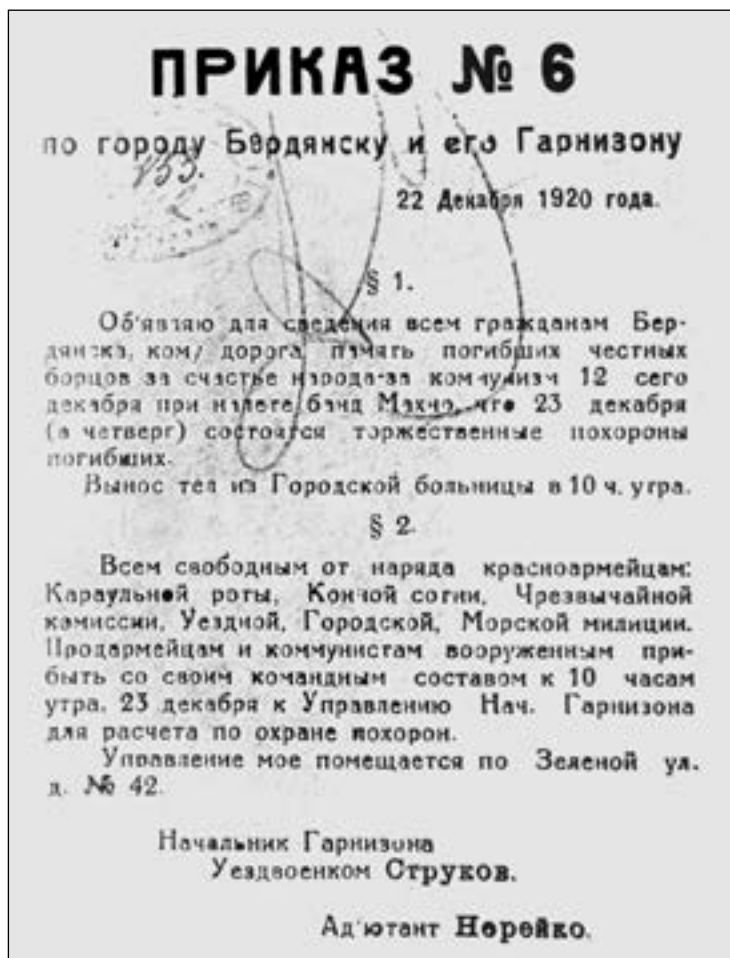
Ind 177
15/12
Лебедев

Всех красноармейцев, не явившихся в Карбат до 17 декабря, считать злостными дезертирами со всеми вытекающими последствиями.

Начальник Гарнизона
Военный Комиссар Стрюков".

16 декабря 1920 года партком докладывал о последствиях налета махновцев:

"Бердянск Упарком. Настоящим доносим, что утром 12 декабря в 8 час. был сделан на Бердянск налет банд Махно. Убитых пока свезено до 100 чел., раненых не выяснено. Город разрушен артиллерией. Среди убитых председатель Ревкома т. Михелович и еще до 10-ти чел. нет и руководителя партии. Необходимо Губкому командировать в Бердянск политически

сильного товарища, желательна присылка т. Бронзеса. 16-го приступлено к работе. Денег ни копейки. Все кассы взорваны, машинки пишущие забраны или разбиты. Топлива нет. Здания без стекол. Необходима немедленная присылка денежных знаков. Иначе восстановить нормальную жизнь города невозможно. Бумаги нет. Газеты выходить не будут.

Секретарь Наркома — М.Никонов".

По приказу властей для отопления были вырублены

Митинг
в Бердянске.
Начало
1920-х годов

РАССКАЗ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ФЕДЕРАТИВНОГО СОВЕТА РАБОТНИКОВ.
Получено 10.10.1920. 10.10.1920.

№ 6

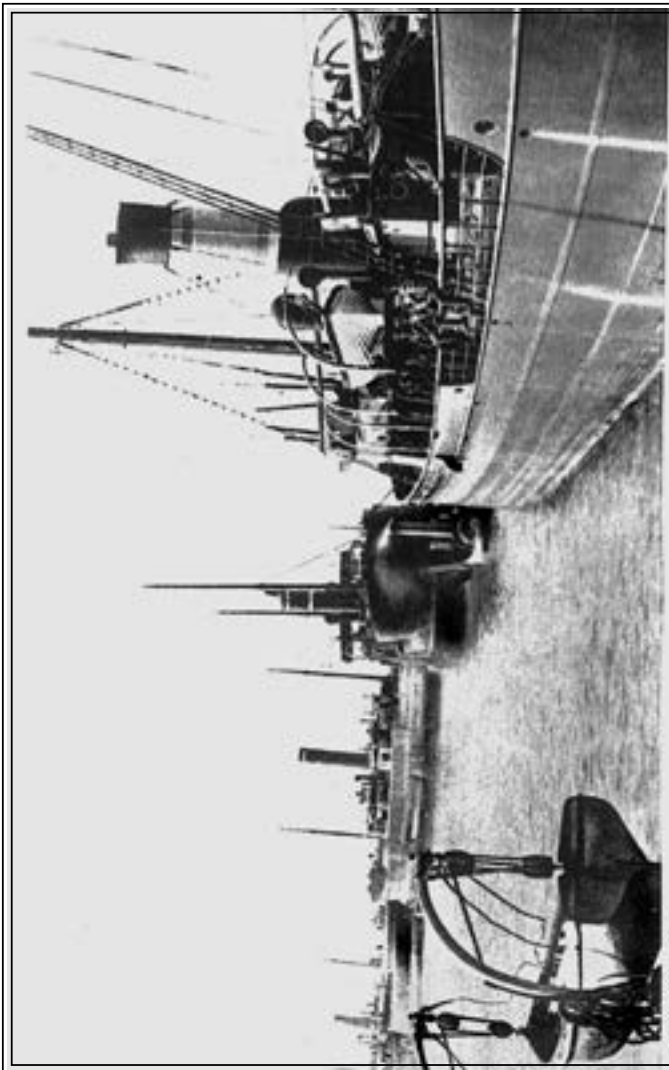
НАСЛЕДИЮ ВОЙНЫ-РАЗРУХЕ МЫ ОБ'ЯВИЛИ ВОЙНУ!

Топором, лопачей, лопатой вонзимся ей в гуту! Молотом толчем разобьем ей голову! Тогда заработают НАШИ фабрики, НАШИ машины и станки! Будем создавать для ДРУГИХ наших мирных господ для СЕБЯ будем создавать их телера! Довольно терпеть нищету: в наших руках неисчислимые богатства! *ЗАЩИЩАЕМ ИХ ОТ ТРАНСИЖИОН. А.О.М.А.У.И.С.* От восстановления железные дороги: они падают ХЛЕБ голодным ТЕЛУЮ холодамык ринки и заводы! Только своей РУКОЙ МАТЕРЕЙ, совсем

ЗАЩИЩАЕМ ОНЫ ДЕТЕР РАБОЧИХ, ЖЕН, ОТЦОВ.

СОЗДАЮ РЕСТАВРАЦИЮ

А.О.М.А.У.И.С.

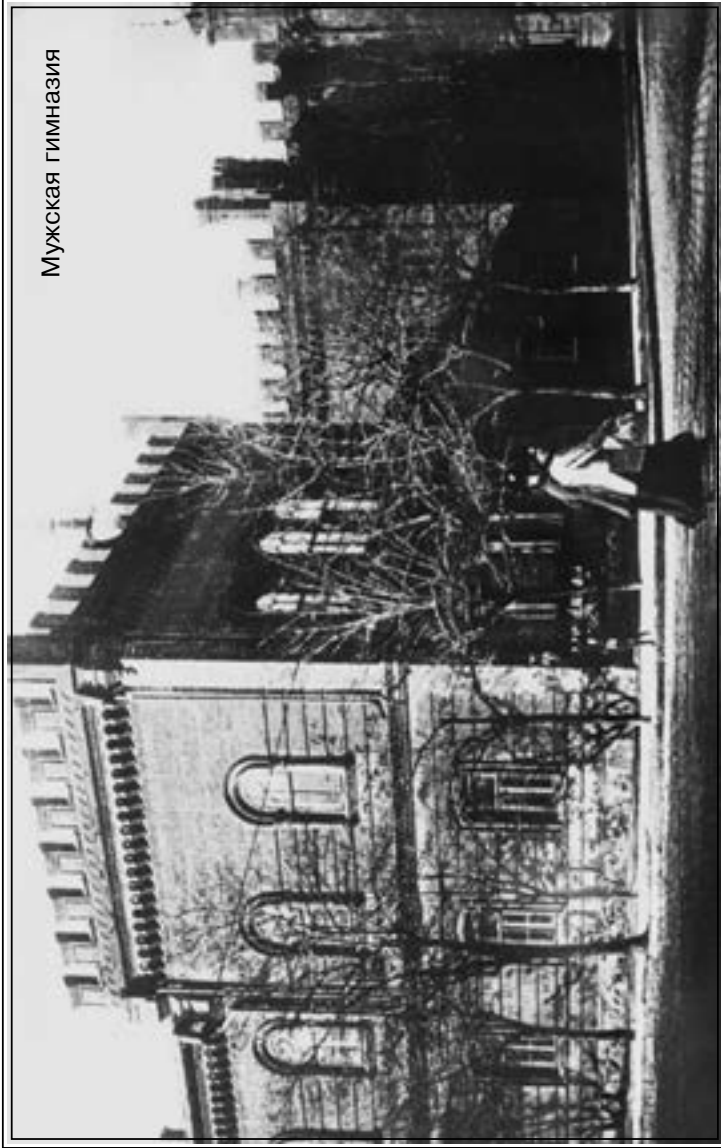
Портъ

Вердинскъ

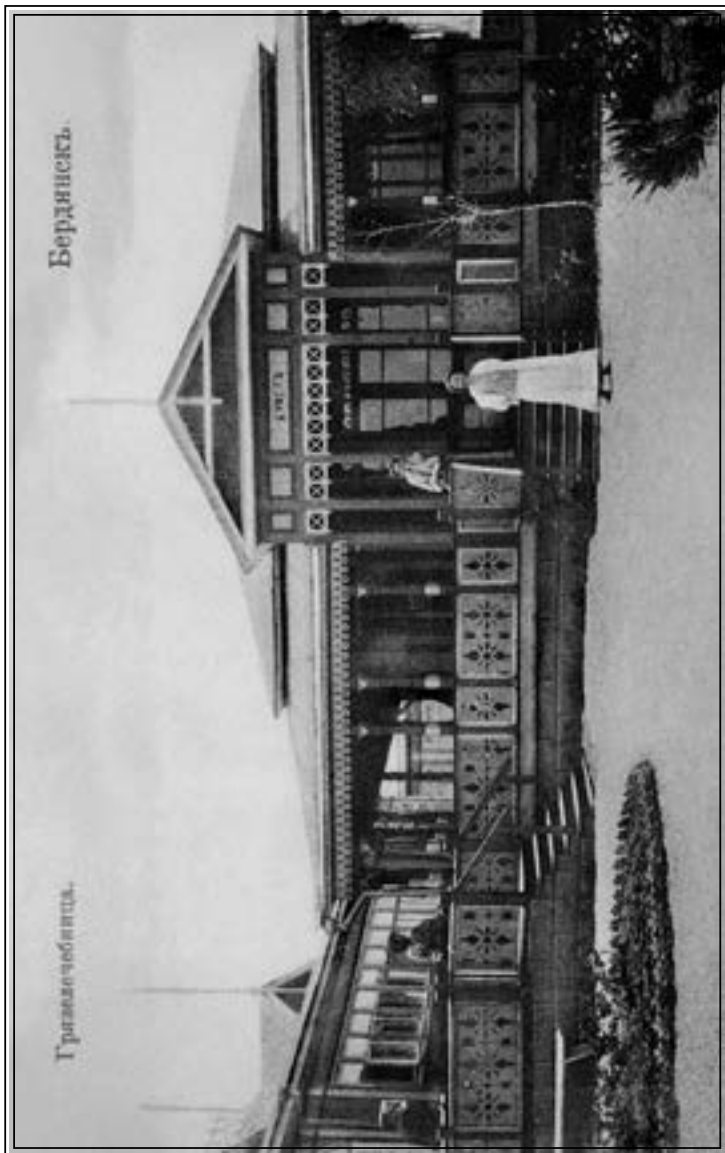
Улица Зеленая. Начало XX в.

Мужская гимназия

Григорьевича.

Бердичевъ.

почти все деревья города. Пустынные улицы с голодными и замерзающими людьми производили тоскливое впечатление.

В 1921 году голод в Бердянске достиг ужасающих размеров, появилось людоедство, и вскоре население города сократилось почти втрое — с тридцати тысяч до двенадцати. Газета "Красная заря" 17 марта 1922 года сообщала, что "по городу голодает 15427 человек, т.е. 50% по переписи в апреле 1921 года. Абсолютно голодающих в Бердянске 3000 человек. В среднем от голода умирают в городе тридцать человек ежедневно <...>. В уезде 190 человек...".

Подвижники веры: священномученики Михаил Богословский, Виктор Киранов и Александр Ильенков

Время имеет особенность быть внезапным. С остывшей от голода и холода кровью испуганные люди, вопреки романтическим мечтам революционного времени, провалились в новую эпоху с жестокими буднями сверхчеловеческих усилий. Заканчивалось второе десятилетие с тех пор, как Советская власть, объявив себя врагом всякой религии, наибольшую ненависть и злобу излила на православное духовенство и мирян. Многие из них были уже или расстреляны, или сосланы в далекие лагеря НКВД медленно и мучительно умирать на непосильных стройках "нового счастливого общества". Но на свободе еще оставались священнослужители, многие из которых были согнаны со своих мест; их храмы были отняты, закрыты или вообще разрушены. В атмосфере злобной нетерпимости, культивируемой атеистической властью, они вели жизнь странников и изгоев. Так, в 1938 году все церкви в окрестностях Бердянска были закрыты, и еще не арестованные священники в надежде как-то выжить, быть возле храма, иметь возможность хотя бы изредка участвовать в Таинствах, пришли в город.

В то время благочинным в Бердянске был известный протоиерей Виктор Михайлович Киранов — духовно красивый и сильный человек. Он происходил из древнего болгарского священнического рода, основателем которого был, по преданию, священник Протасий Киранов. Бесценные сведения о роде Кирановых и жестоких гонениях на православных священнослужителей оставил протоиерей Стефан Киранов в своих воспоминаниях "Рассказ бессарабского священника о страданиях под турецким игом православных болгар, бежавших из Турции в Россию в 1830 году и поселившихся в Бессарабии"*:

"В 1830 году, чтобы избавиться от магометанских гонений и угнетений, часть болгар бежала (и эти болгары известны под именем бежиар) из Турции в Россию и поселилась в южной части Бессарабии. Жестоко мучительно, совершенно бесчеловечно угнетение христиан в Турции, — невыносимо было иго турецкое.

Полагая, что ввиду нынешних страданий наших братьев в Турции, отношение турецкой власти и частных лиц из турок к православному народу, и в особенности к священникам, жившим в Турции до переселения в Россию, может иметь некоторую долю интереса для каждого сострадательного читателя, я, насколько мне позволят силы и источники, постараюсь все, что можно, сказать об этих варварских отношениях.

Устные рассказы деда моего, священника Стефана Киранова, скончавшегося в апреле месяце 1852 года, и разные заметки, оставшиеся после смерти предков, свидетельствуют, что дед моего деда, то есть мой прадед, священник Протасий жил в Турции в селе Имоклары Адрианопольского уезда около ста пятидесяти лет и скончался в 1773 году. Как он провел свою жизнь — неизвестно; из заметок видно, что последнее время своей жизни он пользовался уважением у турок, ибо многие приходили к нему расспрашивать его о том, что он помнит из жизни народной, считая его

* Опубликовано в "Санкт-Петербургском Церковном вестнике" в ноябре 1875 года (№ 46).

очевидцем многих событий и пользуясь его рассказами как материалом для составления истории. Однажды на подобный вопрос проезжавшего турецкого паши старик Протасий ответил: "Помню, что при постройке Нишской крепости я был 18-ти лет и участвовал в числе командированных рабочих". Продолжая разговор со своим собеседником, он сказал: "Сколько бедствий перенес я от ваших турок до настоящего времени, перечислить не могу; а теперь их не боюсь, потому что уже 28 лет сижу на этой постели, не имею сил подняться и выйти из дому, а потому денно и нощно ожидаю и желаю смерти, которая бы перенесла мой сокрушенный дух из мира тленного в нетленный". Тогда паша сделал какие-то заметки с рассказа Протасия и, сосчитав, сколько лет старику, сказал: "Благослови меня дожить до твоих лет, тебе теперь 148 лет". Получив благословение и поцеловав руку старику, паша уехал. После этого свидания старик Протасий прожил еще два года. Зная из опыта, что православные священники терпят гонения и притеснения от турок, Протасий перед смертью завещал своим сыновьям не уходить от священства, если будут призываемы к рукоположению, говоря: "Вы откажетесь от священнического сана, другие откажутся, кто же будет поддерживать и укреплять православную нашу веру среди магометанства"*.

Сын Протасия, прадед мой, священник Кирилл Протасиев Киранов, родился 18 января 1736 года. Исполняя завещание своего родителя, он согласился принять сан священника 9 марта 1759 года. Ему было поручено 16 приходов. Священствуя среди болгар, стоящих под игом турецкого правительства, Кирилл претерпел много бедствий и страданий не только от турок, но и от своих болгар. Однажды Кирилл был схвачен турками и отведен в лес, где его подвергли пытке и разным истязаниям; при этом, требуя от него денег, они переломили ему руку. После такого истязания священника оставили, не предполагая, что их узник может спастись бегством. Между тем Кирилл, воспользовавшись этим случаем для спасения своей жизни, ушел**.

Священник Виктор Михайлович Киранов

Священники обязаны были отводить в собственном доме квартиры для проезжающего турецкого начальства со свитой и кормить их бесплатно, да еще после обеда или ужина должны были платить всем гостям за труд зубов. Когда же гости-турки выезжали, священник должен был пешком провожать своих верховых посетителей до следующего села, несмотря на то, что иногда бывали бури, проливные дожди, метели и прочее. Унижение священника-проводника усиливалось тем, что его заставляли нести на спине колесо от воза и идти впереди. Вследствие таких истязаний, творимых над священниками, болгары избегали грамотности, не позволяли своим детям посещать школу, чтобы не быть священниками, которые очень редко избегали смерти насильственной и почти все терпели истязания, отсечения частей тела и, наконец, достигали мученической кончины. С отсутствием грамотности между христианами число священников было чрезвычайно ограничено; по письменному свидетельству, оставшемуся от моих предков, в 20-ти, даже в 30 селениях едва можно было иметь одного священника, да и тот должен был ходить в турецком костюме, с бритой головою во избежание преследований от турок.

В 1800 году, по рассказам дедушки моего, священника Стефана Киранова, имокларские болгары, приготовляясь перед рождественскими праздниками убить кабана, по неосторожности упустили его, и кабан пробежал через двор одного турка; за это хозяин кабана был повешен, все село Имоклары было подвержено огромному денежному штрафу. Турки всегда старались преследовать людей зажиточных и влиятельных, а потому всегда изыскивали причины и даже выдумывали их, чтобы достигнуть своей цели. Они в ночное время

* Христолюбивые селяне похоронили своего пастыря посредине деревни. Впоследствии это место было названо Бабата. Сюда вскоре стали приходить люди из разных сел, зажигать свечи, молиться и ночевать у могилы в надежде получить помощь и исцеление.

Он мирно почил 2 июня 1805 г. Мраморная надгробная плита с надписью "Слуга Божий священник Кирилл Киранов" и сейчас находится в церкви с. Главан Хасаковской области.

снимали с крыши христианского молитвенного дома по несколько старых черепиц и заменяли их новыми, а с наступлением дня обвиняли, кого им угодно было, в противлении правительственному распоряжению, по которому христиане не имели права обновлять свои церкви. Таким образом, турки по своему желанию убивали самых лучших из христиан, отличавшихся и религиозным направлением, и христианскими добродетелями, и материальным состоянием, которое они обращали в свою собственность. Если же болгары обращались с жалобой к высшему турецкому начальству, то всегда оставались виновными. С 1780 по 1806 годов турки ходили целыми полками по селам, грабили и убивали православных среди бела дня. Полки эти имели названия "каржалии" (все уничтожающие, то есть предающие мечу и огню).

Села и деревни турки предавали огню, мужеского пола людей подвергали истязаниям и по отобрании у них всего имущества лишали жизни, а женщин и девиц уводили с собою, лишали невинности и поселяли в гаремах. В 1803 году, января 10 дня, те же турецкие каржалии напали на жителей села Бара-Сред, которые, спасаясь от турок, заперлись в башню, устроенную среди села для защиты от внезапных нападений турок. Число спасавшихся в этом здании было более 1000 душ обоего пола. Турки не могли ворваться в башню и подожгли ее; таким образом, все там находившиеся сделались жертвою пламени, за исключением 30 душ, которые бросились вниз через окно четвертого этажа башни на поддерживаемый турками ковер. Турки ловили бросавшихся с башни и некоторым отрезали уши, другим нос, некоторым выкалывали по одному глазу, беременных женщин пороли и вынимали из них младенцев и забивали их на кол, — всё это сопровождалось отнятием имущества у убиваемых. Одна женщина, по имени Кондила, бросилась на поддерживаемый турками ковер с четвертого этажа башни и, несмотря на свое беременное состояние, успела спастись бегством от рук убийц. Она недавно умерла

в селении Исерли, а сын ее Стефан Георгиев, которого она тогда носила во чреве, и теперь находится в живых.

Сын священника Кирилла, дед мой, священник села Имоклары Адрианопольского уезда Стефан Кириллович Киранов, родился в 1772 году; рукоположен был священником в 1805 году, июня 11 дня, а умер в селении Главан Аккерманского уезда 1 апреля 1852 года. Он всю почти жизнь свою до прибытия в Россию в 1830 году провел на лошади, спасаясь от турок. Турки нарочно искали его и, схватив его однажды вне села, водили его с собой три месяца по лесам, наносили ему побои, обобрали его донага и, наконец, готовили его к смертной казни; но перст Божий спас невинного — он успел уйти от них.

Дед мой, священник Стефан, получив однажды от турецкого сборщика податей 200 палок по пяткам, на всю жизнь остался калекой.

Другой мой дед, о. Митрофан Киранов, сильно пострадал от турецкого местного начальника за изобличение четырехбрачного вдовца с пятибрачною вдовою в 1819 году. Турецкий властелин вызвал к себе священника Митрофана Киранова и спросил его, почему он не соглашается обвенчать просителей. Митрофан ответил турку, что по правилам Православной Церкви нельзя венчать их; турок приказал своим служителям бить священника сучковатыми палками до тех пор, пока, говорил турок, правила Церкви разрешат ему повенчать. Таким образом, священник Митрофан получил более 400 ударов и, будучи не в состоянии терпеть более, лежа отпел им вместо венчания погребение вкратце и тем освободился от дальнейших мучений. Адрианопольский митрополит Дорофей, узнав об этом, прибыл к о. Митрофану и, успокаивая его, говорил ему, что лучше было бы вовсе ничего не петь, потому что они сочли погребение за венчание, и турок имеет повод еще более издеваться над верою и законом православным. На это о. Митрофан отвечал своему архипастырю, что пытки турок были невыносимы, и не иначе можно было освободиться от насильственной смерти, как только

Священник Стефан Михайлович Киранов,
автор воспоминаний "Рассказа бессарабского
священника о страданиях под турецким игом
православных болгар..."

таким образом. Впрочем, о. Митрофан недолго жил после этих побоев, от которых здоровье его пришло в совершенное расстройство, а скоро отошел в Вечность.

Тесть мой, священник Стефан Груев, прибывший из Турции в Россию вместе со своими прихожанами в 1830 году, был священником в селе Чемлекое Аккерманского уезда. Из устных рассказов его я узнал, что он родился в 1791 году, декабря 5 дня и жил до переселения в Россию в Турции в селе Коюмжи. Когда поселяне лишились своего прежнего священника и донесли Адрианопольскому владыке Герасиму о том, что Груев понимает грамоту, владыка приказал немедленно явиться к нему для принятия священнического сана. Зная участь священников, Груев долгое время не соглашался принять священство и уходил от розыска архиерейских нарочных, которые искали его, чтобы силою представить в город владыке для известной цели. Наконец, по распоряжению архиерея, жители того села постарались поймать Груева и представили его в город, где он был рукоположен во священника и получил в свое ведение 16 приходов. В этих 16 селах число лиц мужеского только пола простиралось до семи тысяч. Отсюда всякий читающий может судить, какое там могло быть священствование. Он умер 28 марта 1871 года в селе Чемлекое. Бедствие и угнетение, какие он терпел от турок, так многочисленны и многообразны, что я не берусь их описывать.

Одного из ближайших моих родственников по матери, священника Василия Четина, турки разными ласками и обещаниями почестей и наград хотели склонить к принятию магометанской веры. Когда священник Четин не согласился на предложение турок, они стали стрелять в него; в день святого великомученика Георгия 23 апреля турки выстрелили в него в то время, когда о. Четин рассказывал своим прихожанам на турецком языке житие святого Георгия. Это случилось среди села на церковной площади, публично, пред всем народом. Выстрел не причинил ему никакого вреда, ибо заступление молитвы святого

великомученика спасло его от смерти — пуля пролетела мимо. Отец Василий всю свою жизнь провел в страданиях от турок. В 1830 году вместе с другими переселенцами прибыл в Россию и скончался в селе Долукой 26 марта 1843 года.

Другого моего родственника, священника Петра Николаева, турки, обобрав до ниточки и учинив разные беды домашним, подвергли разным пыткам, из коих я укажу только на последнюю: ему вбили деревянные гвозди во все ручные пальцы под ногти, нанесли ему сильный удар в голову <...>, и хотя он тогда же не расстался с жизнью, однако навсегда остался бесчувственным и лишился здравого рассудка. Это было в 1827 году, 18 января, а в 1830 году он прибыл в Россию и скончался в селении Селиогло Аккерманского уезда.

Отец мой, священник Михаил Киранов, ныне в живых находящийся, почти столько же имел в своем ведении приходов и прихожан, сколько и мой тесть. Бедствия, которые он претерпел от турок, многочисленны и разнообразны*. Я постараюсь описать только некоторые из них. Ежеминутно жизнь его была в опасности, но он всегда, при помощи Божией, спасался бегством на лошади. Однажды более 200 вооруженных верховых турок пустились в погоню за моим отцом, который до известного места уходил от них также на лошади; потом, когда опасность стала приближаться, он оставил лошадь и сам спустился в глубочайший ров и скрылся в развалинах. Таким образом, он спасся на этот раз от преследования турок. Вообще со дня рукоположения своего во священство, с 9 декабря 1826 года по 23 апреля 1830 года, — день выбытия из Турции болгар-переселенцев в Россию, он редко являлся в свой дом**. Большую часть своей жизни в Турции он провел на лошади в лесах, в долинах и ущельях, только по ночам приезжал домой на короткое время и потом опять удалялся в потаенные места. Всегда при себе имел Святые Дары для напутствования в крайней опасности себя и тех больных, о которых ему давали знать. Отправившись однажды в село Дранов Адрианопольского уезда, место рождения моей матери Анны Петровны, для напутствования опасно больных,

отец мой по прибытии туда просил своего тестя Петра Меринова сопровождать его к больным. В это самое время турки напали на них и тут же, пред глазами моего отца, изрубили на куски его тестя. Отец же мой какими-то судьбами успел спастись от убийц. Кости изрубленного были собраны и преданы земле его меньшим сыном Стефаном в ночное время, на двадцатый день после его убийства. Это было 8 августа 1820 года. Ненависть турок к православным тогда так была велика, что они как бешеные нападали на беззащитных крестьян и убивали их, как мух. Жертвою такой свирепой ненависти турок к христианам, кроме моего дедушки, сделались в тот же самый день еще 153 человека. Причина такого зверского отношения турок к христианам заключалась, вероятно, в том, что главнокомандующий русской армии Дибич-Забалканский овладел городом Адрианополем, и турки, взбешенные неудачей, мстили беззащитным христианам, которые бегством спасали свою жизнь, оставляя все свое имущество на разграбление. Во время всеобщего, но разрозненного бегства мать моя разрешилась от бремени рождением брата Петра (уже умершего) в лесу, в безводном месте. Отстав от своих спутниц и имея при себе только одного меня, она должна была идти сама и меня пятилетнего за руку водить, и новорожденного в переднике нести, и от преследования турок спастись. Могу сказать, что изложенные мною бедствия, постигшие моих предков, родственников и родителей, живших в Турции в селах Имоклары и Дранове, суть не что иное, как капля в море в сравнении со всеми несчастьями и страданиями православных христиан в

* Несмотря на преследования со стороны турок, четверо братьев отца Михаила также остались верными благословию прадеда, приняли священный сан.

** Во время русско-турецкой войны 1828–1829 годов священник Михаил открыто призывал помогать русским и сам показал тому пример, став проводником для освободителей. После подписания Адрианопольского мира 2 сентября 1829 года вместе со старостой села Главан Георгием Граматиком он организовал переселение крестьян в южную Россию. С ним поехали более 800 семей, но Бессарабии достигли только 167, которые под его руководством основали новое село Главан в Аккерманском уезде.

Турции.

Бедствия и страдания, постигавшие в то время болгар в Турции по другим селениям, были не менее жестоки и бесчеловечны; турки доходили до такого зверства, что без разбора мужей убивали, беременных женщин пороли и вынимали оттуда детей, которых сажали на кол. Девиц уводили с собой, бесчеловечно оскверняли их, потом или отпускали или убивали, устилая ими себе дорогу в знак будущего порабощения православного потомства. В особенности же турки издевались над православными священниками посредством разных пыток, принуждали их лишать своих дочерей невинности, заставляли как священников, так и всех православных делать такие беззакония, излагать которые стыда ради я не берусь.

Описанные мною случаи угнетения священников и вообще всех болгар в Турции до переселения их в Россию могут быть подтверждены, кроме моих родителей, еще некоторыми старожилками, которые были очевидцами этих безнравственных и бесчеловечных сцен. Вот что побудило моих предков, родственников, родителей и вообще многих болгар переселиться из Турции в Россию в 1830 году.

Помня свои страдания, мы понимаем нынешние страдания наших братьев, жителей Герцеговины и Боснии, глубоко сочувствуем им и взываем ко всем православным христианам о помощи всем несчастным страдальцам".

Старший сын священника Михаила Киранова Стефан, автор этих воспоминаний, впоследствии окончил Кишиневскую семинарию. Женившись на дочери священника Стефана Груева, принял священный сан и служил в бессарабском селе Чемлекой. В 1879 году вместе со своим 74-летним отцом протоиерей Стефан совершил паломничество на Афон; посетил Зографский, Хилendarский и Иверский монастыри. Возвращаясь в Бессарабию, он провел зиму у своих близких в Ординском Главане при "своем корне". Отец Стефан был убит в 1888 году в Румынии, в

Чемлекое. Обстоятельства смерти остались неизвестны. Согласно одной из версий, его убили местные турки по религиозным мотивам. Тело его было перевезено из Чемлекоя в Девлет-Агач и погребено в ограде Успенской церкви. Он оставил о себе память как о незаурядном и справедливом человеке не только среди своих близких, но и во всей Кишиневской епархии. Один из внуков вспоминал о его необыкновенной доброте. Однажды отец Стефан приехал навестить своего сына Василия в Девлет-Агач на собственной бричке, запряженной двумя лошадьми. Они настолько понравились внукам, что один из них упал на колени и воскликнул: "Дорогой дедушка, подари мне этих лошадок". Отец Стефан с недоумением обратился к окружающим и стал выяснять, не они ли его подговорили. Убедившись, что никому из взрослых такое и в голову не могло прийти, сказал: "Хорошо, берите их себе" и уехал на чужих лошадях.

Его младший брат Василий, священствовавший в деревне Девлет-Агач, был повешен турками в 1917 году.

Сын священника Стефана, протоиерей Михаил, с 1863 года служил в Бердянском уезде в болгарском селе Мануиловке. В браке с Евфросинией Георгиевной Стоичевой у него 8 марта 1881 года родился сын Виктор. У него было два брата — старший Димитрий* и младший Владимир, и сестра Олимпиада.

Село Мануиловка, или как его еще именовали Корсак, находилось недалеко от Азовского моря, в сорока верстах от города Бердянска. Второе наименование села — Корсак происходило от пологого холма, возвышавшегося на окраине села и называвшегося Корса-Могила. На вершине этого холма лежало несколько огромных замшелых гранитных глыб, возможно, от распавшегося древнего дольмена.

Село лежало в неглубокой долине, скрываясь среди окружавших ее возвышенностей. В его центре была большая квадратная площадь с белой церковью посередине, за узорчатой кирпичной оградой. По краям площадь обрамляли заборы сельских домов из местного дикого камня и земляные тротуары,

обсаженные белой акацией. Поросшую невысокой травой площадь в разных направлениях пересекали тропинки, одна из которых от церкви вела прямо к углу площади, где под красной черепичной крышей стоял небольшой одноэтажный дом, окруженный хозяйственными постройками и фруктовым садом. Это был родительский дом братьев, будущих священномучеников, в котором они провели детство. Когда Виктор достиг определенного возраста, отец отправил его в Симферополь для получения духовного образования.

По окончании Таврической духовной семинарии Виктор Михайлович в 1903 году поступил в Юрьевский университет, но уже в следующем, 1904 году, решил его оставить и отдать все свои силы служению Православной Церкви. 21 декабря 1904 года епископ Таврический Николай (Зиоров) назначил его псаломщиком в Свято-Троицкой церкви села Новопротокофьевки Бердянского уезда. Женился Виктор Михайлович на дочери священника, выпускнице Симферопольского женского духовного училища Антонине Петровне Троицкой. 18 сентября 1905 года епископом Таврическим Алексеем (Молчановым) Киранов был определен к Покровской церкви села Большая Благовещенка Днепровского уезда, а 30 октября им же был рукоположен во священника. В 1906 году иерей Виктор был назначен законоучителем в Нововасильевскую земскую школу, а также состоял председателем церковно-строительного комитета. Впоследствии отец Виктор был духовным следователем Серагозского благочиния. К 1920 году в семье Кирановых было пятеро детей — Михаил, Евгений, Виктор, Николай и Татьяна. В начале двадцатых годов отец Виктор был возведен в сан протоиерея и переведен в Бердянск настоятелем Вознесенского собора, стоявшего на Базарной площади. Здесь он прослужил до закрытия собора в 1928 году. В

*Протоиерей Димитрий Киранов был настоятелем храма Иоанна Златоустого в Ялте. Расстрелян 4 янв. 1938 г. В 2000 г. Архиерейским Собором Русской Православной Церкви причислен к лику святых.

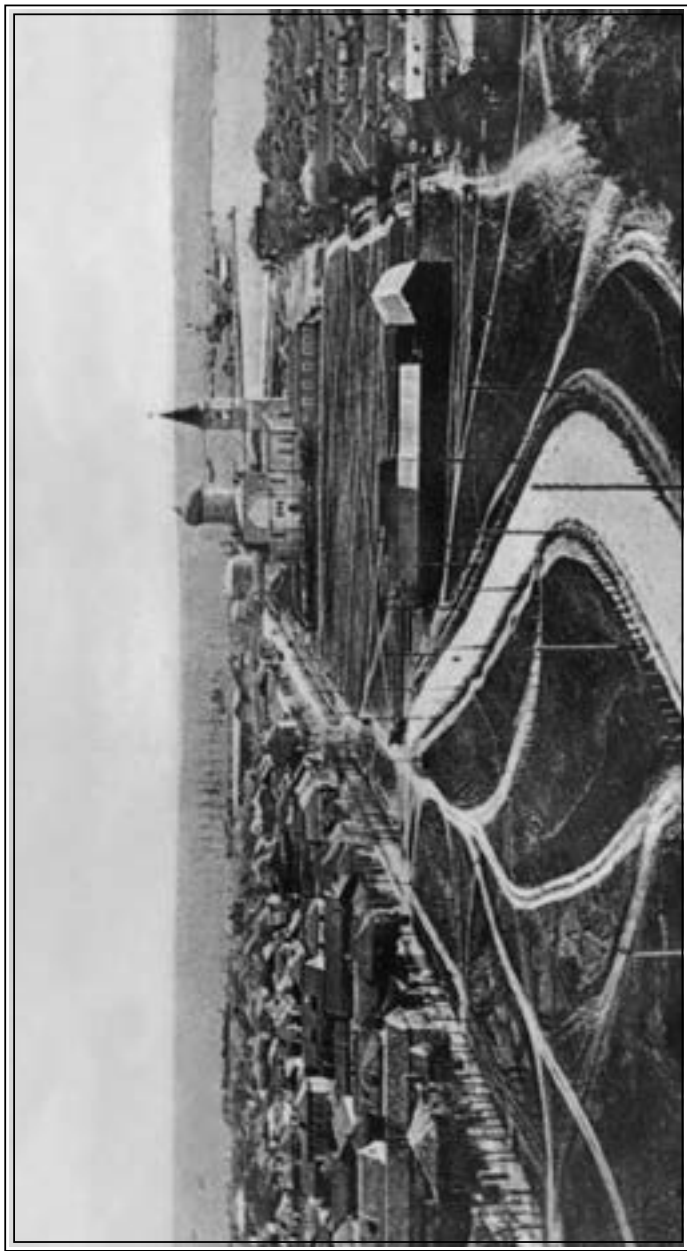
Священник Михаил Стефанович Киранов с матушкой

Священник Димитрий Михайлович Киранов. 1896 г.

Священник Стефан
Киранов (в центре)
с детьми Василием,
Стефанидой, Мариной
и Дмитрием
и его брат священник
Димитрий с шестилетним
сыном Михаилом,
г. Кишинев

Общий вид Бердянска. Начало XX в.

Протоиерей Михаил Стефанович Киранов
с матушкой. Фото 1906 г.

Священник Михаил Киранов

Священник Виктор Киранов с матушкой Антониной

следующем году этот величественный храм, украшавший небольшой приморский город, был взорван. Отец Виктор перешел служить в Покровскую церковь, настоятелем которой (а также благочинным Бердянского округа) оставался вплоть до своего ареста.

Священники, лишённые своих приходов, — иереи Александр Ильенков, Александр Драницын, Сергей Боримский, Павел Зверев, Стефан Малявин, Иоанн Полулях и другие — оказались при Покровском соборе. Протоиерей Виктор Киранов распорядился, чтобы все, кто не может устроиться на работу, были оформлены при храме певчими, сторожами и пр., чтобы власти не имели к ним никаких формальных претензий. Помимо прочего, была заведена специальная касса взаимопомощи для поддержки малоимущего духовенства, и это спасало от голодной смерти семьи многих гонимых священнослужителей, давая им возможность оставаться при храме. За выдачей денег (по 10–15 рублей) следили отец Виктор, регент храма дьякон Тимофей Саклаков и староста Круглянский. Все священнослужители поочередно совершали литургию.

В мае 1934 года в Бердянск приезжал архиепископ Днепропетровский Георгий (Делиев). Протоиерей Виктор Киранов был болен и не смог его встретить, и владыка сам посетил своего клирика, с которым был знаком с 1931 года, чем немало его утешил. Благочинный пригласил правящего архиерея на престольный праздник, и он снова приехал в Бердянск 14 октября 1935 года. Архиепископ покровительственно относился к старательному, ревностному в исполнении своих обязанностей священнику, который, в свою очередь, отвечал ему доверительной откровенностью и около восьми раз ездил к владыке с докладом. Как-то ему пришлось говорить о делах благочиния в присутствии секретаря Киевского митрополита священномученика Константина (Дьякова), от которого он удостоился похвалы.

В неблагоприятные времена подлость и предательство растут и умножаются между людьми, как сорная трава.

Один из священников Бердянского благочиния — Павел Степанович Зверев усомнился в своем призвании. Когда его храм закрыли в 1930 году, он встретился с благочинным, с которым был знаком еще по семинарии, и тот направил его в село Луначарское. Но и этот храм в 1935 году был закрыт, и Зверев снова явился к отцу Виктору с просьбой определить его куда-нибудь. Однако мест уже не было, и благочинный предложил ему остаться в Бердянске при Покровском храме вместе с другими священнослужителями на общих основаниях. В скором времени священник Павел Зверев увидел, что дело это недоходное и в сложившейся ситуации малоперспективное, и, оставив священнослужение, в конце 1935 года устроился на светскую работу. Такое решение, принятое по нежеланию терпеть те трудности, которые терпели многие со смирением и даже с благодарностью Богу, возмутило протоиерея Виктора. Придя домой к Звереву, благочинный долго и эмоционально увещевал его не оставлять церковь, потерпеть временные скорби и не делать опрометчивого шага. Но Зверев не захотел услышать разумных слов собрата и сослужителя и цинично заявил: "Я решил трудиться". На что отец Виктор заметил: "Ты — советская балда!". Но заблудшего не оставлял и еще несколько раз пытался взывать к его священнической совести, к здравому смыслу, правда, безрезультатно. Как-то раз благочинный увидел в городе Зверева, торгующего бочковым пивом, и не смог скрыть неприятного чувства и удивления от характера новой "трудовой" деятельности бывшего своего клирика. Подойдя к Звереву, он спросил: "Неужели это и есть, по-вашему, "трудиться"?". И тут же, не обращая внимания на невнятные и путанные возражения, при всех назвал его "советским подхалимом". Не умея вынести правду о самом себе, Зверев затаил смертельную обиду. Он обладал теми свойствами души, которые вполне раскрываются только в тени человеческих отношений. Согрешая, человек обозляется — в первую очередь, от своих грехов — теряет душевный мир и уже не может переносить никаких замечаний, напоминающих о его

падении. Все, что сказал отец Виктор, Зверев припомнил ему после ареста на очной ставке, придав его словам и увещаниям определенный политический смысл, чем оказал существенную услугу безбожному следствию.

В 1936 году был арестован архиепископ Георгий (Делиев). Человек слабый и нерешительный, он не согласился терпеть ни скорбей, ни даже лишений и сразу же пошел на поводу у следователя и стал давать убийственные характеристики знакомым епископам и священнослужителям. Движимый животным страхом, он оговорил себя как агента польской разведки, не найдя в своей душе никаких нравственных препятствий, стал помогать гонителям Церкви. Своими болезненными фантазиями он участвовал в создании общеукраинского дела о "контрреволюционной фашистской церковной организации". Делиев, например, сообщил, что митрополит Киевский священномученик Константин (Дьяков) еще в 1927 году вовлек его, как и многих других, в "фашистскую церковную организацию". Свое "вступление" он объяснил таким образом: "Церковь медленно, но верно уничтожают, и идеология религии диаметрально противоположна идеологии социализма <...>, и поэтому Церковь прекратит свое существование <...>, а мы должны выжить". И далее: "В результате этой беседы Дьяков проинформировал меня, что на территории Союза существует мощная контрреволюционная церковно-фашистская организация среди духовенства и церковников, и что в этой организации принимал активное участие и он, Дьяков <...>. Проинформировав меня об этом, Дьяков спросил согласия принять участие в организации. Я дал ему утвердительный ответ, и с тех пор фактически являлся участником контрреволюционной церковно-фашистской организации. Дьяков меня также проинформировал, что он по линии организации поддерживает связь с заграничными фашистскими кругами, от которых получает периодически задания и установки...". Охарактеризовав подобным образом многих украинских архиереев и священнослужителей, он не забыл и о протоиерее Викторе Киранове и других

бердянских священниках и сообщил "компетентным органам", что все они завербованы им во время его "архиерейских поездок для шпионской и диверсионной работы". Таким странным способом горе-архиепископ надеялся сохранить свою жизнь. Но получилось наоборот: на основании своих заявлений архиепископ был расстрелян одним из первых, в 1937 году. Благодаря показаниям Делиева, гонители обратили на духовенство Бердянска пристальное внимание. Первый сокрушительный удар был нанесен по небольшой слободской Кирилло-Мефодиевской церкви, в которой уже много лет служил митрофорный протоиерей Петр Товаров.

Петр Александрович Товаров родился 15 июня 1871 года в семье калужского священника. По окончании Духовной Академии женился на девице Александре Осиповне и еще до революции принял священный сан. Отличался отец Петр ученостью и замечательным проповедническим даром. Все, даже самая незначительная мелочь, могло стать отправной точкой его проповеди, неизменно заканчивавшейся призывом к покаянию, молитве и осмысленной красоте христианской жизни. Его прихожанами были простые рыбаки и их семьи, жившие рядом с храмом в Матросской слободке. Всякий раз, когда обновленцы или комсомольцы хотели причинить храму вред, после первых же ударов колокола они проявляли замечательную организованность и единодушно вставали на защиту святыни. Под неохватным небом серо-зеленое море с серебристым отливом, лодки, сети, родная церковь, в которой они крестились и венчались, провожали в последний путь своих близких — все это представлялось чем-то естественно-неотторжимым от их жизни, не подлежащим разрушению никакой властью.

Отец Петр сподобился пострадать за правое дело еще в 1925 году и три месяца провел в тюрьме. Но это его только укрепило и придало ему уверенности. В 1933 году протоиерея Петра посетил архиепископ Георгий (Делиев) и наградил митрой.

Приблизился 1937 год, и уже никакая человеческая,

пусть даже организованная, сила не была достаточным аргументом против решения безбожной власти закрыть последние храмы. Отец Петр предпринимал отчаянные усилия, чтобы сохранить Кирилло-Мефодиевскую церковь. В 1937-м он в очередной раз ездил в Москву с ходатайством, но всё рассыпалось, и почва уходила из-под ног. От всего пережитого оставалось единственное отчетливое впечатление: слова, обещания, официальные заверения чиновников (в ответ на все новые и новые ходатайства верующих) существуют отдельно, никак не пересекаясь с уже принятым решением безбожной власти — храм должен быть закрыт. Прежняя надежда на силу и власть закона канула как камень в воду, не оставив и следов. Отец Петр чувствовал, что оказался в тупике, выход из которого возможен только по вертикали. С ним до конца оставался священник Михаил Процедымов.

Михаил Онуфриевич Процедымов родился в 1894 году в селе Пидкамене Львовской области. Окончив духовное училище, он женился на девице Варваре Силовне Худолеевой, в браке с которой имел дочь Варвару и сына Виталия. С 1918 по 1928 год он числился псаломщиком и регентом в храме отца Петра Товарова, потом принял священный сан и служил в различных сельских храмах. В 1934 или 1935 году, когда в очередной раз храм, где он служил, был закрыт, священник Михаил Процедымов стал трудиться на подсобных работах в винсовхозе, был столяром, плотником, пока в 1936 году не вернулся к отцу Петру в Кирилло-Мефодиевскую церковь, где был оформлен на должность регента и столяра.

В конце октября 1937 года в церковь святых равноапостольных Кирилла и Мефодия пришел председатель горсовета и сообщил о ее закрытии. Узнав о намерении властей, около храма собралось не менее 30 женщин, которые кричали: "Не дадим ограбить и закрыть церковь". На шум прибежали мужья и дети и дружными криками и свистом поддержали своих жен и матерей. Официальным представителям не удалось реализовать свое преступное намерение. Услышав о себе много

Протоиерей Петр Товаров на амвоне
Кирилло-Мефодиевского храма

обидного, чиновники ретировались, но, уходя, пообещали за организованное сопротивление власти привлечь к ответственности, в первую очередь, настоятеля. Вскоре протоиерей Петр Товаров и иерей Михаил Процедымов были арестованы. Начались допросы с пристрастием. Не утомляя себя юридическими формальностями, следователь с непосредственностью, возможной только в те годы, дополнил дело лжесвидетельскими показаниями, на основании которых составил обвинительное заключение. В нем говорилось, что арестованные священнослужители хотели подготовить почву для внедрения фашистского строя на территории СССР путем пропаганды фашизма <...>. Вербовали участников этой организации, всеми силами отстаивали церковь <...>, вовлекали молодежь".

Решением Тройки при НКВД по Днепропетровской области от 29 декабря 1937 года протоиерей Петр Товаров и иерей Михаил Процедымов были приговорены к высшей мере наказания. Решение Тройки было исполнено 2 января 1938 года*.

На очереди оставался Покровский храм — последний оплот православного духовенства в Бердянске. Протоиерей Виктор Киранов как благочинный пользовался большим авторитетом и в значительной мере мог влиять на священников и народ; как наиболее энергичный он ведал всеми хозяйственными и административными вопросами. Когда угроза закрытия последнего храма стала очевидностью, отец Виктор решил сопротивляться до последнего и сделать все, что в его силах. С ним были единомысленны два замечательных священника — протоиерей Михаил Богословский и иерей Александр Ильенков.

Михаил Константинович Богословский родился 5 сентября 1883 года в селе Сошки Тамбовской губернии Липецкого уезда в семье псаломщика. По окончании Тамбовской семинарии в 1905 году Михаил Константинович поступил в Санкт-Петербургскую Духовную Академию, которую окончил в 1909 году со званием кандидата богословия. Завершив

образование, Богословский приехал в Таврическую губернию, в Симферополь, где жила его сестра Наталья Константиновна, учительствовавшая в мужской гимназии. В Таврической духовной семинарии он преподавал догматическое и нравственное богословие вплоть до ее закрытия 4 июля 1921 года. Священномученик Николай Мезенцев, с которым Михаил Константинович подружился, помог ему устроиться преподавателем философии, логики и педагогики в женскую гимназию В.А.Станишевской. Там он познакомился со своей будущей матушкой Марией Ивановной Белобровой, в браке с которой родились дети: Аркадий, Ольга, Иван и Наталья. За религиозным воспитанием и образованием детей Богословский пристально наблюдал и, не перепоручая никому, сам преподавал им Закон Божий и немецкий язык, к которому имел особое расположение.

В то время, когда бесчинствовала новая власть, закрывались церкви и служители культа оказывались вне закона, Михаил Константинович не стал искать для себя, как это делали его товарищи по Академии, альтернативы и принял решение — всю свою жизнь посвятить служению Православной Церкви. В 1921 году он был рукоположен в священный сан священномучеником Никодимом (Кротковым), архиепископом Таврическим, и направлен в город Бердянск в Вознесенский собор.

В начале 20-х годов отец Михаил нередко принимал участие в популярных в то время диспутах на религиозные темы и с завидной легкостью апеллировал не только к богословским, но и философским первоисточникам, в которых он ориентировался неизменно лучше малограмотных общественных агитаторов. Публичные дебаты с обновленцами также неоднократно заканчивались посрамлением и

* Дочь о. Петра — Надежда, как и ее сестра Любовь, пела в церковном хоре. В 1937 г. их вызывали на допросы в НКВД по делу арестованного отца. Два дня они провели без еды и воды, но показаний, порочащих отца, не дали. Надежда умерла в 1982 г. в возрасте 86 лет; Любовь — в 1980 г. в возрасте 80 лет.

Интерьер храма святых Кирилла и Мефодия.
Фото 1918 г.

развенчанием их нововведений и в значительной мере помогали простым людям разобраться в непростой церковной ситуации тех лет. О содержании одного из диспутов, в котором принимал участие протоиерей Михаил, сообщала местная газета "Известия":

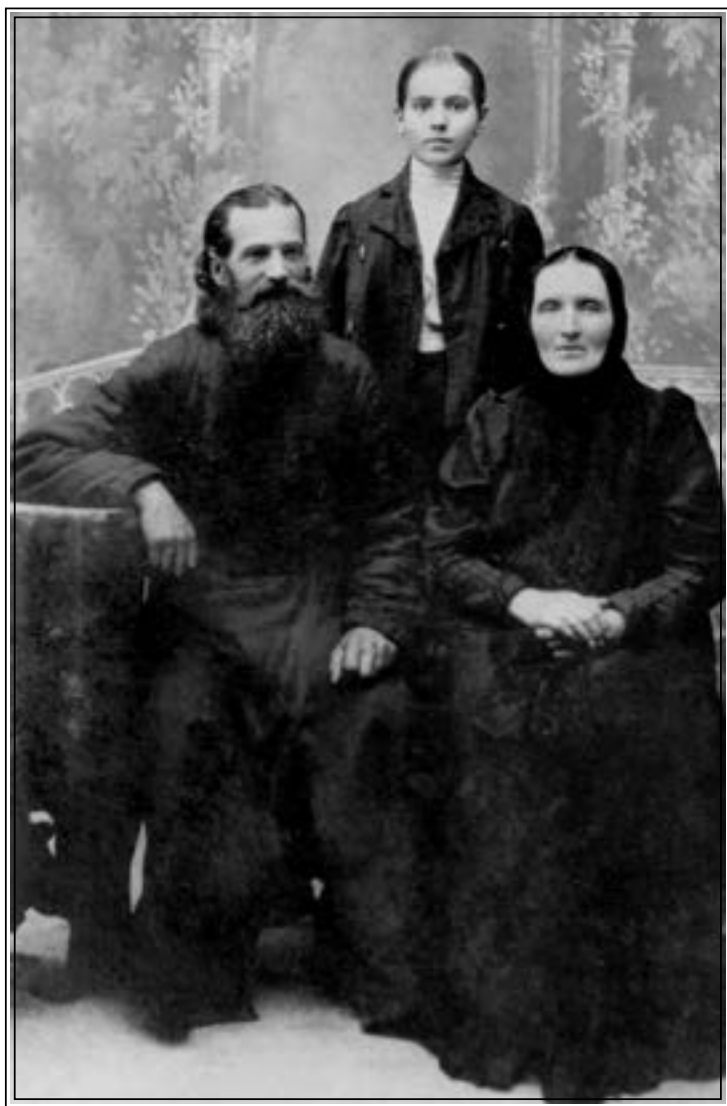
"На днях состоится диспут на тему о религии. В этом диспуте могут принять участие все желающие защитить свои религиозные взгляды. Желающих принять участие в диспуте просят предварительно записаться в канцелярии Народного университета, помещенного в Бердянском реальном училище. Анатолий Т. выступит защитником "Религии мудрости". Темы диспута:

1. Религия есть связь с Мирозданием.
2. Религиозная связь свойственна не только человеку, но и всему сущему.
3. Источник религии человека — его мировоззрение, которое определяет его отношение ко внешнему миру.
4. Мироотношение человека есть отношение его к Мирозданию (натурфилософская), к человечеству (социальная) и человеку (этическое).
5. Человек всегда имел и будет иметь религию — связь мироотношений.
6. Религия подчиняется закону развития (религия эволюционирует).
7. Религия — мироотношение человека до пробуждения в нем религии Мудрости была религией Веры.
8. Религия Веры есть культ, основанный на суевериях, обманах чувств и мнимых чудесах.
9. Религия Мудрости есть культ разума (мысли), чувства (красоты) и воли (действительности).
10. Религия Мудрости есть религия без Бога, без веры в загробный мир и чудеса.
11. Религия Мудрости есть религия космическая (Бог есть Мироздание), космополитическая (человечество есть единая семья), индивидуалистическая (человек есть творческая личность).
12. Религия Мудрости есть неизбежная ступень к сверхчеловечеству".

В 1924 году отец Михаил был впервые арестован,

Студент М.К.Богословский

Родители священника Михаила Богословского

Мария Белоброва

Матушка Мария с первенцем

М.К.Богословский

Матушка Мария
Богословская
с детьми

Портъ.

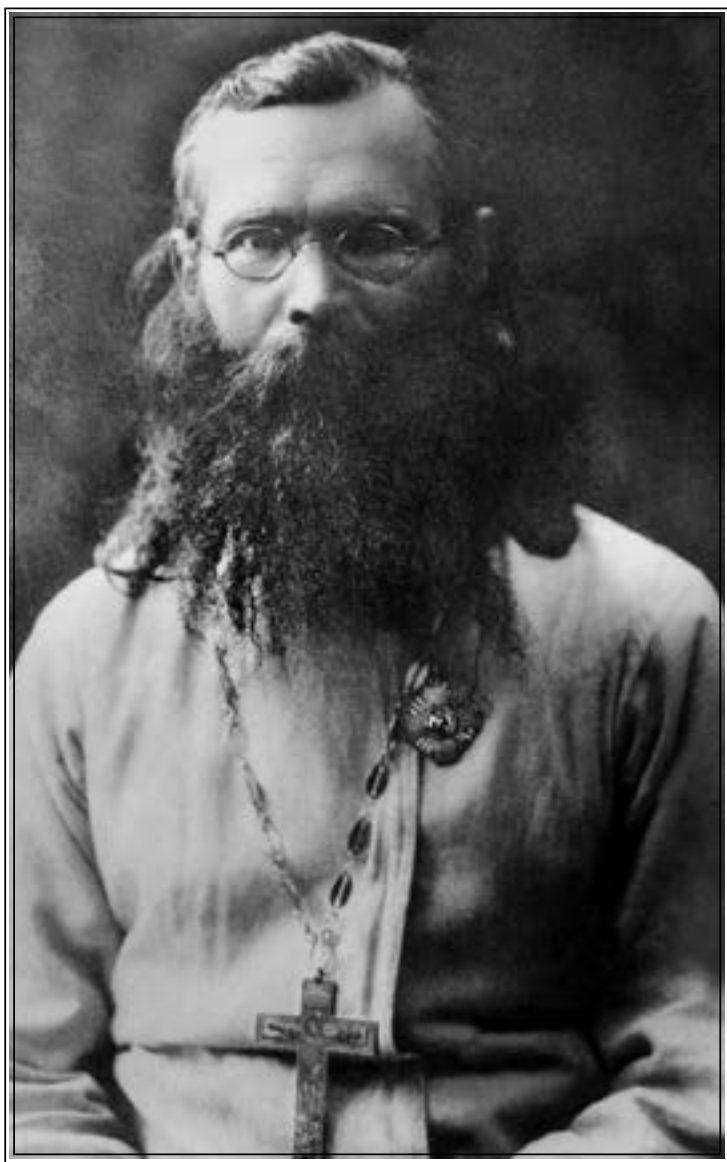
Берднискъ.

что было воспринято им как косвенное признание со стороны властей его миссионерской деятельности. В тюрьме он пробыл недолго и был отпущен за недостатком улик.

Несмотря на то, что благочинным Бердянского уезда был протоиерей Виктор Киранов, духовный авторитет отца Михаила признавался всеми как несомненный. В молодости он пережил нечто, заставившее его полностью пересмотреть свое мировоззрение. Уже в Академии он отличался смирением, сдержанностью, углубленным интересом к богословским наукам и особенным молитвенным настроем. Аскетизм его жизни, мудрая трезвенность в суждениях снискали ему авторитет среди студентов. Реальность его духовной жизни не укрывалась за врожденной скромностью и делала Богословского, несмотря на его желание оставаться в стороне от всех шумных и многолюдных компаний, удивительно привлекательным человеком. Таким он оставался всю жизнь и во всех обстоятельствах. Проповеди его были ясными, доступными и в то же время емкими и глубокими, наполненными духовным смыслом. Благодатное соответствие внутренней, сердечной жизни и внешней придавали его словам особую мудрость, и они с евангельской силой и простотой достигали своей цели. Отца Михаила было легко не только слушать, но и слушаться. Все, как священнослужители, так и миряне, обращались к нему в случае необходимости за духовным советом и назиданием.

Александр Александрович Ильенков родился 9 апреля 1896 года в поселке Судак в семье священника. Окончив Таврическую духовную семинарию, он много занимался самообразованием, хорошо разбирался в медицине, знал французский и греческий языки. Отличался разносторонностью и живым интересом к различным областям знаний. После революции под давлением обстоятельств семья Ильенковых переехала в село Черниговку Бердянского уезда. На приходе своего отца, протоиерея Александра Иоакимовича, Александр познакомился со своей будущей женой Параскевой Ивановной. Брак оказался

Протоиерей Михаил Богословский. 1930-е годы

Священник Александр Иоакимович Ильенков
среди родственников; крайний справа (сидит)
его сын Александр

счастливым. Родились дети — Зоя, Нил и Всеволод. В семье царили любовь, мир и взаимопонимание. Но когда Александр Ильенков решил принять священный сан, Параскева Ивановна категорически воспротивилась, так как происходящее вокруг убеждало ее, что это обернется неминуемыми бедствиями для их семьи. Однако Александр Александрович был непреклонен к ее мольбам. Соглашаясь с женой в оценке происходящего, он был убежден, что именно сейчас, когда торжествует зло и религия вне закона, он непременно должен стать священником. Его хиротония, которую совершил священномученик епископ Сергей (Зверев), состоялась в 1924 году. Жизнь, как и предчувствовала Параскева Ивановна, у отца Александра оказалась исключительно трудной и протекала под постоянным давлением властей. Священствовал отец Александр в селе Новопавловке. Его службы в большом и благолепном храме отличались возвышенной красотой и торжественностью. Отец Александр обладал замечательным голосом и благообразной внешностью. Его проповеди, рожденные опытом личных страданий, были духовной радостью для исстрадавшихся крестьян, видевших в церковной службе и словах священника единственный источник утешения. За терпение Господь посылал отцу Александру душевный мир и любовь даже к недоброжелателям.

Как-то в 1930 году пьяные комсомольцы решили устроить погром и, придя к церковному дому, где жил священник, с криками и угрозами, выстрелили в окно. Пуля попала в самовар. Священник Александр Иоакимович* коленопреклонно молился; его сын иерей Александр в это время прятал семью. Какая-то женщина начала неистово кричать: "Батюшку убили, природы!". Комсомольцы испугались и ушли. (Один из них впоследствии пришел на исповедь к отцу Александру и покаялся.)

Во время раскулачивания люди привозили еду и зерно в дом священника: "Ешьте, батюшка, на здоровье". Но вскоре к отцу Александру Ильенкову пришли с

обыском и, найдя два мешка зерна, стали забирать, чему он воспротивился, ссылаясь на большую семью. Тогда его стали бить и таскать за бороду. Наконец он не выдержал, бросил мешки на землю. Зерно рассыпалось, и тогда сельская власть обвинила его в том, что "он рассыпал и гноил колхозное добро", и посадила на неделю под арест. Оставаться дальше в Новопавловке было небезопасно. Первой была отправлена в город старшая дочь Зоя. Но уже через полгода была закрыта и разгромлена церковь. И тогда вся семья священника была вынуждена уехать в Бердянск, где ему пришлось работать сторожем, а после — разнорабочим в доме отдыха имени Тельмана для финансовых работников. Нанимался на поденную хозяйственную работу, чистил и брызгал хлором общественные туалеты, был грузчиком в Союзпортторге — одним словом, делал все, чтобы выжила горячо им любимая семья, которую все это время материально поддерживал живший с ними по соседству протоиерей Виктор Киранов. В 1935 году от дизентерии умер сын Всеволод, а воспитанника Владимира (сына умершей подруги Параскевы Ивановны) пришлось отдать в школу ФЗО в город Сталино. Как и другие священники Бердянска, иерей Александр был при Покровском храме до самого ареста.

Когда возникла прямая угроза закрытия последнего храма в городе, священники Виктор Киранов и Михаил Богословский приняли решение делать все возможное, чтобы его сохранить. В течение двух недель они обходили дома верующих людей и готовили их к приходскому собранию, намеченному на второй день Рождества 1937 года. По замыслу священников, это собрание должно было продемонстрировать безбожникам, что церковь еще есть и богослужение

* Протоиерей Александр Иоакимович Ильенков, невзирая на возраст, продолжал священствовать, служил молебны, крестил на дому детей и т.д. После ареста сына его опасались брать на квартиру, и он попеременно ночевал у одиноких старушек, которые уже ничего не боялись. По причине старости (он умер 98 лет от роду в 1948 году) НКВД не обратил на него внимания, и он, оставаясь на свободе, до конца своих дней совершал Таинства.

посещает слишком много людей, чтобы их игнорировать. Все готовилось тайно, с великой предосторожностью, на квартире у священника Магистриана Верецкого. Вечерами, собравшись, они обговаривали каждый свой шаг и возможные действия безбожников.

Наконец наступил назначенный день — 8 января 1937 года. После Божественной литургии открылось приходское собрание, на котором, по свидетельству очевидцев, оказалось около четырех тысяч человек — неслыханно много для испуганных людей того времени, тем более что население Бердянска не превышало 50 тысяч человек. Председательствовал Ефим Федорович Сычев*, член церковной двадцатки. По его предложению деловодом церковного совета был выбран протоиерей Виктор Киранов с тем, чтобы он официально присутствовал на всех собраниях и был в курсе происходящего. Первым выступил Е.Ф.Сычев, потом высказались несколько женщин. Но наиболее ярким и впечатляющим было выступление техника Василия Михайловича Панкратова. Накануне жена и теща всю ночь плакали и упрашивали его не выступать, зная, чем это может закончиться, но он стоял на своем: "Я дал обещание благочинному и отцу Михаилу и не могу и не хочу поступить иначе...". На собрании он сказал: "Советская власть забирает нашу последнюю отраду, нам нужно крепко стоять перед этой властью, и она оставит нам церковь <...>. Если Советской власти надо строить школу, то мы соберем деньги на камень и сдадим". Кстати, предлогом для разрушения храма было официальное постановление построить из ее камня школу.

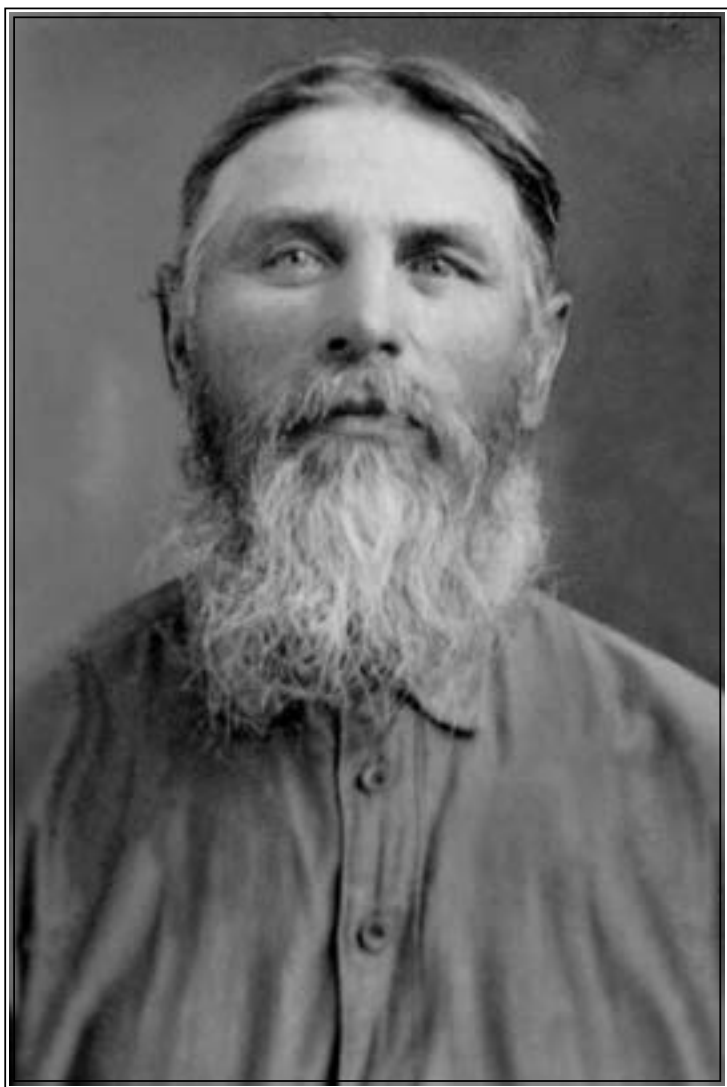
Все были воодушевлены смелой и эмоциональной речью В.М.Панкратова и единодушно кричали: "Не дадим закрыть церкви!". Видя поддержку, Василий Михайлович продолжал: "Где тот кирпич из уже разрушенных церквей? Почему из него не построена ни одна школа?.. Миряне, наши сердца уже двадцать лет обливаются кровью. Все это время наша община находится в загоне". Протоиерей Виктор Киранов,

протоиерей Михаил Богословский и другие священники в это время находились в алтаре. Видимо, из любопытства пришел и бывший священник Павел Зверев, который стал свидетелем, как после выступления Панкратов зашел в алтарь и отец Виктор крепко пожал ему руку и сердечно поблагодарил за пламенную речь. Все — и священники, и миряне, были в приподнятом настроении. Это была реальная духовная победа — яркая вспышка перед новым наступлением тьмы. Многим тогда казалось, что такое бесстрашное, дерзновенное требование многотысячной толпы должно поколебать решение властей закрыть храм. Присутствовавшие на собрании работники горисполкома были немало удивлены: после стольких лет гонений и тотального подавления вера жива, и люди готовы бороться за свои храмы, рискуя благополучием и свободой.

Священники Виктор Киранов и Михаил Богословский, вдохновители и организаторы собрания, духовно радовались, что любовь к Церкви у их прихожан не разрушена страхом, и они смогли объединить и воодушевить столько людей для богоугодного дела. Но их радость была непродолжительной. Никакие законы, писанные безбожной властью в отношении верующих, уже не исполнялись, и прежняя надежда на справедливость не имела смысла. Вскоре после собрания храм был закрыт, и уже никто не сомневался в неминуемой расправе над священнослужителями.

Порой неотвратимость ареста переживается страшней и болезненней, чем сам арест и его последствия. Крестный

* Сычев Ефим Федорович родился в 1882 г. в крестьянской семье в с. Нововасильевке. Отец имел 18–20 лошадей и содержал почтовую станцию в Бердянске, но после пожара, случившегося в 1888 г., вернулся в родное село, где у него оставалось 6 гектаров земли, две лошади и одна корова. Ефим Федорович окончил четыре класса и работал у разных купцов. С женой Варварой Ильиничной имел сыновей Виктора, Николая и дочерей Валентину, Елену, Анну. С 1923 г. работал в Бердянске извозчиком в разных организациях, затем — церковным сторожем и старостой в Покровском храме. Во время оккупации принял деятельное участие в открытии церкви в Бердянске (на тот момент все православные храмы были закрыты). За это впоследствии осужден на десять лет лагерей. В Бердянск вернулся в 1956 г., до смерти оставался старостой храма.

Ефим Федорович Сычёв.
Запорожская тюрьма. Фото 1937 г.

Священник Александр Александрович Ильенков с матушкой Параскевой и детьми

Городской проспект. Начало XX в.

Сестра отца Михаила Богословского с его детьми
на крыльце дома, в котором священник
был арестован

путь хранит свои тайны от еще не вступивших на него и раскрывается для переставших надеяться только на свои силы и людскую поддержку немеркнущим светом благодатной помощи.

В начале лета были арестованы протоиерей Виктор Киранов, протоиерей Михаил Богословский, иерей Александр Ильенков. Затем друг за другом забрали других священников, бывших при Покровском храме. Назовем их имена:

Священник Степан Иванович Малявин, уроженец села Софьяны Бессарабской губернии, сын священника.

Священник Иоанн Семенович Завадовский. Родился 24 июня 1879 года в селе Челебаны Николаевской области в семье священника. Окончил Таврическую семинарию. Когда его церковь была закрыта, переехал в город и работал в санатории "Бердянск". В 1937 году был арестован и без суда выслан. 30 декабря 1939 года прибыл в Карагандинский лагерь НКВД. Как инвалид II группы 24 марта 1942 года поступил в больницу и 3 апреля 1943 года в 11.30 умер 63 лет от роду. В акте о смерти записано: "При наружном осмотре труп умершего имел следующие приметы: рост средний, цвет глаз серый, цвет волос на голове — седые. Смерть наступила от старческой дряхлости и кардиоатеросклероза".

Священник Георгий Кириллович Ханецкий. Родился 24 ноября 1883 года в селе Конские Раздоры Запорожской области в семье священника. Окончил духовную семинарию и был рукоположен до революции. После закрытия церкви в селе Черниговке приехал в Бердянск, где работал разнорабочим на макаронной фабрике. Его арестовали 5 августа 1938 года, но суда не было, и он погиб в лагере, так и не узнав, в чем его обвиняют.

Священник Иона Михайлович Павлов. Родился в 1881 году в селе Акимовке Запорожской области в семье крестьян. По окончании Харьковской духовной семинарии служил в Бердянском благочинии в селе Колоровка, по закрытии — в Покровском храме Бердянска. В Бамлаг прибыл 8 февраля 1940 года, где и умер.

Священник Федор Александрович Ильевский. Родился 21 апреля 1874 года в селе Веселые Терны Днепропетровской области в семье священника. Окончил Екатеринославскую духовную семинарию. Служил в селе Большая Михайловка. Пел в архиерейском хоре. В 1934 году переведен в Кирилло-Мефодиевскую церковь в Бердянск, а затем в Нововасильевскую церковь. Говорил проповеди, обличающие власть.

Священник Евгений Иванович Черненко. Родился 24 декабря 1879 года в селе Ивановке Таврической губернии в семье священника. Окончил Таврическую семинарию. Служил в разных селах Бердянского благочиния. После закрытия очередного храма в селе Софиевка в 1934 году переехал в Бердянск и был при Покровском храме.

Священник Иоанн Исидорович Пистоленко. Родился в 1882 году в селе Н. Успенковка Гуляйпольского района в семье крестьян. Служил в армии, рукоположен до революции. Расстрелян 7 октября 1938 года.

Диакон Тимофей Григорьевич Саклаков. Родился в 1876 году в селе Нововасильевке Бердянского уезда в крестьянской семье. Арестован вместе с протоиереем Виктором Кирановым.

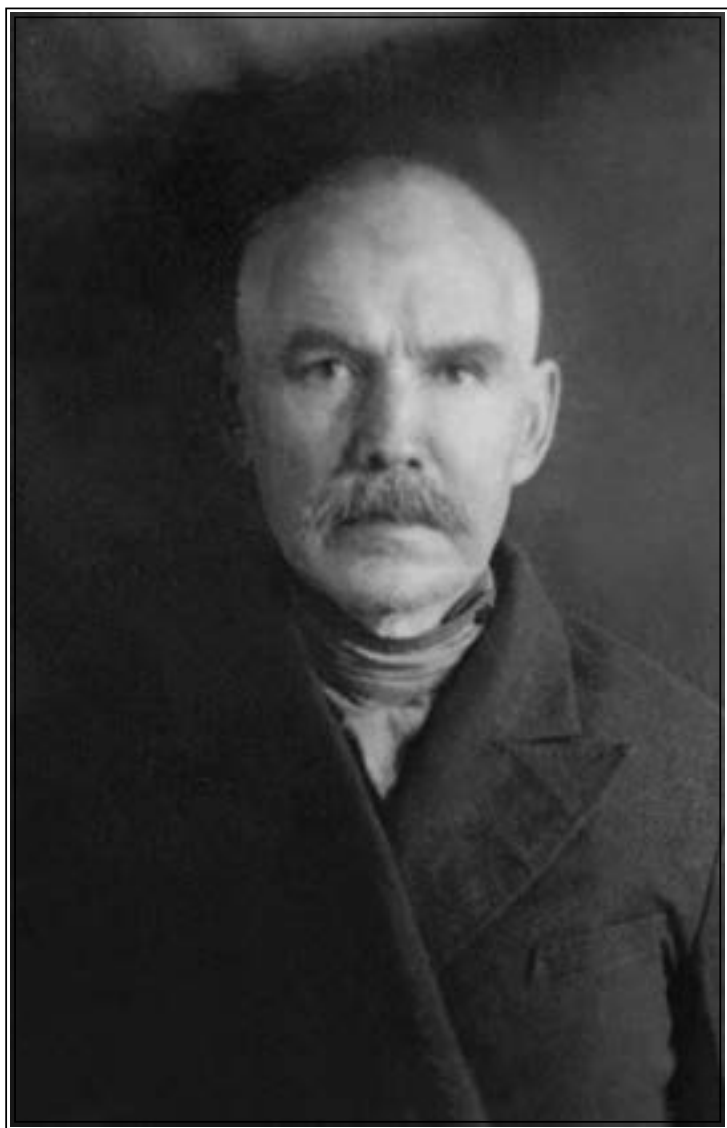
Священник Александр Иванович Драницын. Родился 15 ноября 1888 года в городе Кашине Тверской области в семье священнослужителя. Окончил Тверскую духовную семинарию. Умер 5 марта 1942 года в Севураллаге (поселок Сосьва Севского района Свердловской области).

Священник Тимофей Григорьевич Соколов. Родился 19 августа 1879 года в крестьянской семье. Служил в армии Деникина, позже — священник в селе Нововасильевке, после — при Покровском храме.

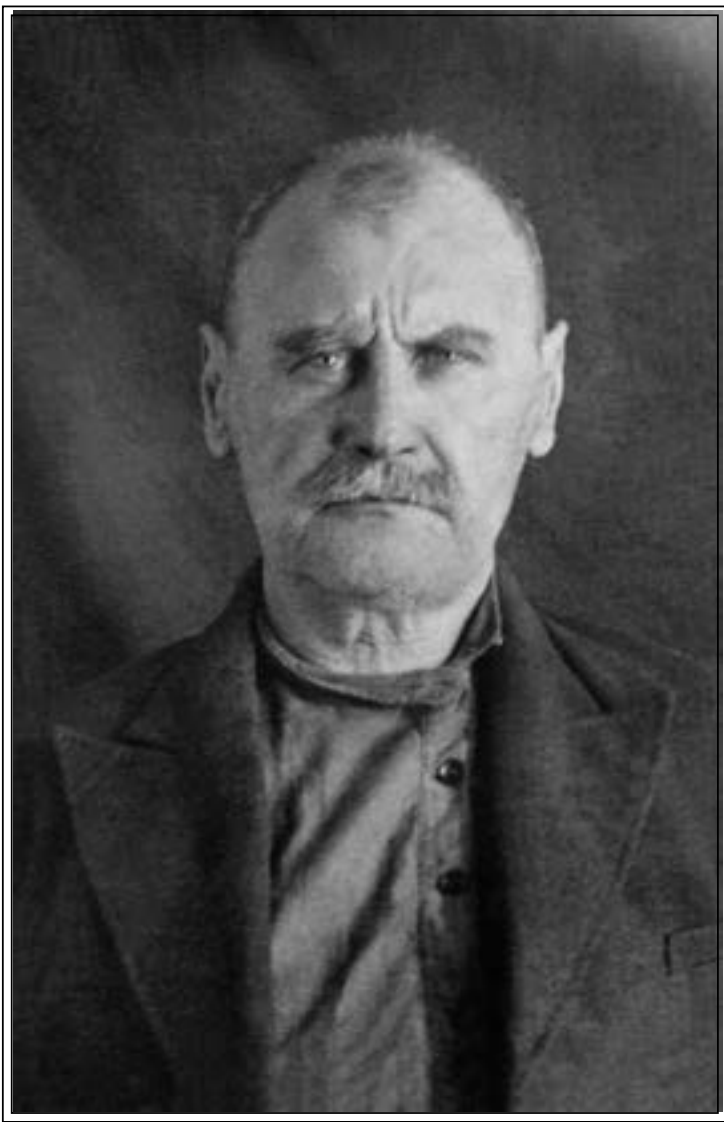
Священник Василий Петрович Тодорцов. Родился в 1899 году.

Священник Даниил Григорьевич Артановский. Родился 14 декабря 1879 года в селе Дмитровке Мариупольского уезда в семье священника.

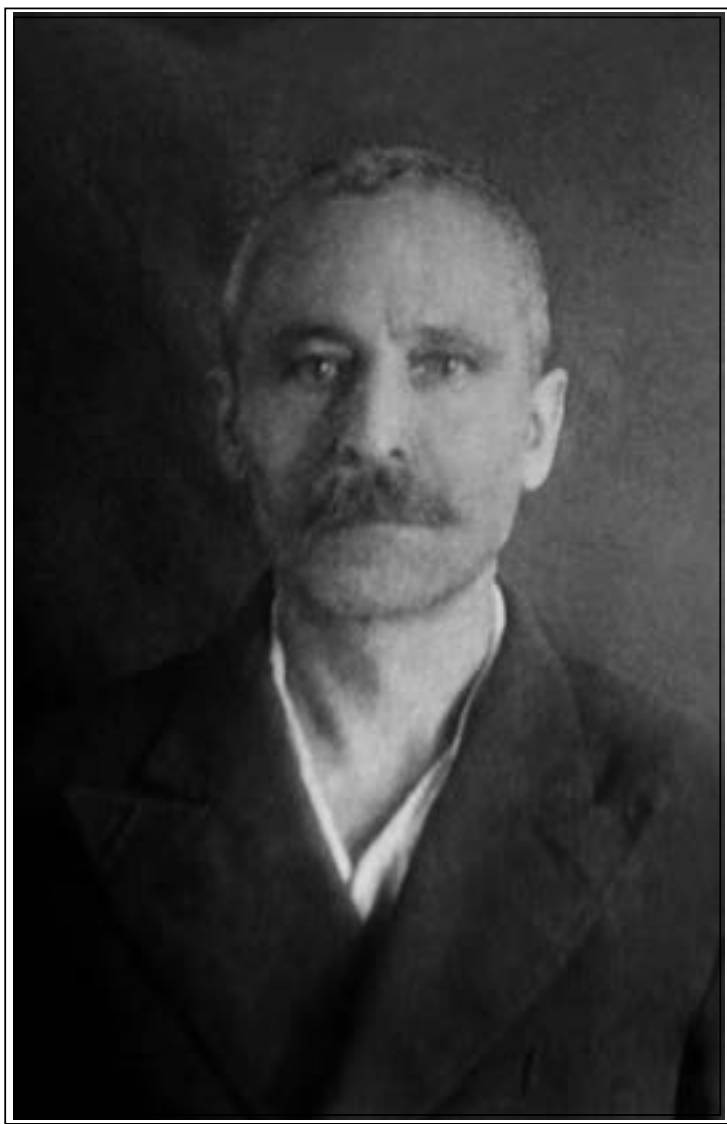
Священник Сергей Иванович Боримский. Родился

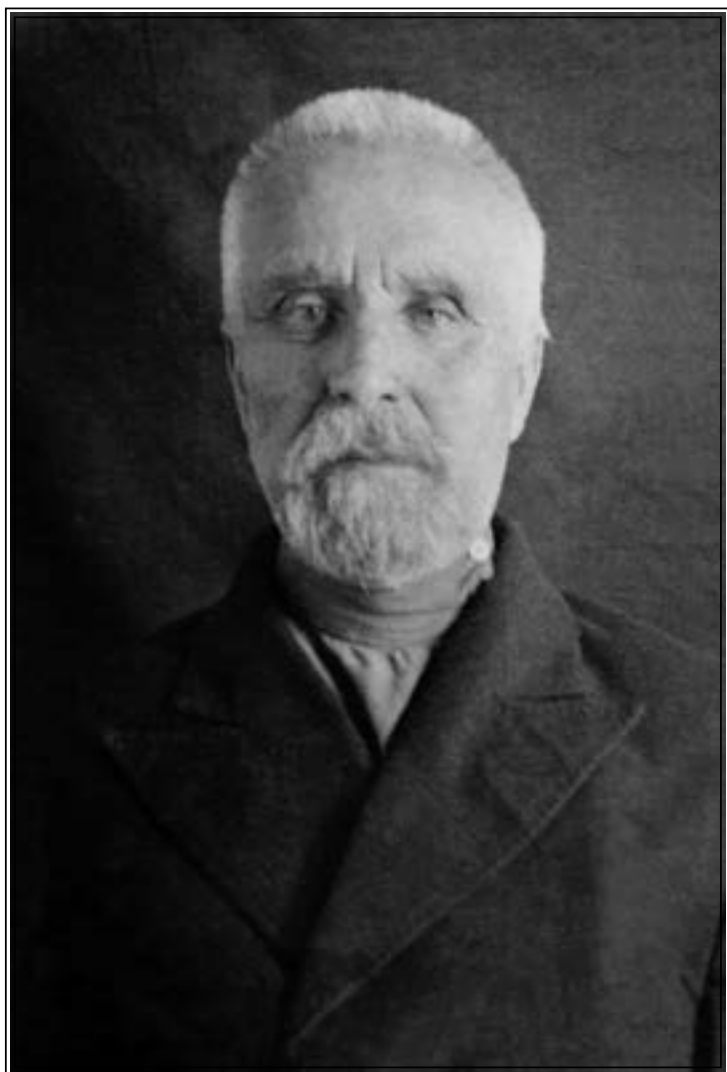
Священник Степан Иванович Малявин.
Запорожская тюрьма, 1937 г.

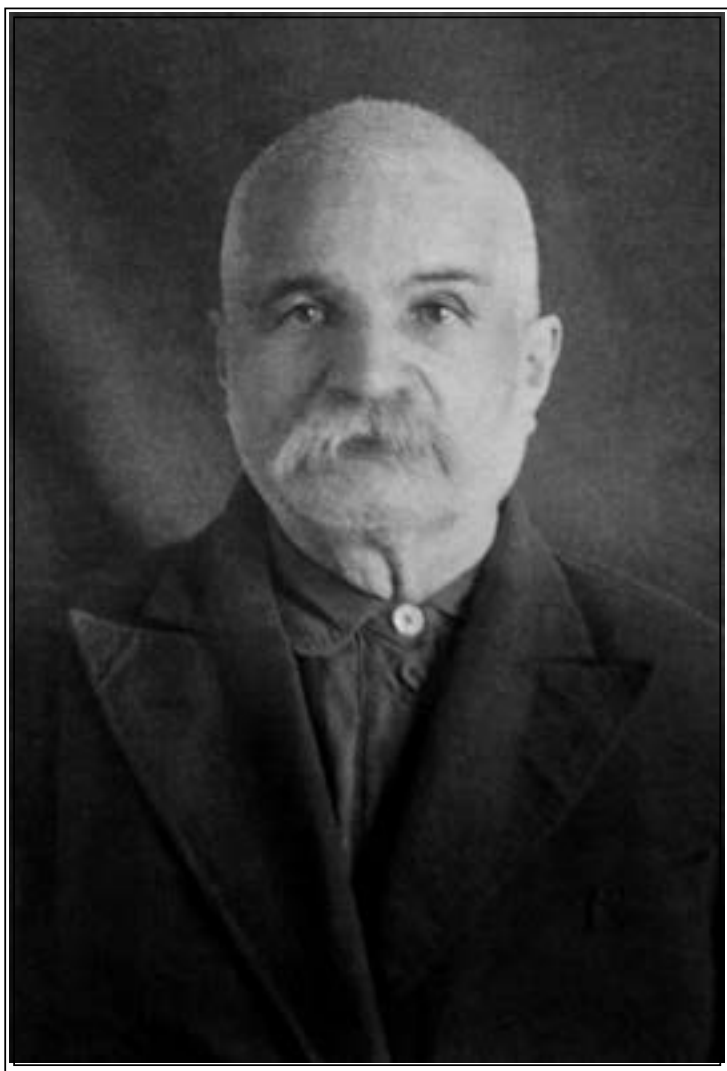
Священник Иоанн Семенович Завадовский.
Запорожская тюрьма. 1937 г.

Священник Георгий Кириллович Ханецкий.
Запорожская тюрьма, 1937 г.

Священник Иона Михайлович Павлов.
Запорожская тюрьма, 1937 г.

Священник Федор Александрович Ильевский.
Запорожская тюрьма, 1937 г.

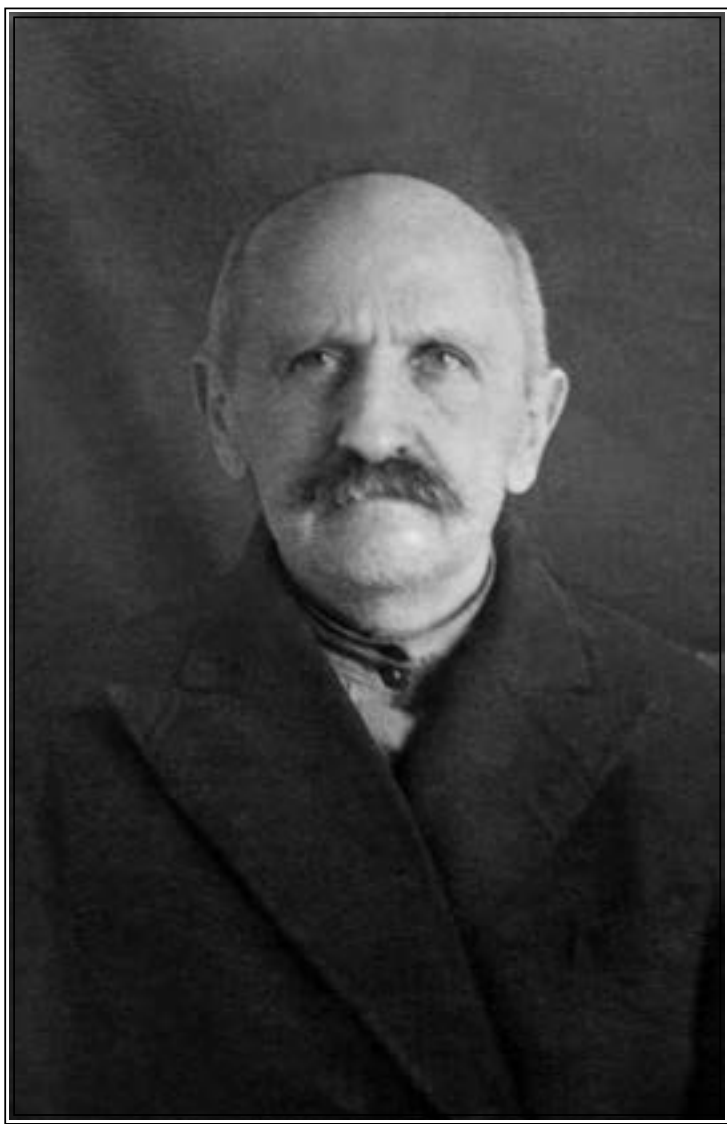
в 1874 году в селе Шуляки Киевской области в семье священнослужителя. Окончил Киевскую духовную семинарию. По некоторым данным принадлежал к обновленцам.

Священник Константин Михайлович Шарков. Родился 6 марта 1879 года в селе Верхние Серагозы Мелитопольского уезда в семье священнослужителя. Учился в Симферопольском духовном училище. Сдав экзамены, епархиальной комиссией был определен на должность штатного псаломщика 23 июня 1901 года в село Берестовое Бердянского уезда и там же состоял учителем пения при местной церковноприходской школе. Окончил Таврическую духовную семинарию. Имел четырех детей. Некоторое время также принадлежал к обновленцам.

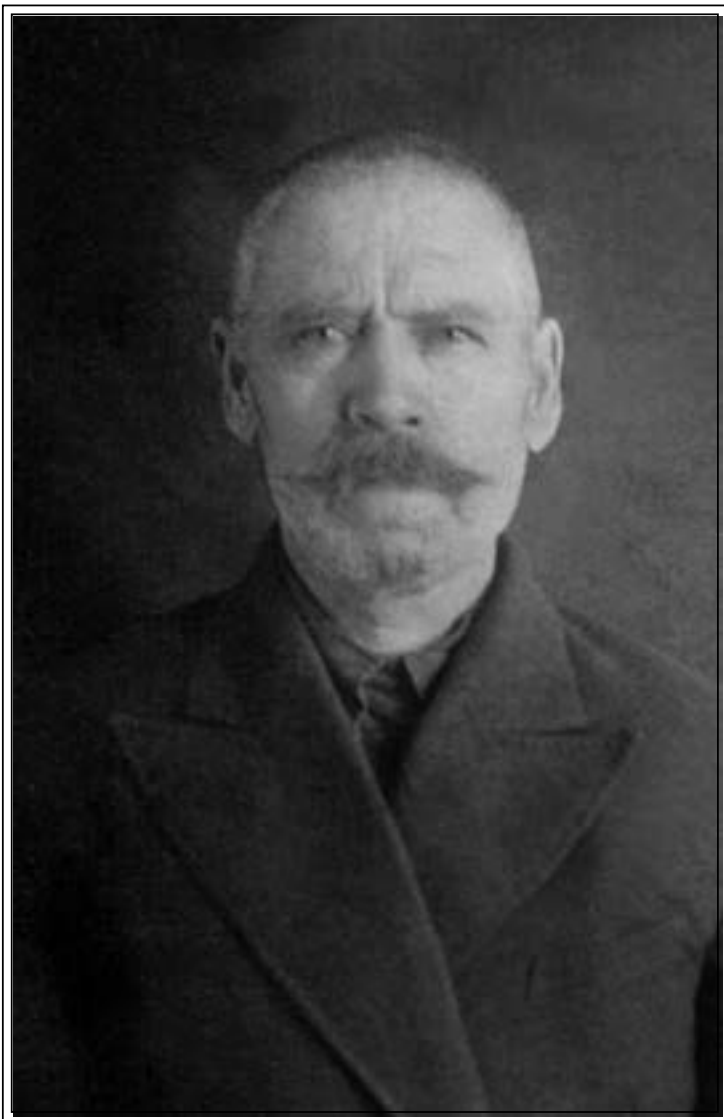
Первые допросы ничего не дали. Протоиерей Виктор и другие священники держались бодро и решительно отрицали абсурдные обвинения. Следствию становилось ясно, что простыми беседами оно не достигнет своих богомерзких целей, и никто не даст ложных показаний ни на себя, ни на своих близких. К арестованным были применены радикальные меры воздействия, одобренные социалистической законностью и уже вошедшие в повседневный обиход следственных дознаний.

Дочь иерея Ильенкова Зоя Александровна вспоминает: "Во время допросов папу били. Все заключенные находились в тюрьме по ул. Красной, а НКВД находилось напротив, через дорогу. Однажды мы, дети арестованных, ждали, когда их будут выводить. Но когда их вывели, мы не обрадовались, а перепугались. Все были крайне истощены. Всегда добродушный, папа на меня не посмотрел. У него был разбит весь лоб, и он еле переставлял ноги. Как потом мы узнали, пытки проводили самым изощренным способом, били по лицу, по животу и ниже, избивали до потери сознания".

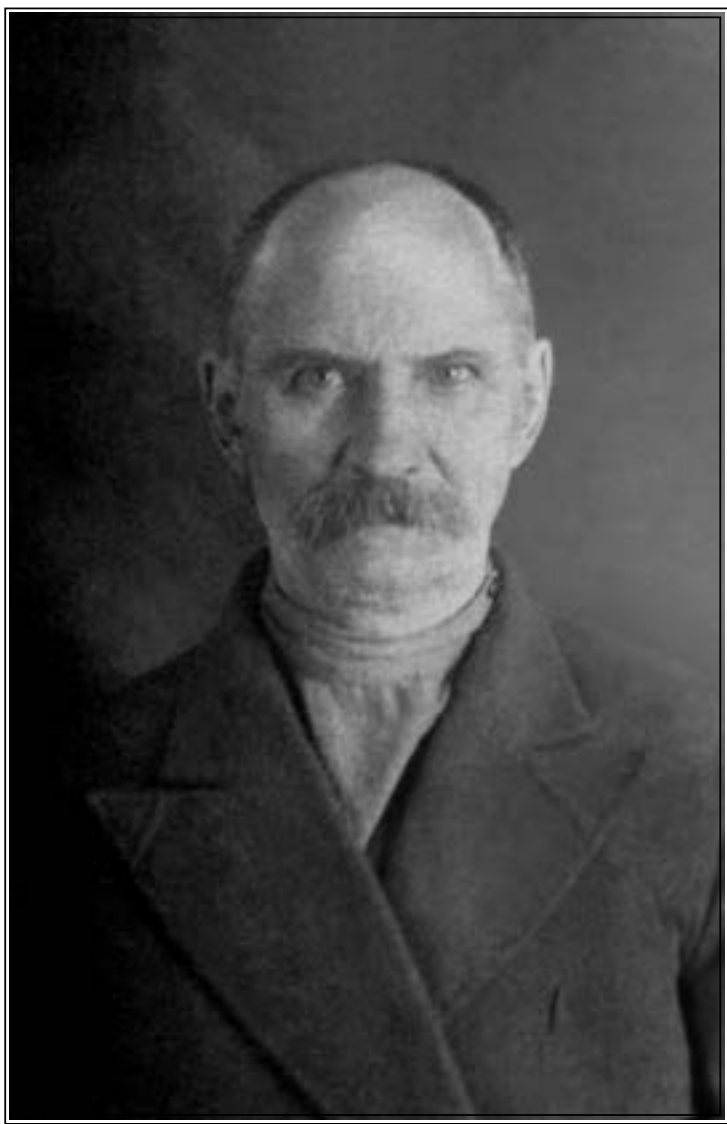
Протоиерей Михаил Богословский, по всей видимости, как-то особенно раздражил своих мучителей, и они, желая унижить его и поглумиться над своей жертвой, выбрали ему на голове крест. Во время

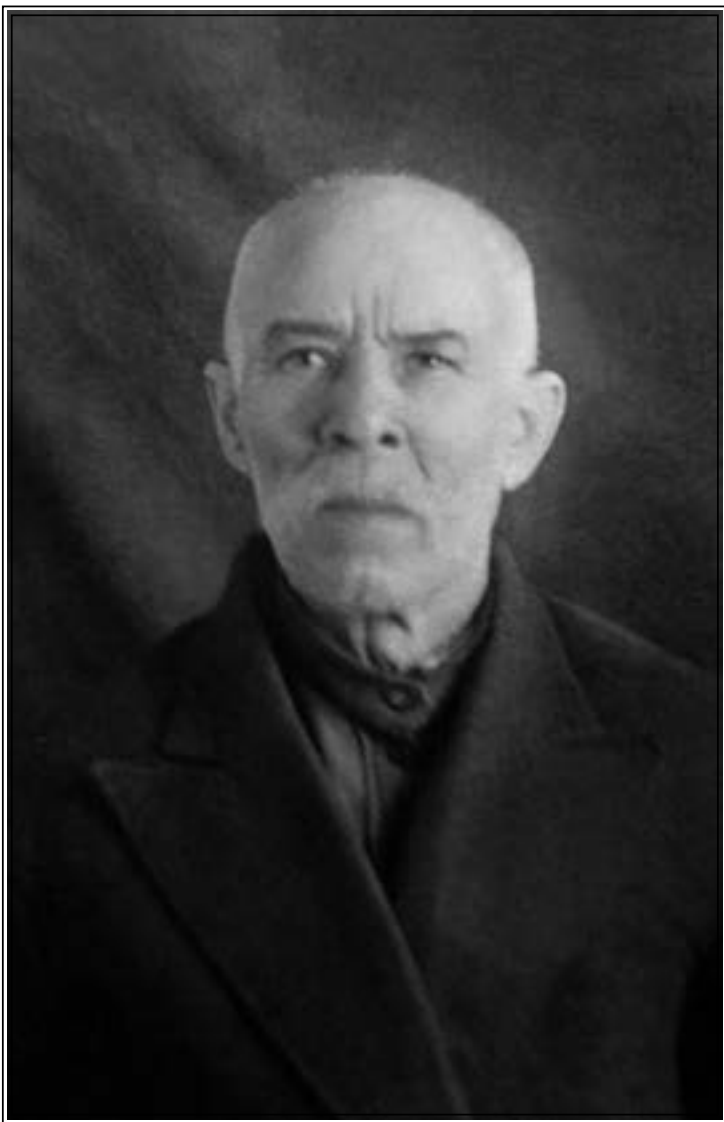
Священник Евгений Иванович Черненко.
Запорожская тюрьма, 1937 г.

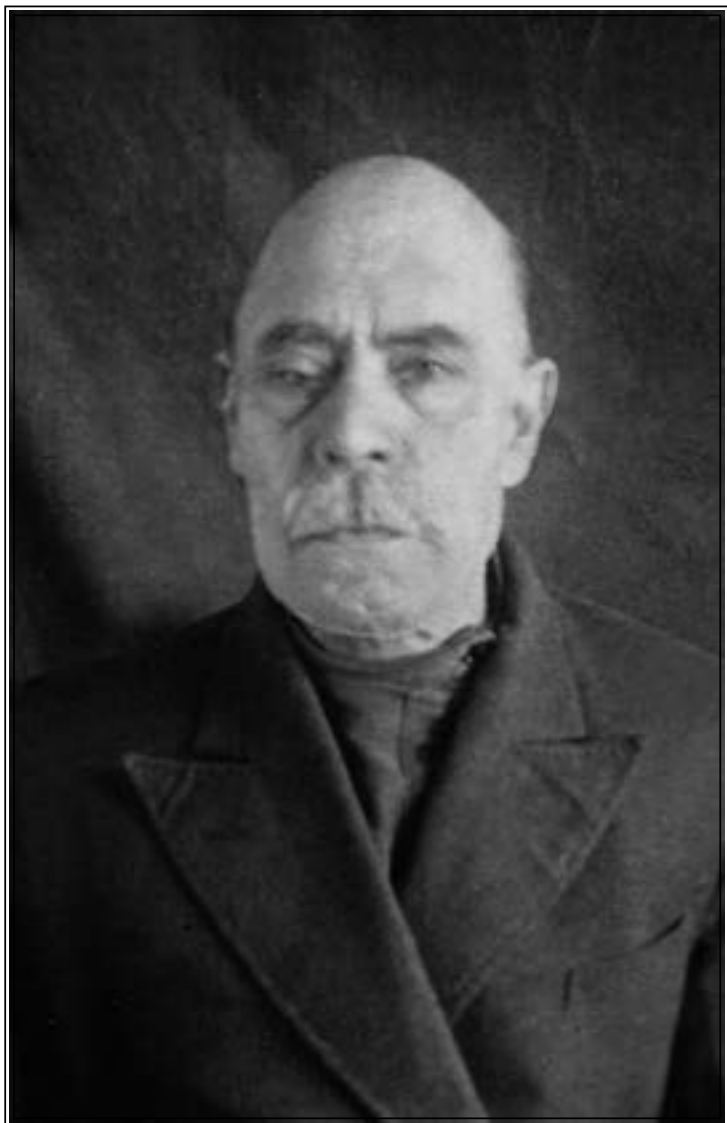
Диакон Тимофей Григорьевич Саклаков.
Запорожская тюрьма, 1937 г.

Священник Александр Иванович Драницын.
Запорожская тюрьма, 1937 г.

Священник Сергей Иванович Боримский.
Запорожская тюрьма, 1937 г.

Священник Константин Михайлович Шаров.
Запорожская тюрьма, 1937 г.

Иерей Александр Ильенков.
Запорожская тюрьма. 1937 год

допросов отец Михаил сосредоточенно молился, осеняя себя крестным знамением. Следователь был вне себя от злости. Размахивая наганом перед лицом священника, он требовал данной ему властью "прекратить это безобразие", на что отец Михаил спокойно возразил: "У вас свое оружие, а у меня свое".

Арестованные священники погрузились в невидимый смог человеческой грязи и озлобленности, царивших в тюрьме. Переплетаясь воедино, нравственные и физические муки заслоняли собою прежнюю дневную ясность, и казалось, что все окружающее было создано только для того, чтобы причинять страдания.

Сохранились письма протоиерея Виктора Киранова матушке Антонине Петровне, дающие нам представление о том, что происходило с ним и другими арестованными священнослужителями:

"Кратко мое дело. Это канва и детали, ты знаешь все мои мысли, сообразишь... Сперва отборная, пересыпанная матерщиной ругня, затем толчки, удары до грыжи, а затем бессонная стойка в течение 300 часов с перерывом в 6 часов, заставили подписать составленный начальником НКВД Еременко протокол — бред сумасшедшего чека. Собратья были обработаны в течение 2 дней и тоже подписали, я держался до 29 июня — больше месяца без сна и днем, и ночью.

1-й период. После ареста предъявили показания Нестерова и Загамулы, что я поручил им в день выборов отравить колодцы и выдал им яд. Ерема* (по Выборной улице, муж артистки, высокий) — что я ежедневно приходил к нему на квартиру, брал и давал шпионские сообщения еп. Г. (Георгию Делиеву. — Авт.) <...>. После ареста Ежова весь этот кошмарный материал был отброшен, и 2-й период: переключили обвинения на агитацию — ст. 54/10, 11. Свидетели: Зверев и Киселев. Показания Зверева на очной ставке: я ему говорил, что колхозное строительство вредно, коллективное хозяйство губительно для крестьян, — называл его "балдой" и "подхалимом" за то, что он отказался служить священником и перешел на советскую службу, имел руководящее значение в приходской жизни, инициатор

общего собрания и руководитель его <...>, что на общем собрании благодарил Панкратова пожатием руки. Зверев вел себя нахально*. В заключение произнес совет: пора, В[иктор] М[ихайлович], бросить заниматься этим и перейти на честный труд. Я его снова назвал балдой, за что сидел 10 суток в карцере. Г.Н. и Киселев говорили об общем собрании; именины у о. Магистриана Верецкого — антисоветские речи у последнего. Что Киселеву я говорил у себя на квартире, что Священное Писание не оправдывает Советскую власть <...>, смотрит как на демагогов. Это в присутствии Лели и матушки! В сущности, так говорил сам Киселев, а я — обратное, что "несть власть аще не от Бога" <...>. Словом, врал по приказанию, но вел себя как циник. Зверев же с дерзостью и нахально, что очень огорчило меня, т. к. он знает меня совсем с другой стороны. Показания Сычева и Лазарева корректны. Г.Н. и Киселев свидетельствуют и у М.К. (протоиерея Михаила Богословского. — Авт.). Киселев у Саклакова и Ильенкова. Я, М.К., Завадовский и Ильенков дали отрицательные показания в решительной прямой форме, остальные (Малявин, Драницын) подтвердили, а затем письменно из Запорожья отказались, прочие нерешительны под обаянием обещания выпустить на волю, если покажут против меня. Много говорили об общем собрании, и особенно играли большую роль именины у о. Магистриана, но все это ложь, ложь и ложь. В общем, картина такая: в 1937 году о. Магистриан и о. Петр Товаров по тем же мотивам и причинам подтвердили, что епископ Георгий (Делиев) приезжал в Бердянск и останавливался на слободке

* Еремин Павел Федорович родился в Бердянске, до революции был актером, после — служащим. Его арестовали 20 июня 1938 г., как "непримиримого врага Советской власти", который "формирует вокруг себя враждебные элементы и организует их для борьбы с Советской властью", а "с 1918 года ведет борьбу с Советской властью как украинский националист, участник Петлюровской просвиты". Вначале П.Ф.Еремин категорически отрицал все обвинения, но под давлением следствия дал "необходимые" показания, на основании которых был расстрелян 29 ноября 1938 г.

с целью их завербовать в контрреволюционную организацию. По этому материалу был арестован епископ Г[еоргий] и затем его благочинный и т. д.

Подаяю жалобу в Президиум В<ерховного> С<вета>. Вот и вся баланда и ложь, на которых построено все следственное дело. Так как для областного суда этот материал оказался исходным, то передали на особое совещание и заочно осудили на 8 лет. Все показания трех лжесвидетелей я, конечно, опроверг, но следователь, записывая показания этих негодяев, точно с привкусом, мое показание записывал кратко — отрицали и только, а, мол, все прочее подробно будете рассказывать на суде, а суд-то и не состоялся. (Григорьев свидетель и у о. Михаила, Киселев у Ильенкова и Саклакова, показания те же).

Следовало бы всем ходатайствовать о пересмотре дела, так как многие были спровоцированы и при втором дознании — все отрицали: я, Богословский, Ильенков и Завадовский, Павлов, Саклаков; запутанные первым следствием Боримский, Черненко. Малявин и Драницын — ложные, хотя потом из тюрьмы писали об этом прокурору. Вот, милая, какая чепуха и какие последствия. Я, всегда лояльный, открытый патриот и защитник весьма многих реформ, и вдруг — контрреволюционер. Перед Родиной и властью не грешен, и пусть Бог будет Судьей моим вольным и невольным врагам. Единственная надежда на помощь Божию и ходатайство и защиту св. Николая, нашего покровителя. Мое благословение и привет моим друзьям: О.В., Леле, Наташе, дорогой матушке. Считаю их своими друзьями и прошу молить о себе".

Протоиерей Виктор Киранов изо всех сил боролся с махинациями и подтасовками следователя, хотевшего представить его виновным в контрреволюционных преступлениях. 7 марта 1939 года он еще раз письменно

* Печальна дальнейшая его судьба. Во время оккупации Бердянска в 1941 г. дочь священника Магистриана Верецкого Леся сообщила немцам о предательской деятельности бывшего священника П.С.Зверева, за что он был публично повешен. По возвращении Красной Армии за это Верецкая была осуждена на 10 лет лагерей.

В этом доме в 1930-х гг. располагался НКВД. Современное фото

Бердискъ. — Berdiansk, № 5.
Алексей кросникъ и булыаръ

и устно отказался от выбитых следствием показаний: "Я был вынужден подписать эти показания, и подписывал их, не читая, а мне протокол был зачитан. Очные ставки, которые я подписывал, были заготовлены следователем ранее". Чуть позже протоиерей Виктор, не доверяя следователю, в подтверждение своей невиновности сделал еще одно официальное заявление: "Я даю правдивые показания, в антисоветской деятельности я себя виновным не признаю. Никогда антисоветской работы я не вел".

В кратких показаниях протоиерея Михаила Богословского не было ничего компрометирующего, но и он, как только представилась возможность, устно и письменно сделал подобное заявление. От иерея Александра Ильенкова так и не смогли ничего добиться. По натуре сдержанный и немногословный, он даже со старыми знакомыми не поддерживал разговоров с оценочными суждениями ни о близких, ни о власти имущих. На следствии он держал себя замкнуто и на провокации не реагировал. Лаконичные ответы его сводились к категорическому отрицанию всех обвинений.

Господь не оставлял родственников заключенных священников, в полной мере разделивших их страдания. Дочь отца Александра Ильенкова вспоминает: "Когда папа сидел в Запорожье перед высылкой, мы ездили к нему на свидание. А уже после свидания нас застала ночь, было очень страшно под тюрьмой в чужом городе, без денег и еды. Нас пригласила совсем чужая женщина, накормила, напоила, уложила в белоснежную постель спать и на следующий день, когда мы уезжали, дала маме 100 рублей и подарила платье. Я ее не знаю, но лицо помню и молюсь за нее до сих пор".

В связи с тем, что большинство заключенных виновными себя не признали, для открытого заседания материалов было явно недостаточно. Запорожский суд переслал дело на рассмотрение в Днепропетровск, а потом в Киев. Не найдя достаточных оснований для осуждения арестованных, 11 августа 1939 года прокурор УССР Косман направил дело на рассмотрение особого

совещания при НКВД СССР.

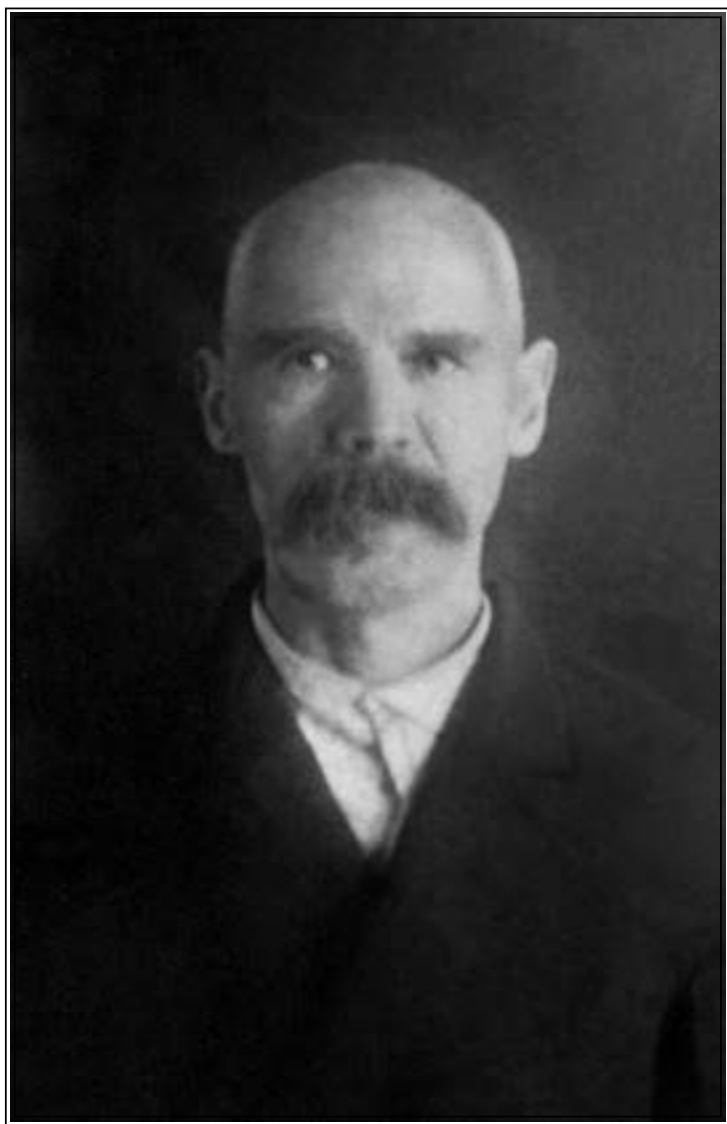
Тем временем, пока тянулась бюрократическая волокита, все арестованные находились в 1-м спецотделе НКВД Запорожья. Каждый день, наполненный удушливым ожиданием, казался бесконечным и находил свое оправдание в евангельском терпении и молитве. Протоиерей Виктор Киранов писал своим близким: "Путь ко спасению проходит нормально, по указанию ап[остола] Иакова — сперва страдания, затем терпение, а перенося их, приучаешься к смирению, которое, надеюсь, породит в будущем любовь и приведет ко спасению <...>. Страдаю я, как вам известно, совершенно невинно юридически и фактически, так как перед государством и перед властью ни в чем не повинен, весь город это может подтвердить <...>. Перед Богом же виноват за многие и многие грехи, за что и несу это ужасное наказание как заслуженное. Карцер — отсюда только и просить Бога, чтобы простил меня, а я Его лишь благодарю за милость исправления этим путем. Всех вас прошу: да будет мир между вами во спасение ваше, а мне в утешение".

29 октября 1939 года состоялось закрытое заседание Тройки при НКВД, заочно осудившее протоиерея Виктора на 8 лет, протоиерея Михаила Богословского и других (всего 13 человек) на пять лет лагерей. И только 28 ноября им было сообщено о решении суда.

По письмам протоиерея Виктора Киранова в известной мере можно проследить последующие события.

Дорогая Ниночка!

Пишу наскоро 28/XI—39 г. Прибыл к месту своего назначения. Ехал через Харьков, Сызрань, Новосибирск, Томск и Асино, в 100 верстах от Томска. Жив и здоров — работаю. Писать буду иметь возможность один раз в месяц. От вас могу иметь чаще. Пока не присылай ничего. Целую крепко тебя и деток и всех моих истинных друзей. Прости, милая, все мои против тебя, при моей любви к тебе, согрешения. Чувствуется, что видеться

Священник Михаил Богословский.
Запорожская тюрьма. 1937 год

больше не придется, а там что Бог даст. Чтобы письмо дошло к тебе, нужно ограничиться этим кратким письмом. Адрес мой: Асино, Асинского р., Новосибирской области. Почт[товый] ящик № 245/1. Мне. Адрес можно сообщить друзьям, может быть, кто решится написать мне, не надеясь получить от меня по не зависящим от меня причинам.

Крепко любящий пр[отоиерей] В.Киранов.

14/II—40 г.

Милые, дорогие и добрые мои

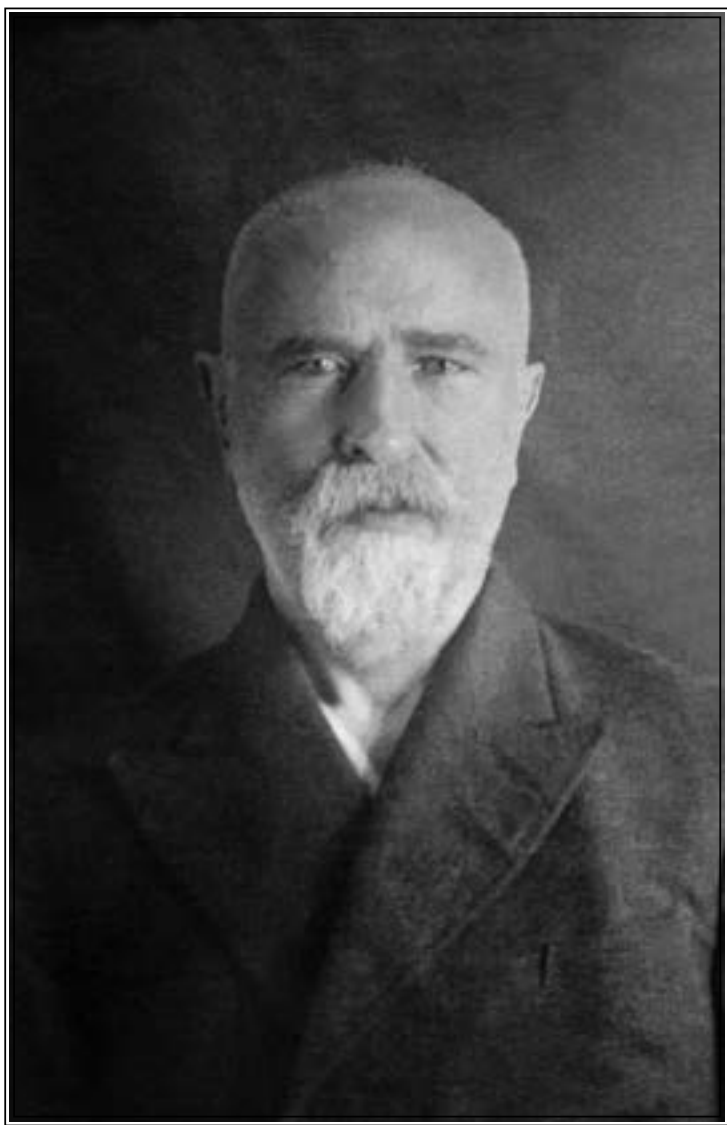
Ниночка и детки!

Здоровы ли вы все и как поживаете? Я у вас один, а вас у меня много, а потому и думок много. Я жив и здоров, конечно, относительно, так как старые грехи и старые раны стали открываться и дают себя чувствовать при новой трудовой жизни, — сердце часто пошаливает и дает право получать двух-трехдневные отпуска на отдых, желудок работает, но работы ему мало — моя брезгливость решительно губит меня. Пища, в общем, сносная, но вид ее и посуды отталкивают меня, и часто и очень часто ограничиваюсь одним хлебом подсушенным и водой в буквальном смысле слова, а отсюда — каково топливо, такова и работа. Дело свое обжалываю, хотя почти безнадежно. Дела-то вообще нет никакого, но переписки оказалось куча. Я уже три письма послал тебе, Ниночка, дорогая моя старушка-мученица, но ответа еще не имею, очевидно, письма не доходят. Официально имею право писать письма один раз в месяц. Мой адрес — с. Асино, Новосибирская область, Асинского района, почтовый ящик № 245/1 НКВД, для меня. Возле Асино лагерь трудо-исправительный, где меня и воспитывают в этом направлении. Название лагеря показывает его назначение. Трудно, противно и обидно, но ничего не поделаешь. Принимали доброе, примем безропотно и плохое, заканчивать жизнь где-нибудь да нужно, слава Богу, что дал возможность искупить этим путем бесчисленные грехи пред Ним,

тобою и семьей. Знаю, конечно, что живется вам без меня трудно, но помогать уже больше ничем не могу, т.к. нищий есмь. Если друзья, и если вообще они у меня остались, и если они пожелали бы мне помочь, то можно прислать продуктовую посылку, самую скромную по виду и содержанию. Вы же от себя ничего не отрывайте, это мой приказ, особенно это относится к Танюшенькиному трудовому кровному бюджету, пусть она себя, моя миленькая, поддерживает, а я обойдусь, мне мало теперь чего нужно. Нужна бумага, конверты и карандаши, вложенные в какой-нибудь переплет моих книг, — заменит портфель. Вот черного перцу (или что-нибудь заменяющее его, острое), чтобы забивать дух моей пищи, пришли обязательно, если его нет, то добрая Наташа пусть подумает об этом. Сухари, думаю, трудно, вместо сахара каких-либо самых дешевых конфет, о прочем думаю и знаю, говорить не приходится. Лук и чеснок принимаю в самом ограниченном количестве. Все мое имущество движимое и недвижимое в твоём полном, без всяких советов, распоряжении и лично для тебя — все. Одежи и белья пока не нужно — обстановка такова, что все это пустая трата. Старые летние туфли, ботинки и две цветных рубахи и брюки из какого-либо дрянного материала пришли к лету — пусть добрая Леля пошьет, о хорошем и тем более белом и говорить нечего, — не нужно безусловно, смешно и глупо. Живу среди оборванцев, несчастных стариков, и сам уже таков.

Милые и дорогие Ниночка и детки!

Наконец знаю, что место моего пребывания вам известно. 15-го получил телеграмму, вчера два письма — твоё и О.В. с Лелей — очень им благодарен за теплое дружеское письмо, которое согрело меня и укрепило в сознании дружеских их отношений и до черного дня. Тебе, Ниночка, особенно благодарен за твои заботы обо мне. Сегодня получил твоё второе письмо <...> с извещением о посылке, которую уже предвкушаю и заранее целую твою руку, сложившую

Священник Виктор Киранов.
Запорожская тюрьма. 1937 год

ее. Признаюсь, милая, не хотелось сознаваться, думал, что погибаю неминуемо и чем раньше, тем лучше, но так как местопребывание уже открыто и сношение завязалось нормальное, то признаюсь, что я сейчас в состоянии, как после тифа, кожа, кости и только, таким я приехал в Бердянск во второй период следствия, но вы меня, разумею друзей, подкормили, а затем в Запорожье обкормили, и я ожил, и ты меня видела бодрым на свидании. В Запорожье при выезде я все роздал неимущим, особенно Саклакову и двум запорожским священникам, и себе оставил только на дорогу и хорошо сделал, т.к. в дороге паче всем ты и тебе ничего, — понятно. Приехал на место и тоже ничего казенного есть не могу, как ни насиловал себя, но больше двух ложек — рвота, а как другие едят — по две-три порции? И вот с декабря по сей день в положении послетифозном. Моя брезгливость — мой враг, посмотрю на посуду и довольно, тошнит, да и только — словом, ты понимаешь меня — довольно. Посылать можно все, кроме спиртных напитков, и, конечно, нет смысла скоропортящееся. Боюсь, чтобы у кого-либо не зародилась мысль, что думаю разжалобить и таким образом эксплуатировать, смотри, Ниночка, огради меня от этого. Принимай с разбором, а нет таких — посылай то, что посылала Мише, и этого будет достаточно для меня. Впрочем, будем надеяться на милость Божию и заступничество Св. Николая. Молитесь, дорогие, обо мне, женская молитва сердечней и теплей других. При мысли о молитве невольно вспоминаю Кузьмича. Мое ему благословение и особая просьба о молитве. В молитвах О.В. и Лели не сомневаюсь ни на минутку, шлю им свое благословение, благодарность и самые сердечные пожелания. Чего не пишут А.П. и Наташа? Да и ты, и О.В. с Лелей о них ничего не сообщаете, мое им благословение и сердечный привет — это люди, тоже близкие моему сердцу, и в их отношении ко мне не сомневаюсь.

Сперва ходил на лесозаг[отовки], пилить дрова,

потом в овощехранилище перебирать гниль и др., а теперь дневальным в 8-м бараке, где проживают служащие, управленцы. Хожу в казенной одежде и лаптях. Дежурю с 1 часа ночи до 7 утра, а днем уборка барака, доставка воды и дров и пр. Словом, настоящий кухонный мужик.

Получив письма, я ожил, и товарищ дневальный заметил, что это у тебя сегодня глаза горят, а то все как у покойника, вот какой бальзам вливают в сердце мое ваши письма. Из наших здесь никого нет. До Харькова ехали все вместе, из Харькова до Сызрани о. Мих. и Черненко — в Новосибирске расстался с ними. <...>

Здесь же познакомился с прот. Михайловым — дневальным. Товарищ о. Мих[аила] по Академии <...>. Говорят, есть и епископ — там еще не был. Итак, милая, спасибо за все и пока до следующего письма, до свидания. С Зверевым никаких сношений, его, конечно, принудили показать, но уже мог бы мне письменно сообщить об этом. Но раз молчит, значит, конец. А ведь его отрицательное письмо тебе или мне имело бы большое значение, да и бояться нечего, гонящие бо изумроша. А как в этом отношении Г.И. и Киселев? Неужели совесть до конца сожжена? Как наша баба Поля, конечно, отказала совсем с пожеланиями, если так или подобно тому, посылаю им свое б[лагословение]. И привет как самым лучшим друзьям. Пусть пишут мне. Целую всех вас. Прошу молить о себе. Хлеб насущный каждого из них прииму с чистым сердцем и любовью. Жива ли мама? Милую Танюшу поздравляю с днем рожд[ения] и д[нем] А[нгела]. Прости, милая, за все мои грехи пред тобою. Увидимся ли? Довольно...

Когда П[асха]? Или 15 апреля, или 8-го? Анастасии Никиф[оровне] особый мой привет. Пусть мне напишет. Кроме меня, из наших никого нет.

Твой В[иктор].

Сегодня получил твое третье письмо от 12/II с описью второй посылочки — обе посылки получены

полностью. Ты спрашиваешь, как мои зубы. Милая, еще в первый период Бердянского сидения я потерял и протез, и золотой мостик, да впридачу и два здоровых. Зубной врач — Еременко, вставляя их, плохо заботился о целости их при движении, и я их потерял, протез совсем погиб, а золотой мостик сохраняю. Имею четыре передних и несколько нижних, обхожусь пока ничего, вкус сала и смальца (хороши) ощущаю удовлетворительно. Но кроме зубов, нажил и грыжу по белой линии выше пупка, это от неосторожного движения стулом при той же операции. Что я делаю? Первое время ходил за три версты пилить дрова. Это оказалось непосильным, особенно ходьба, да еще с молодыми здоровыми людьми, и я, проболев 10 дней, освобожден от этой работы, затем ходил на овощехранение перебирать овощи, это посильно, но воздух и свет давали себя чувствовать — измарался достаточно. Теперь, уже недели три, состою дневальным при бараке, насельники которого управленцы, здесь хорошо и чисто, работы порядочно, но условия хороши, есть, где и поспать, и поесть, и сохранить присланное. Слава Богу и Св. Николаю за всё. Путь ко спасению проходится нормально по указанию ап[остола] Иакова <...>. Валюта использована — это хорошо.

Очки с футляром оставил себе Еременко, обещая выдать перед этапом, так и не выдал, не имея на то никакого права, в футляре золотой крестик. Купил себе очки в Запор[ожской] т[юрюме], которыми и пользуюсь по настоящий день. По качеству присланных яблок догадываюсь об их источнике, очень хороши. В таком случае няне привет и благ[ословение] <...>. В указанное время и я мысленно буду со всеми вами, а Благодать Г[оспода] н[ашего] И[исуса] Х[риста] да будет со всеми нами.

Целую всех.

Твой Киранов.

Милую Ниночку мою поздравляю со д[нем] А[нгела], с наилучшими пожеланиями и особенно здоровья и благополучия личного. Целую тебя, дорогая, сердечно и выражаю чувства, наполняющие

мое большое сердце. Апостол П[авел] говорит: не то доброе творю, чего желаю, но то злое, что ненавижу, содеваю; если перефразировать эти знаменитые слова, то в жизни моей, особенно семейной, получалось с моей стороны так: не то доброе, сердечное, что чувствовал всегда к своей жене и детям, выражал наяву, но то грубое и бессердечное, чего в сердце не имеешь, проявлял наружу. В школе воспитывали нас сентиментально, но в моей жизни это чувство, без сомнения, имевшее место, выражалось уродливо. Это качество, к сожалению, я передал и своим детям. Танюша, милая, без сомнения, любит и тебя, и меня, но это все внутреннее, переживания наяву, и особенно перед публикой, не проявляет — ясно. Так вот, находясь вдали, в стране далеке, я тебя, дорогая именинница, целую заочно бесконечно много раз с самыми глубокими чувствами, чего наяву, дома перед людьми, не сделал бы, без сомнения, переживая эти чувства. Третье твое письмо не получал. Посылочки обе получил, причем вторую с кастрюлькой и смальцем получил 23-го, а первую с салом и ветчиной 29-го. Получил все по первому списку, а второго списка не имею, т. к. он был, должно быть, в неполученном письме. За все присланное бесконечно благодарен. Сейчас 4 ч. ночи, дежурю <...> чувствую себя великолепно. Вот что, зачем ты тратишь так много тары-инвентаря тряпочного, у меня накопилось много всяких мешочков, тряпочек, это можно не делать, а прямо вкладывать в ящик, закатывая в газету. Твои именины, по моему расчету, приходятся в четверг на первой неделе В[еликого] П[оста]. Так ли? Мои в субботу на 1-ой. Маленькое распоряжение: в день моего А[нгела] очень прошу тебя заранее пригласить моих добрых друзей О.В. и Лелю, Наташу, дорогую мамушку А.Н. и, если есть, пока не известных мне доброжелателей, и угости их от моего имени скромным чайком или, должно быть, у тебя есть наливочка. За все это, егда возвращусь, воздам третицею, а сейчас, извиняюсь, нищ бо и убог есмь. У нас время на 4 ч.

впереди, так что когда вы все в 9–10 ч. вечера будете меня чествовать, то я в 2 ч. ночи, дежуря, буду весь с вами и телом, и душой. Пишу об этом заранее, т. к. это письмо мартовское, следующее может быть только в первых числах апреля. Итак, поздравляю, целую и в 2 ч. ночи на 2-ое марта я весь с тобою и уже с тобою.

Как поживают милые детки, все ли здоровы и благополучны? Целую всех — Лидочку маленькую, Люсю с мужем и пр., Танюшу дорогую поздравляю с именинницей и прошу от себя и меня преподнести ей ценный подарок — послушание и любовь. Всем друзьям привет и поцелуй. Почему никто не пишет? Пишите, дорогие, это для меня большое облегчение, содержанием не стесняйтесь, в вашей преданности я уверен, а прочее неважно. Молитесь все обо мне, а время как раз подходит для молитвы благоприятное. Молитва веры много может пред Богом, и будем надеяться, что, находясь в молитвенном общении, при помощи Св. Николая опять свидимся и закончим свою жизнь в мире и любви.

Целую крепко тебя, Ниночка, и очень-очень благодарю за твои заботы обо мне.

Твой пр[отоиерей] Виктор.

На полях: Мороз доходит до 50 гр. Сейчас теплая, хор[ошая] погода, 2 гр. ниже 0.

Дорогая Ниночка, детки и друзья!

Я жив и здоров, но настроение ужасно скверное — подавленное, что вполне гармонирует со скверной погодой. Зимой так не мерз, как в мае. Каждый день дождь, снег, мороз и ужасные ветры. Письма твои от 2/V и 8/V №№ 12 и 13 получил — последнее сегодня, 21/V. Штемпель Берд. 8-го и Асино 14-го — всего 6 дней идет, но вручается много позже. О твоей поездке ко мне пока говорить рано — оказывается, что свидания разрешаются лишь на 4 часа — ехать за несколько тысяч километров и иметь 4-часовое свидание, конечно, абсурд. Талончик — это знак того, что письмо зарегистрировано и посылается на законном основании.

Обращение родного отца к родной матери о том, что жалей и люби дочь, — всегда выражало и выражает особое ласковое чувство родителей к своей дочери и понимается и принимается родителями с любовью, как обоюдное чувство, но никак и никогда как отсутствие у одной из сторон этого чувства или недостаточность его. Понимать иначе, прости, милая, может лишь мачеха — для той все подозрительно, и это вполне понятно, но ты, для которой дети — все, для чего сюда себя влепила? Очевидно, в то время и у вас была скверная погода. Мама, люби и жалей Танюшу, а ты, Танюша, люби и жалей маму — это значит, что я верю и уверен, что вы любите всегда друг друга. Довольно.

О Мише ты мне сообщала, что он, кажется, стал на правильный путь, что женился и пр. Теперь сообщаем, что он уже год как на воле, но все же где он — в Сибири ли, или в Москве, или в деревне — ни слова, так что я все же о нем плохо осведомлен. Мелитопольский кум тысячу раз прав, что я несу кару за грехи свои, и я бесконечно рад, что Бог хоть этим путем направил меня, величайшего грешника, на путь исправления и покаяния, но вообще, говоря объективно, он сказал старческую ерунду, или попросту — глупость. Все наши праведники, достойнейшие пастыри, несут наказание, конечно, за свои грехи, но наипаче же за людское невежество и благополучие сидящих на местах и мнящих о своих заслугах, которых никогда не было. Бог дождит на праведных и на злых, и солнышко греет тех и других, в горниле же правды Б[ожией] обнаружится, где золото и серебро и где полова и солома. Сам составитель литургии, сокращать которую так боялся, закончил жизнь не в Мелит[опольском] хр[аме], а в ссылке, хотя ничего не сокращал, а, наоборот, созидал и составлял, чем мы и до сего времени пользуемся. Слава Богу за все! Понятно. А все же погода скверная. Закончу письмо позже, быть может, будет погода и настроение изменится. Завтра 9-е... Помолится о нас наш заступник, Св. Н[иколай]...

Сегодня 3 июня — все вы, милые мои, будете проводить время вместе и иметь счастье дружески поговорить, потолковать, а я в одиночестве, диком, страшном, но

все же в то же время я буду мысленно с вами. Дорогую Лелю поздравляю и желаю здоровья и спасения. С новорожденным тезкой-внуком нужно поступить так: крестной будешь ты, а крестным — Кузьмич. Прочти молитву Госп[одно] и Символ веры и трижды сделай ты, как бабушка, то, что полагается, а затем возложи крестик — остальное сделает родной <...>. М.К. [о. Михаил Богословский] быть может отправлен как инвалид в другой лагерь, поговаривают и о наших инвалидах и указывают якобы Караганду. Нестерова, Загамулу и Тодорцева я нигде не видел за все время — это почти вынужденные показатели против меня, — подписывали протоколы, даже не читая их. Твои, Ниночка, письма только радуют меня и доставляют глубокое наслаждение. Люсю благодарю за хорошее письмо. Леночку целую. Танюшу милую мою целую. Привет и поцелуй всем и мою искреннюю благодарность <...>. Письмо Н.В. и Лели получил 2/VI, благодарю.

Протоиерей Виктор Киранов оказался в одном бараке с протоиереем Михаилом Богословским. Отмечая его особое смирение, кротость и молитвенный подвиг, он в своих письмах называл его не иначе как "преподобный Михаил" и, без сомнения, уповал на его молитвенное предстательство. И не без основания. Отец Михаил с удивительной кротостью и благодушием переносил не только свои личные болезни, но все лагерные поношения. Поистине, у него был особый дар приобретать даже ожесточившиеся человеческие сердца. В том же лагере, где находился отец Михаил, оказалась осужденная на 10 лет его прихожанка Таисия Афанасьевна Казычкина, ставшая свидетельницей удивительного терпения батюшки. Спустя много лет она рассказывала: "Блатной садист издевался над отцом Михаилом. Вырвал брови, ресницы, все волосы по волоску. Надзиратель, когда увидел о. Михаила, ужаснулся и потребовал назвать имя садиста, но священник отказался указать на своего мучителя. Смирненное великодушие настолько поразило лагерного садиста, тронуло его сердце, что он тайно

пришел к отцу Михаилу и коленопреклонно со слезами просил прощения".

Отец Виктор стал свидетелем смерти протоиерея Михаила, о чем написал своим близким: "Он еще в тюрьме был безнадежен. Глоток пищи вызывал у него страшную икоту и боль, а он еще ел чеснок, по своему, конечно, рецепту, и тем еще более вызывал боль. Страшная болезнь у него началась дома, я с ним спал рядом и свидетель всех его мучений, вызывавших у других соседей брань и недовольство. Хороший был человек и жизни праведной <...>. Думаю, почти верю, что Г[осподь] принял душу его как праведника и человека, равного другим святым, угодившим Ему. Моли Б[ога] о нас, о. Михаиле...".

Протоиерей Михаил Богословский мирно отошел ко Господу, смиренно испив всю чашу своих страданий, в 8.30 28 марта 1940 года в Краслаге НКВД. Его смерть констатировал начальник медсанчасти Плешивец В.И., лечащий врач Хохлов А.П., медсестра Любавская А.И.

22/1—41 г.

Милые и дорогие мои Ниночка,
детки и все друзья!

Я жив и здоров по великой Милости Б[ожией] и заступничеством угодников Его, в том числе считаю и нашего преподобного отца Михаила [Богословского]. Жизнь последнего была такова, что если вера наша не суетна, а она, без сомнения, истинна, то он по аналогии со всеми св[ятыми], без сомнения, предстоит у Престола Всевышнего во всей славе своего славного жития. Смерть Ив. С. для меня неожиданна, что значит "не дома"? Если так, как я понял, то невольно вспоминаешь о превратностях судьбы человеческой жизни. Молюсь о нем. В.Онисимовне передай мой привет и благодарность с пожеланием христианского утешения в столь великом горе. Я после долгого времени работы на лесоповале, где страшно устал и оборвался, месяц был дневальным, хорошо отдохнул — сейчас зачислен в разряд активированных инвалидов 2-го разряда и нахожусь на 11-м лагпункте на работе в закрытом помещении — вязание сетей. Посылку от 6/1

получил, очень благодарен. Мягкое ем с удовольствием, а твердое — с большим трудом. Замени, милая, твердое и очень дорогое чем-либо мягким. Часто, по моему мнению, посылать не следовало бы, а там да будет воля не моя, а твоя. Мне только всех вас, в особенности тебя, остается благодарить и только. Целую всех вас, целую и благодарю.

Милую мою дочурку Танюшу поздравляю с [днем] А[нгела] и шлю пожелания, какие могут быть у крепко любящего ее отца.

Бурки получены. Сумка весьма подходящая. Нужна большая сумка с завязками. Крепко целую всех вас и милых деток и шлю всем свое Б[лагословение].

Ваш о. В[иктор].

28/IV—40 г.

Дорогая Ниночка, детки и все мои близкие
друзья, дом[ашняя] Ц[ерковь]!

Пишу эти строки в ночь на 28-е апр. При анализе переживаний и испытываемых чувств — это нужно принять во внимание, впрочем, мы друг друга так хорошо понимаем, что можно было бы обойтись и без этого примечания, — так и будет между нами впредь? Я жив и здоров, первое по великой милости И[исуса] Христа, а второе по той же милости, возгреваемой — это я, безусловно, чувствую — ходатайством нашего заступника Св. Н[иколая] и молитвами, да молитвами вашими, мои добрые, хорошие друзья. Жизнь моя протекает обычно, как жизнь всякого заключенного, — жизнь серенькая, жалкая, убогая, полная скорби, — скорбь моя о вас, милые мои, не покидает меня ни на минутку, и одиночество, ведь я здесь совершенно одинок. Так — понятно. Всякие рассуждения по этому вопросу, хотя бы и умных людей, разбиваются как рыба об лед, — лишь наше духовное общение, наша вера успокаивают эту глубокую, но пока еще не смертельную рану, а день сегодняшний идет со всеми его событиями, примиряет все обиды, наносимые людьми людям — простим вся Его Воскресением. Да, только это так. Вот

это прошение и сознание полной невиновности перед обществом, Родиной и правительством дают надежду в успокоении, в ожидании все же хорошего справедливого конца нашего вожделенного свидания при домашней семейной обстановке — буди, Г[осподи], буди. Как хочется написать вам, все мои дорогие друзья, еще много-много теплых, хороших слов, но не знаешь, как их и изложить, — ну, словом, в настоящие св. минутки плачу, люблю, целую всех вас, понимаю вас, как, надеюсь, и вы меня понимаете, всеми фибрами своего существа. Вонми, Г[осподи], нашему взаимному молению и в этот час как жертву хваления приими наше краткое взаимное восклицание: Х[ристос] В[оскресе] и ответное: В[оистину] В[оскресе]. Целую всех: тебя, дорогая моя, милую нашу Танюшу и всех деток и малюток, О.В., Лелю, Наташу, милую матушку, Кузьмича, Н.А. и всех, всех, — Фросю <...> с праздником, милые мои!

На все твои вопросы я, кажется, в своих письмах дал ответы. Это мое 8-ое письмо. От тебя получил 9 и 5 посылок. В последнем письме получил 30 марок. Спасибо всем за поддержку. Бумага, конверты, карандаши и пр. имеются в достаточном количестве, скоро не присылай. Пришли старые белые туфли, темную рубаху — верхнюю и брюки из какого-нибудь легкого материала, но только не белые и не франтовские, в противном случае будет и больно и смешно. Какао пью с удовольствием — подходящее. Консервная хамса — трата денег — большею частью гнилая. Колбаса дошла благополучно. Все съедено с большою благодарностью. Все же надо в письме сообщать, что посылаешь. Главное сухарики, жиры. Знаю, милые, все знаю, да. Так как письмо могу послать только в мае, то это, апрельское, еще несколько дней полежит.

7 мая. Сегодня получил твое 10-е письмо от 15/IV, а 4 мая в посылке сегодняшней получил 4-е письмо от О.В. и Лели. Просьбу О.В. исполняю. В П[равославн

ой] Ц[еркви] существовали случаи такого обращения, и их по Б[лагословению] Г[оспода] н[ашего] И[исуса] Хр[иста] заочно прощаю и разрешаю. Аминь. Леля затрудняется, что писать. Дорогая Леля, понимаю все и чувствую все, — так что не смущайтесь. За присланное всех благодарю, и в том числе твоих новых добрых забор[ожских] друзей. От посылки коробочек и банок фабричных воздерживайтесь, они не достигают своих целей по негодности. Спасибо все же за все. Нужна и кепка. Сегодня же прошу начальство о разрешении послать тебе копии моих жалоб. Они будут посланы отдельным письмом. Целую всех крепко, крепко. Пиши, Ниночка, твои письма очень благотворно действуют на меня. Будьте все здоровы и благополучны.

Ваш Виктор.

Милые и дорогие мои Ниночка и все друзья!

Я по великой и незаслуженной милости Б[ожией] жив и здоров. Письмо твое, Нина, получил, а телеграмму и открытку не получал. Сегодня же получил и две посылки. Как письмо, так и посылки по новому адресу. Очень рад, что вам теперь известно мое местопребывание. За посылки очень и очень благодарен, но зачем же сразу две? Это пересол, убыточный и для вас, и для меня — хранить легко мало, а избыток не знаешь, куда и положить. Мало вы представляете условия моей жизни. В будущем придерживайтесь плановости. Местность, в которой живу, называется Тепняки, это б[ывшая] Саровская Пустынь. О себе писать ничего не могу, скажу только, что вы все далеки от малейшего представления и бытовых условий, и внешнего моего вида, в каком я нахожусь. Сейчас взял у врача однодневный отдых — шалит сердце, и вот имею возможность черкнуть вам несколько слов, в остальные дни ночью ухожу на работу, ночью и прихожу, времени и условий для писания нет.

От Миши получил письмо, передай ему мою благодарность за внимание, а еще больше за намерение

исправиться и жить по-человечески. Сахар-песок очень кстати, но его нужно высыпать в мешочке, сшитом хотя бы из кухонной грязной тряпки <...>. Получила ли ты копии моих жалоб, я их выслал еще в июне? Итак, за все спасибо тебе и моим друзьям, которых крепко целую. Все. Простите за житейский тон письма, сама же пиши подробно обо всем и всех, это меня, как ребенка, радует.

Мир между тобою и нашими дорогими детками, а также мирная согласная жизнь между тобою и моими друзьями — это великое счастье и радость для меня; за это целую всех вас и крепко благодарю. Милую Танюшу целую особо. Марок не высылайте.

Ваш Киранов. 8/X—40 г.

Денег не нужно.

1/XI—40 г.

Милые и дорогие Ниночка,
детки и все мои друзья!

Я жив и здоров, все это по великой Милости Б[ожией] и за усердие ваших молитв, по заступничеству нашего покровителя Св. Николая. Егда бых молод, то препоясавался и ходил аможе хотях, когда же состаришься, то пояшет тя ин и поведет, аможе не хочеши. Если перефразировать это на слово "писать", то для вас должно быть понятным, что могу я о себе писать? Да ничего, мы должны, находясь в таком положении, больше чувствовать, чем понимать. Все. Ты, Нина, и все мои друзья настолько были рассудительны и умны, что должны это без напоминания понимать. Все.

Письма твои, Ниночка, и открытки я получил, от друзей также, спасибо. Все три посылки получил. Великое неоценимое спасибо с глубоким поклоном несчастного зека шлю вам, недостойный этого внимания. Примечание дружеское: посылать нужно то, что можно носить и хранить в кармане, это сухари, колбаса, конфеты. Отломил, взял в карман и пошел на работу, и есть это непоказно. Вместо смальца нельзя ли присылать что-либо тестовое, пропитанное смальцем, вроде немецких иви или

ибиков, или любимых мною коржей? Ведь я стал дряхл и беззубый и как таковой люблю сейчас все тестовое и сладкое, жирное мало интересует, и его ем, чтобы не ослабеть окончательно. Избавьте меня от консервов, я их не ем, а отдаю. С удовольствием лишь съел конс[ервированное] молоко, потому что сладенькое. Во второй посылке вместо конс[ервированного] молока, как ты писала, оказалось какое-то мясо, и я его с разочар[ованием] отдал. В третьей вместо масла в бутылке оказался какой-то морс. Брынза приемлема по национальности. Рыба не годится за неудобством хранения. Меньше разнообразия. Яблоки хороши. Все то, что требует посуды, не присылайте. Ох, как мало вы понимаете мое положение. Не задумайте прислать еще духов и помады <...>. Словом, поймите и пожалейте меня в этом отношении.

Мне нужны: бурки с галошами не для прогулки, а для работы и тепла. Скомбинируйте сами. У Ан. Ник. были хорошие, вроде ватяных чулков. Сапоги оказались, как и б[ывший] их хозяин, дрянью. Целую всех вас. Танюшу милую особо. Танюша, разъясни, милая, взрослым мое положение и что удобнее есть в положении рабочего <...>.

О.В[иктор].

На полях: Денег и марок не нужно. С бурками поспешите.

16/II—41 г.

Дорогие мои Ниночка, детки и все друзья!

Я жив и здоров. Письмо получил сегодня. Вчера получил посылку с сыром, две предыдущих с яблоками и мандаринами также своевременно получил. Количество полученных посылок в этой местности — Потьмах я не помню, но только, согласно твоим письмам с описью вкладываемого, — посылку с рыбьим жиром <...> без тебя я не получал, правда, в одной посылке была бутылка с какой-то жидкостью вроде морса, быть может, это и рыбий жир был, но я его не ел. Спасибо великое за поддержку, но так часто высылать не следует: во-первых, вызывает зависть и

усиливает воровство, во-вторых, для вас это трудно, т.к. вижу по многим признакам, что вы с Таней живете по-нищенски и, уделяя по старой привычке другим, себя и Таню содержишь в нужде и почти полуголодовке, хотя я и просил и молил тебя все уделять Танюше и решительно ничего не тратить из ее заработка для меня; все, что можешь уделить от себя, и чем поделятся мои друзья, приемлю с радостью, благодарностью и любовью, остальное лишь причиняет мне боль и горечь. Сало, смалец и колбаса — такие дорогие продукты, а я ем их, особенно два первых, без особой нужды, и даже с трудом, т. к. вообще не ел их, и зачастую обмениваю на пшеничный хлеб; если это не дар друзей, не следует впредь присылать. Впредь высылать один, в редких случаях два раза в месяц посылочки. Сыр, масло, брынзу, сухарики и все мучное, всякие мучные остатки от довольства друзей приемлю с удовольствием и благодарностью. Сахар и вообще сладенькое люблю и ем с пользой для себя. <...> И да будет во всем воля твоя и моих друзей, я же все буду принимать с большой благодарностью вам, милые мои. Тебя, милая моя Нина, заранее поздравляю с твоими днями 28-го и 1-го и шлю наилучшие пожелания. Будь здорова, быть может, Господь сжалится над Своим плохим служителем и сподобит еще хоть немного пожить нам вместе в мире, радости и взаимной любви. Как бы хотелось еще пожить вместе и, подводя итоги прошлой жизни, запереться от всего мира в свою хатку и безвыходно просидеть в ней до конца своей жизни, слушая твои милые, всегда добрые и ласковые разговоры молча. Наслаждаться ими, попутно уплетая всегда опрятно и вкусно приготовленные и любимые мною кушанья. Это с одной стороны, а с другой, провести нам вместе остатки жизни в благочестии и молитвенном настроении, благодаря Б[ога] и Его великие милости и награды во всю прошлую жизнь и, наслаждаясь здоровьем и любовью своих милых, всегда нами любимых деток и внуков, быть их молитвенниками пред образом нашего покровителя

Св. Николая. Вот мои пожелания тебе, моя дорогая именинница — да будет во всем воля Б[о]жия; пробави, Г[осподи], милости Свои и впредь над недостойными, но любящими тебя супругами.

Моим друзьям шлю свой привет и поздравление с вступлением в великие дни предстоящей Троицы. В воскресенье, 10 марта, помолимся вместе здоровою духовною молитвою, и я заочно разрешу вас от всех болезней, накопленных за период времени отсутствия врачебницы, а вы помолитесь за узника, всегда духовно пребывающего с вами. Мир и любовь да пребудут между вами до конца нашей жизни. Будьте честными тружениками на ниве своей службы и полезными членами своего Отечества, не за страх, а за совесть работая на пользу Родины, и послушными, исполнительными гражданами.

Всех вас целую и благодарю за поддержку и впредь прошу ее, не обращая внимания на мое ворчание. 3-го вспоминаю Наташу. Подарок Н.А. съел с удовольствием дикаря. Теплое — приобретенное береги до будущей зимы, а к лету заготовь паршивенький пиджачишко и цветную верхнюю рубашку, побольше карманов и внутренних, и внешних. Танюшу целую особо. Также <...> серд[ечный] привет и уверенность в расположении — Кузьмичу, М.С. и всем, всем.

Ваш о. Виктор

На полях: Передний главный зуб выпал, так что ко всем звучащим старческим немощам прибавился еще свистящий. Очки есть, но зрение, слух и осязание страшно притуплены. Память изменила, что благоприятствует для всяких потерь и вольных, и невольных. На мне тужурка, пиджачок (Наташина кофточка), ватные черные брюки, шапка, бурки с галошами и казенное белье — все прочее исчезло. Работаю по вязанию сетей. Фуражка пока есть, полотенце прислано очень хорошее и подходящее. Пока ничего не нужно.

Милые мои Ниночка, детки и все друзья!

Милостию Божией жив и здоров. Письмо твое от 16/II получил и письмо дорогих О.В. и Лели. Сегодня получил посылку с телогрейкой — очень хороша и очень подходящая по бытовым условиям. Все посылки 41-го года получил и очень вам всем благодарен, но, милые мои, надо же знать меру, в противном случае получается демьянова уха, я же в пище, как тебе известно, был умерен и обжорством не проявлял себя, для чего же мне такая уйма сала, такого дорогого продукта, которого я не любил и сейчас ем неохотно, также и смальца, все это у меня крадут или обмениваю на пшеничный хлеб <...>. Что вы, друзья, делаете, не успеешь получить одну посылку, как зачитывают мне о получении другой, под общий гул "ого". Если принять во внимание, что на всем нужно сидеть верхом, чтобы сохранить, что все <...> нужно брать с собой на производство, то вообразите, как это для меня тяжело и какие слова исходят из уст моих по вашему адресу вместо заслуженной благодарности. Все — понятно. О свидании не хлопочу, потому что оно невозможно и не нужно. Сохраните все представление о мне по прежнему моему образу и сохраните его в своей памяти, а теперешний свой вид я унесу в могилу, о котором вы не будете иметь представления, — и хорошо. Свидание — это лишние слезы и ужас, да и ненужная затрата необходимых для вас средств. Если Господь не сподобит повидаться, да будет воля Его, а сподобит — поговорим и поплачем слезами радости. Ак[тированных] инвалидов за зону лагеря не выводят и работают посильно лишь в зоне лагеря. Я ходил на работы за 3–7 километров. Что касается досрочного освобождения для таковых, то это фантазия, покоящаяся на огнепальном желании свободы и только. На первую свою жалобу от марта 40-го года получил ответ, что оснований для пересмотра дела нет, а потому без последствий. Ответ получен от Всесоюзной прокуратуры. Ну, что Бог даст, чувство полной невиновности пред властью и государством

позволят примириться со всеми страданиями. Посылку с шарфом твоим и рукавицы получил, но и то, и другое уже улыбнулось <...>.

Целую всех вас и бесконечно благодарю за все заботы обо мне. Работаю пока там же. Танюшу милую целую. Всех деток целую со внуками и внучками. Пятница на Масленой — всех вспоминаю. Тебя, дорогая, особо целую и благодарю. <...> и всех, всех целую.

Ваш о.В[иктор].

16/III—41 г.

Дорогие мои Ниночка, детки и все друзья!

Милостию Б[ожией] я жив и здоров. Письмо твое от 3/III получил вчера. Посылку № 7 получил пятью днями раньше. Все посылки с указанными тобою признаками: шарф <...>, яблоки и пр. — получены. За все очень и очень всем благодарен. Колбасу твоего изготовления съел с удовольствием и узнал мастера еще до извещения. Лелин торт съеден также не только с удовольствием, но и с благоговением, и, тем более, что ел его в день твоего рождения и твоих именин, день 7-го января, конечно, помнил и провел его мысленно с вами, но известить не смог, прошу извинения. Последнее письмо О.В. и Лели получил, "беспримерность" оставляю за ними без всякого лицепрятия. Весною и здесь уже пахнет, но аршинный снег еще стоит. Шпачков еще нет, но ничто и никто меня сейчас не интересуется, за все три года ни одной улыбки на лице моем не было и не может быть, пока не увижу вас, мои дорогие. Живу лишь только воспоминаниями о вас. Как на реках вавилонских, все, кроме вас, чуждо и ненужно, живу иллюзиями, а действительность не радует. Чувствуется старость. Память ужасно притупилась, также и слух и свет очию моею и той несть со мною, — словом, полная развалина. Надежда на свидание дома лишь поддерживает едва теплящуюся духовную жизнь. Помогите, Г[осподи], дожить до вожеленного свидания со всеми вами, мои дорогие и бесценные близкие и друзья. Целую всех моих милых деток и внучат. Танюшу особенно. Всем привет

и поцелуй. День 23/III проведете, как пожелаете, и я целодневно буду мысленно с вами.

Преданный вам о. В[иктор].

Извещение о Мише меня радует.

1/IV—41 г.

Милые мои Ниночка, детки и все мои друзья!

По милости Б[ожией] я жив и здоров. Нахожусь там же, в одиннадцатом темлагере, и работаю то же — плету сети. Письмо твое от 6/III с припискою Миши и письмо от 18/III получены своевременно. Но одновременно с последним письмом получено и письмо О.В. и Лели. Благодарю всех за поздравление и пожелания. Посылку с 17 булочками получил 5 днями раньше писем. За все всех сердечно благодарю. Булочки и все хлебное уже съел, а теперь принимаюсь за масло и сало. Булочки особенно хороши. Прости, милая, что в письмах бываю резок — это от настроения. Пшеничного хлеба, конечно, прислать нельзя, да и не нужно, так как неудобно и громоздко, присылай то, что есть, не обращая внимания на мою старческую воркотню, — таков был, таким и остался. Не нужно только смальца, т.к. желудок решительно отказывается принимать его. Не нужно и слишком часто. Но, в конечном счете, по тому вопросу да будет воля не моя, а ваша, милые жена и друзья, лишь бы не было в ущерб вам. Я же за все только благодарю вас, ценю и целую всякий кусочек, вложенный святыми руками с чистым сердцем и любовью.

Жизнь моя протекает так однообразно, скучно и безобразно, что писать о себе решительно нечего. Благодаря вашей поддержке сыт, одет не хуже и не лучше других, а впрочем, живу надеждой на милость Б[ожию] и свидание со всеми вами, милые мои жена, детки и друзья. Во сне часто вижу всех вас, но чаще всего покойников и особенно о. М.К.[Богословского]. К Чичикову зайти обязательно, он хороший человек и собеседник. М.Ник. поблагодари за невещественную, но действительную заботу обо мне. М.Г. привет и благодарность за память. Зима здесь еще продолжается, аршинный снег еще стоит и небольшие морозы с

противным ветром. Всех друзей без перечисления целую. Пишите чаще — это моя единственная радость и утешение. Завтра поклоны. Г[осподи], прежде даже до конца не погибну, спаси нас.

Пятница на Масленой. Берегите свое здоровье.

Ваш о. В[иктор].

Протоиерей Виктор Киранов скончался в лагере 30 марта 1942 года.

Мирной кончины сподобился иерей Александр Ильенков. Он был направлен в Соликамский Усомлаг, где смиренно, с подлинным христианским мужеством переносил все скорби и лишения. Иерей Александр Ильенков умер 14 марта 1942 года. В это время его дочь была в немецком лагере. Ничего не зная о судьбе отца, она с 13 на 14 марта увидела сон: как будто на небе распускается красивый бутон и из него появляется лик Спасителя, а рядом — ее отец, коленопреклоненно молящийся иерей Александр, с длинными распущенными волосами, в голубом облачении с розово-красным переливом. И только много лет спустя, по возвращении в Россию, она узнала дату смерти отца, совпавшую с лагерным видением. Все прочие священники, арестованные вместе с протоиереем Виктором Кирановым, из лагеря также не вернулись.

Народное сопротивление

Одержимые ненавистью ко всему святому, пришедшие к власти безбожники спешили закрыть и разрушить православные храмы — центр духовной жизни народа, а людей, осмелившихся сопротивляться, распылить в трудовых лагерях, разбросанных на бескрайних просторах Севера.

Но, униженный властью, народ не спешил разделить атеистические убеждения самозванной "элиты". Напротив, изо всех сил сопротивлялся, отстаивая веру отцов и церковное благочестие, за долгое тысячелетие вошедшее в кровь и плоть многих поколений.

Так было и в Токмаке, расположенном неподалеку от Бердянска, когда местная власть в 1929 году решила закрыть Успенский собор и к празднику Октября переоборудовать его в клуб и, видимо, в день самого праздника провести в нем соответствующие мероприятия.

Смиренные люди с кротостью терпели личные обиды, разорение хозяйства и бесправие, но когда увидели, что у них хотят отнять святыню и от их же имени совершить кощунство над верой отцов, — восстали.

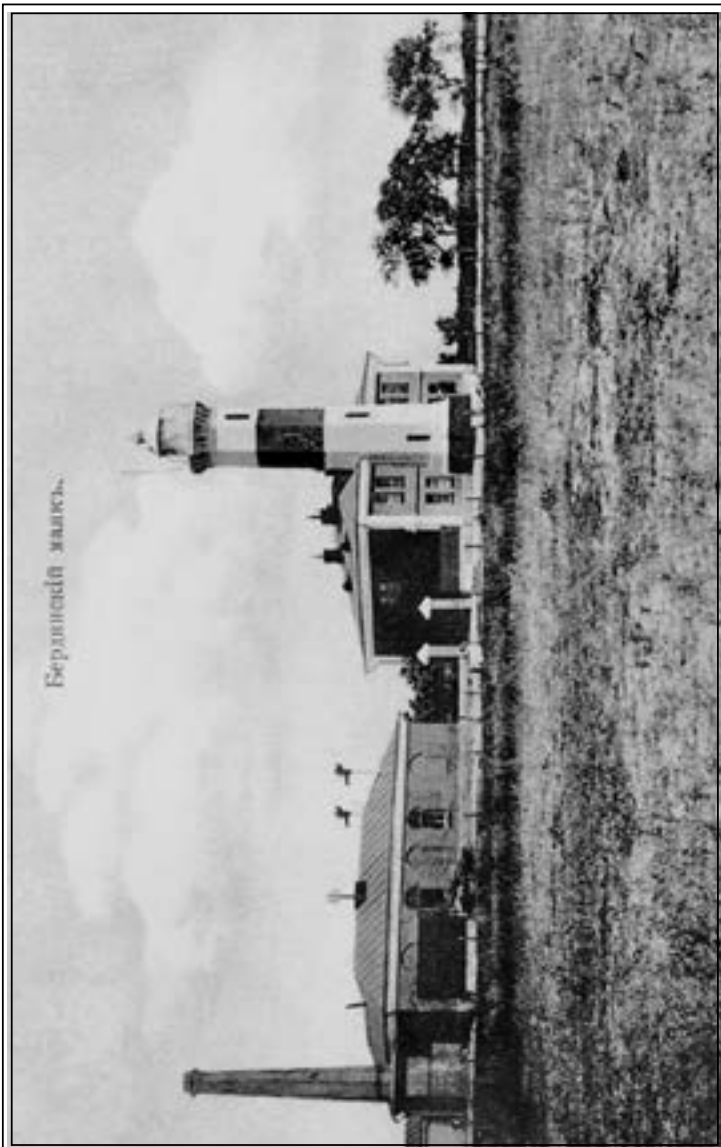
В знак протеста, не желая допустить комсомольских активистов, 5 ноября не менее тысячи человек собрались около храма. Инициаторами и организаторами выступления были сорокалетний крестьянин Григорий Васильевич Лебедь, Ефим Корнеевич Антипенко, 67 лет, и Марк Алексеевич Буркота, 50 лет от роду. Их ближайшими помощниками были Анна Никифоровна Уманская, Александр Семенович Марченко и Иван Антонович Рябко. Собравшиеся окружили Успенский собор и никого из партийцев внутрь не пропустили. Простояв целый день, они и на ночь оставили сторожей. Круглосуточно, с 5 по 7 ноября, сменяя друг друга для отдыха, добровольцы охраняли собор, и это взволновало партийные органы, в задачу которых входило пресечение любых народных волеизъявлений, не получивших их одобрения.

А когда во время добровольно-принудительной демонстрации 7 ноября агитработники, выступавшие со своими малопопулярными речами, коснулись вопросов веры и "необходимости" из православного храма сделать клуб, верующие стали протестестовать. Их возражения, произнесенные во всеуслышание, были поддержаны подавляющим большинством.

Церковные активисты, перекрикивая партийных ораторов, дерзновенно исповедовали свою веру и к этому же призывали всех, кто страха ради перестал открыто молиться в храме.

В простых и убедительных словах они умоляли всех собравшихся не допустить кощунства, не дать помраченным людям разграбить Успенский собор и устроить в нем партийные камлания, которые тяжким

Бердінский маяк.

Бордискъ. Портъ.

Бердянскъ

Над. кинж. мачта. Еврубисскаго

Портъ

грехом лягут не только на них, но и на их детей.

Верующие пытались докричаться до власть имущих; говорили, что мы тоже люди и по советскому законодательству можем оставаться христианами и соответственно иметь храм и священника.

Наиболее активные вступали в спор и пререкания с партийными ораторами и с крестьянской прямоотой высказывали много обидных слов. Припоминали, как именно и ради чего новообразованные коммунисты делали свою партийную карьеру... И что более православные Токмака не собираются терпеть их издевательства и унижения и сами без их разрешения оставят за собой Успенский храм.

Власть расценила выступление верующих как государственное преступление и все вышеперечисленные активисты были арестованы.

5 декабря 1929 года работник ГПУ Тульчиничский рассмотрел дело верующих активистов и нашел, что они "подстрекали толпу к антисоветским выступлениям, выразившимся в нападках на Советскую власть и компартию, а также дискредитировали ее во время демонстрации и митингов на площади, заглушая своими выкриками выступавших ораторов, то есть в совершении преступления, предусмотренного ст. 54-10 ч. 2 УК УССР".

После продолжительных допросов Г.В.Лебедь, Е.К. Антипенко, М.К.Игнатенко, М.Н.Олейник, А.С.Марченко, М.Т.Губенко, А.Н.Уманская и И.А.Рябко были высланы на Север. Дальнейшая их судьбы неизвестна.

Крестьянин Дмитрий Клевцов

В своих страданиях священники не были одиноки. Их трагическую участь в неменьшей степени разделили лучшие из мирян, о которых, к сожалению, по разным причинам известно неизмеримо меньше. Одним из таких невидимых миру подвижников был простой русский крестьянин.

Дмитрий Георгиевич Клевцов родился недалеко

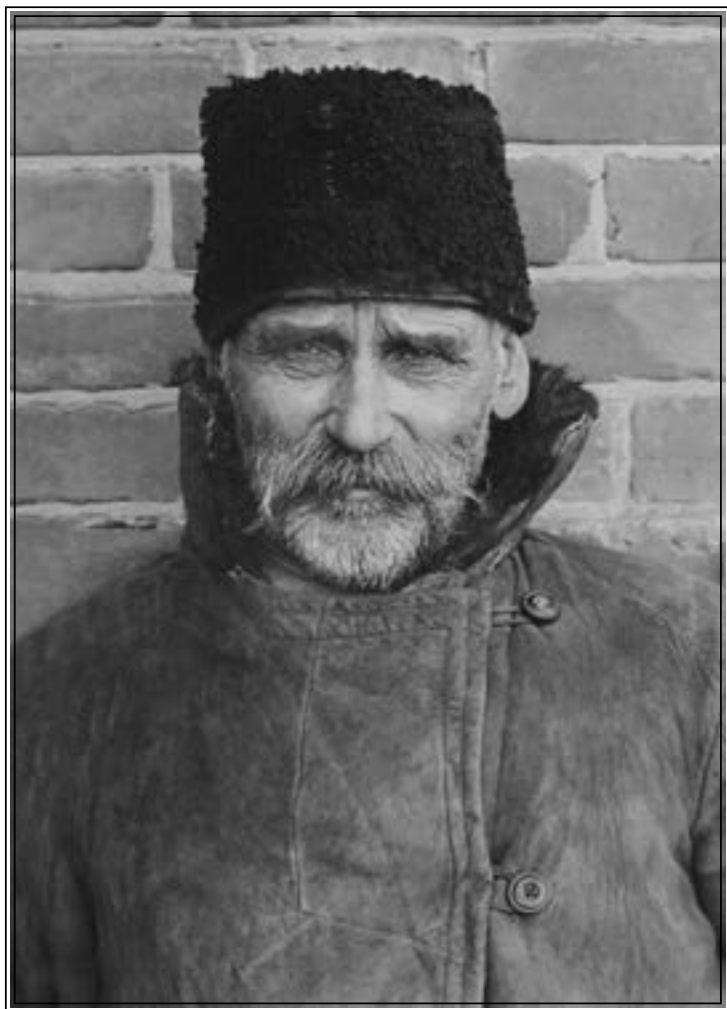
от Бердянска в селе Нововасильевке. Уклад жизни был стройным и упорядоченным, без фальши, по евангельским заповедям творился "чин естества". Крестьяне отличались набожностью, а Дмитрий Георгиевич особенно.

Вся его натура жила и дышала верой. Женился он рано на односельчанке Ирине. Пошли дети. Роды были трудными, и жена возроптала. В очередной раз ожидая ребенка, потребовала отвезти ее в город в больницу, чтобы прекратить беременность. Дмитрий стал уговаривать Ирину "не делать греха", умолять, чтобы она одумалась. Ведь для православного христианина это — не что иное, как убийство, даже хуже — детоубийство. Но Ирина не унималась до тех пор, пока не увидела сон, отрезвивший смущенную бесами душу. Из прозрачной дымки перед самым рассветом явился величавый старец и показал ей дорогу: справа тихо спали младенцы, а слева она увидела детей, которые были подвешены за ноги и дико кричали. Старец сказал, что за этих Церковь молится, а за тех, кто слева, никто не молится, оттого и кричат так страшно. Ирина рассказала мужу об увиденном, и с тех пор разговоры о поездке в город прекратились. Детей было 14. Выжили 9 мальчиков и 3 девочки.

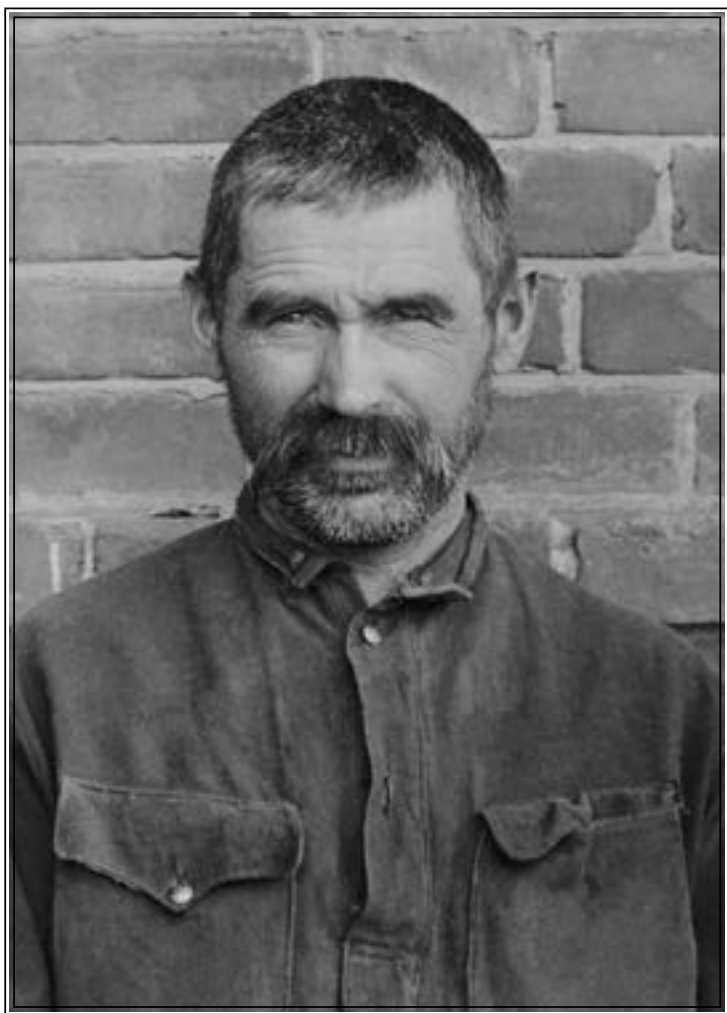
После благополучного возвращения с Первой мировой войны Дмитрий Клевцов занялся хозяйством. При его любви к земле и умении трудиться, казалось бы, ничто не должно было поколебать жизнь и счастье семьи, ничто в патриархальном быту, унаследованном от предков, не предвещало тех катаклизмов и ужасов, которыми впоследствии наполнилась жизнь этого человека. Мрачный дурман революции густым безумием дошел и до его родной Нововасильевки. Большевики искусно вбивали колья между классами и просто людьми. В селе начался разброд. Клевцов оказался "реакционером, социально чуждым элементом". Трудолюбие и хозяйственная удачливость Дмитрия Георгиевича не остались без завистников, которые незаметно для себя превратились в его политических противников. Их бытовые страсти,

Григорий Васильевич Лебедь. Фото 1929 г.

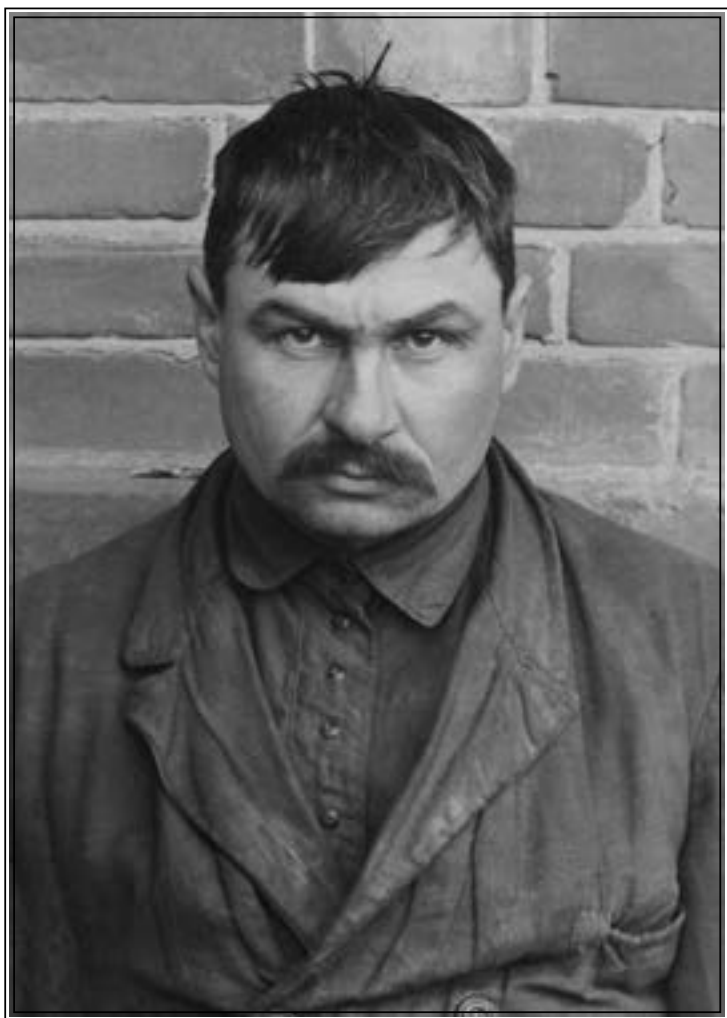
Ефим Корнеевич Антипенко. Фото 1929 г.

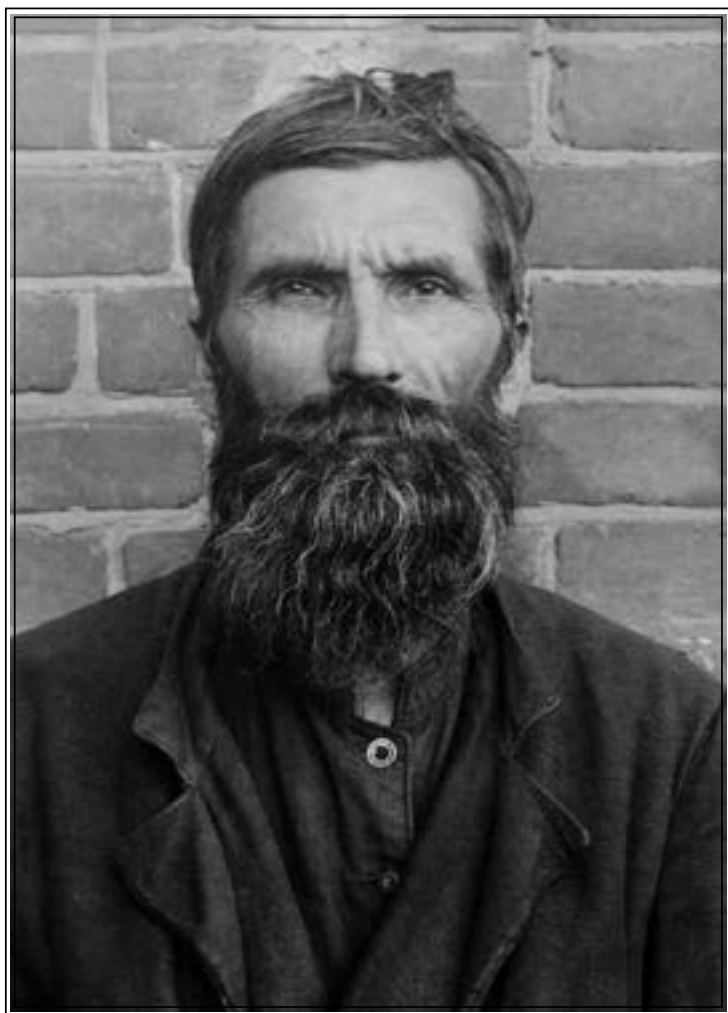
Марк Алексеевич Буркота. Фото 1929г.

Анна Никифоровна Уманская. Фото 1929г.

Александр Семенович Марченко. Фото 1929г.

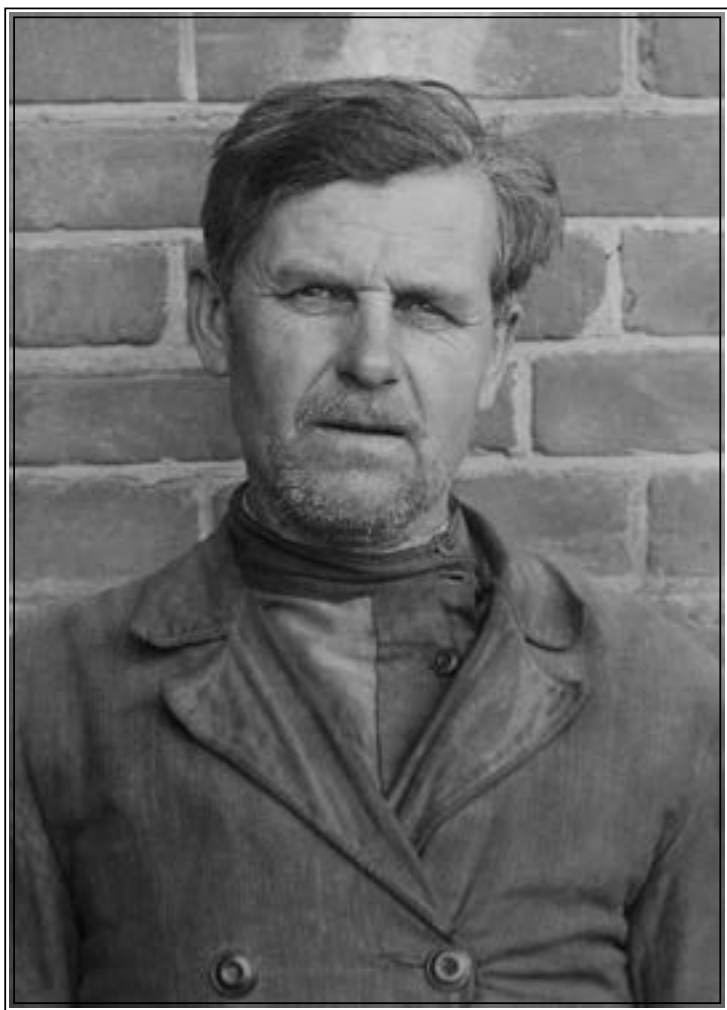
Иван Антонович Рябко. Фото 1929 г.

Михаил Карпович Игнатенко. Фото 1929г.

Мария Нестеровна Олейник. Фото 1929 г.

Максим Тарасович Губенко. Фото 1929 г.

ненависть и злоба получили идеологическое оправдание и государственную поддержку.

Колхозная власть отобрала землю и скот, не дав работы. Поставили условие — пойдешь в колхоз, откажешься от веры — дадим работу. А так сам пропадешь и детей упрямством своим погубишь. Давление было также со стороны жены и родственников. Им хотелось найти компромисс, как-нибудь договориться со своей совестью и с начальством. Но для большинства крестьян, не утративших веры, поступление в колхоз воспринималось как несомненный грех, дело, противное Богу и совести и разрушающее патриархальное жизнеустройство, освященное вековыми традициями.

И вот перед великой скорбью и поношением Господь посетил Дмитрия Георгиевича чудесным видением. Дело было в середине двадцатых годов. Церковь уже разгромили. Священник вместе с семьей был куда-то выслан. Дмитрий Клевцов с женой молился дома. В один из таких вечеров, стоя с мужем на коленях перед иконами, Ирина увидела как наяву, что в их двор заезжает тачанка. Бравые ребята в кожаных куртках снимают двери с петель и входят в дом. В коридоре переворачивают ведро с водой, что-то разбрасывают и начинают выносить детей и пожитки. Ирина, онемев от ужаса, не имея сил встать с колен, начала щипать и бить мужа в бок, с жаром упрекать и бранить, мол, прекрати молиться и сделай хоть что-нибудь. Дмитрий не обращал внимания и, только закончив молитву, сказал: "Пойди, маловерная, посмотри...". Дети тихо спали, ведро с водой и все вещи стояли на своих местах. Дверь была закрыта, и никаких следов переполоха, который она отчетливо только что видела. О силе и натуральности видения красноречиво свидетельствовал покрытый синяками, исцарапанный до крови бок Дмитрия. После этого случая Ирина, по слову мужа, так и называла себя до конца жизни — "маловерная".

Между тем, наступил 1929 год — год великого перелома. Ломался народный хребет. Этот год

стал решающим в жизни Дмитрия Клевцова. Его арестовали и судили свои же односельчане, бывшие пьяницы и болтуны, но за время большевистского беспредела преуспевшие на пути партийно-колхозного строительства. На суде спросили, знает ли он, за что его судят? Клевцов ответил, что, мол, кому-то не понравился. Не утруждая себя юридическими изысками, судья сказал откровенно: за веру и прежнюю зажиточность. "Откажись от веры, поступи в колхоз, — уговаривали его, — и мы судить тебя не будем. Дадим работу, даже сделаем начальником небольшой коммуны (овощной гряды), будешь руководить". Но Дмитрий остался непоколебимым: "За веру судите? Я всегда готов к суду, и на антихриста работать не стану, а вы — антихристы, и дела ваши таковые".

Прений больше не было. Осудили на десять лет.

Колхозные власти вместе с оперуполномоченным НКВД потребовали от Ирины Клевцовой подписать бумагу, в которой она должна была отказаться от дома и единственной коровы. Ирина пыталась протестовать. Пообещали прийти и выселить, — не место жене врага народа в добротной хате, — и не замедлили исполнить обещанное. Ирина легла на кровать и положила с собой трехмесячных близнецов. Все дети, не умеющие еще до конца понять, что происходит, окружили мать. Она отчаянно надеялась на чудо, думая, что служители зла смягчатся сердцем и не тронут ее ради детей. Но зря. Новая мораль, новая этика, подсвеченная тусклой лампочкой Ильича, окончательно исковеркала их сознание. Все божеское и человеческое стало чуждо. Ничтоже сумняшеся, "руководствуясь интересами рабочего класса", реализаторы "единственно передового учения" под истошные крики грудных младенцев взяли Ирину за руки и ноги и вынесли вместе с детьми на улицу. Заканчивался ноябрь, унося в своей хмурости призрачные надежды найти хоть какой-нибудь выход. Отчаянию не было конца. В тот же день под веселые звуки гармонии подвыпившие комсомольские активисты заняли опустевший дом Клевцовых.

Односельчане опасались принять семью изгоя, привлечь к себе добротой и жалостью сатанинское око беснующихся властей. Только нищая слепая старуха, жившая на краю села, приняла многодетную мать. Хата была настолько ветхой, что при первых морозах на стенах появился иней.

Прошло несколько недель. Не имея надежды прокормить детей, Ирина отправилась в город искать правду. Остановилась у старого отцовского друга. Кто-то отвез ее к юристу и упросил его написать жалобу. Ирина заплатила 3 рубля — последнее, что у нее оставалось. Добросердечный друг не поленился отвезти ее в Харьков, в то время столицу Украины, к самому Г.И.Петровскому. Преодолев все сложности и невзгоды дальней дороги, Ирина, совершенно измученная, с грудными близнецами на руках, добралась до кабинета первого секретаря ЦК Украины. В очереди стоять не пришлось. Вид страдальцы вызвал у всех сочувствие. Петровский принял "радушно". Показная любовь к трудовому крестьянству была, видимо, профессиональным навыком. Прочитав жалобу, Петровский взялся за голову.

— В чем ваша просьба?

— Вернуть хату и корову, — прошептала Ирина.

Прямо на жалобе Петровский написал, чтобы разобрались на месте, восстановили социалистическую законность, и расписался. Спросил, есть ли деньги на обратную дорогу. Она отрицательно покачала головой. Первый секретарь дал денег на обратный путь и уже без деланного радушия, вполне по-человечески, серьезно добавил: "Срочно возвращайтесь к детям".

Приехав домой, Ирина сразу же отнесла драгоценную бумагу в сельсовет. Прочитав со вниманием, председатель колхоза положил ее в ящик стола и ничего не ответил. И только к весне Ирине дали одну комнату в брошенном доме, хозяева которого уехали на заработки в город. А вместо коровы — слабую лошадь, которая вскоре околела. Остаться в родном селе было невозможно. Коллективизация окончательно

подорвала деревню. Искусственный голод должен был уничтожить возможность любого сопротивления. Недовольные, не желающие жить и думать в унисон с "Великим Кормчим", должны были исчезнуть вместе с "родимыми пятнами капитализма". Крестьяне, бросая веками насиженные места, заколачивали избы, шатаясь от голода, брели в города, на заводы и стройки, в последней надежде выжить. Пошла и Ирина в город с детьми. Устроиться было трудно. Никто не хотел брать измученную безденежную многодетную мать. Двоих сыновей, Лёню и Александра, мать оставила возле магазина просить милостыню. Их увели. Кто и куда — узнать так и не удалось. Местами уже появлялся каннибализм; были зафиксированы случаи, когда из людей делали мыло. Ирина не могла простить себе, что оставила детей, и всю жизнь оплакивала их. Дмитрий, названный в честь отца, попал в детский дом. Мать разрешила ему назваться сиротой в надежде, что на казенных харчах хоть он выживет. В детском доме ему не сразу поверили. Избивали, требовали назвать фамилию. Но Дмитрий выстоял и получил новую фамилию Антонов. Жизнь в детдоме была полутюремной. Однажды он убежал от своих "благодетелей", стал бродяжничать. Как-то соблазнился предложением незнакомой четы отправиться к ним домой пообедать. Дмитрий колебался, но голод взял верх. Вместо угощения ему предложили раздеться. Еще не понимая, что происходит, он заволновался, предчувствуя что-то дурное. Супруги деловито обсуждали свою проблему. "Худой, мало мяса", — расслышал Дмитрий и понял, на какой обед он попал. С трудом ему удалось убежать, но в детдом он так и не вернулся. Во время войны Дмитрий пропал без вести.

Остальным детям было не легче, разве что оставались при матери. Голод, вши, а главное — душераздирающий страх, мутивший ум, неотступно преследовали их.

Тем временем Дмитрий Георгиевич Клевцов пребывал на Соловках. Ему было около 45 лет. Соловки встретили его изощренной злобой и

унижениями. Несмотря ни на что, силу и бодрость духа он не утратил, принимая все со смирением и кротостью. Привыкший с детства к труду, Клевцов и там умело справлялся с работой. Но по воскресеньям и церковным праздникам трудиться отказывался, делая норму за эти дни в будни. Поначалу на это не обращали внимания, но через некоторое время сатанинская злоба, ненавидящая все, что делается во славу Божию и ради евангельских заповедей, дала о себе знать, подсказав, что делать с непокорившимся лагерному распорядку. От Дмитрия потребовали работы по воскресеньям. Он наотрез отказался, тогда начались избиения и издевательства. Он терпел все без уныния, без героического чувства, без мысли, что делает что-то значительное или достойное похвалы, воспринимая все происходящее просто: "Я православный христианин и, пока жив, другим быть не хочу и не умею". За перевоспитание Клевцова взялись профессионалы, не отягощенные "буржуазными предрассудками" и излишней щепетильностью. После энергичных "увещаний", не возымевших желаемого результата, Клевцова посадили в холодную цементную камеру с постоянной температурой воздуха ниже нуля. Тело его вскоре покрылось жуткими ранами. И тогда ему снова предложили отречься от Бога, работать по воскресеньям. Ответ был однозначным: "Если хотите пытаться, я готов, а от веры не откажусь". Непреклонность исповедника утомила палачей, и они от него отстали. К тому же, судя по его состоянию, он должен был умереть со дня на день. Но Господь даровал Клевцову еще месяц жизни, и незадолго до начала Великой Отечественной войны он мирно почил.

Ирина ездила к Дмитрию дважды. Первый раз им удалось встретиться и поговорить. Всей правды о тех ужасах, которые ему пришлось увидеть и перенести, детям она не рассказала. После войны Ирине довелось встретиться с односельчанином, который оказался очевидцем смерти мужа. По его словам, кончина Дмитрия Георгиевича была как у подлинного праведника — тихой и мирной.

Пожалуй, это и всё, что известно на сегодняшний день о святых и праведных Бердянска. Но и этого может оказаться достаточно, чтобы посмотреть на город и его историю другими глазами.

Ни география, ни экономика, ни культура не определяют в конечном итоге глубинную жизнь города или народа, его самодостаточность. И только наличие праведных, святых, осоленных Духом, всем своим существом полюбивших Вечность, реальная значимость которых в глазах Творца позволила Аврааму дерзновенно ходатайствовать перед Богом о спасении городов, дает нам не только новое представление о земном, но и низводит милость и дарует оправдание. Физиономия города от их присутствия становится благообразной, и сам город, как живое существо, в своем единстве звуков, красок, форм, игры света и тени, погруженный в осмысленное и освященное пространство, приобретает новое измерение, становится особым существом со своею таинственной неповторимой жизнью, трепещущей в его плоти, сияющей в его душе.

Город обретает свой образ и лик, тайна которого соотносится уже не только с историческими эпохами, оставившими на его теле свои следы, но и с кровью и подвигом святых, ставших фундаментом и каркасом истории, вне зависимости от желания и способности современников понять и вместить в свое сознание отблеск лазурного неба.

Память

Священномученика Михаила Богословского
15/28 марта

Священномученика Виктора Киранова
17/30 марта

Священномученика Александра Ильенкова
1/14 марта

ТРОПАРЬ, глас 4

Ликуй ныне, граде Бердянск,
новоумченицы во твои досточуднии
Михаил, Виктор и Александр, взявше
крест Христов, последовали сущи Ему и
прияли славу небесную. Сего ради тем
дерзновенно возопием: молитв Царя
Славы избавитися нам от находящихся на
ны зол и спастися душам нашим.

КОНДАК, глас 3

От властей беззаконных гонения
и муки смиренно претерпев, венцы
нетленные от Царя Славы стяжали есте.
Святни священномученицы бердянстни,
молите о молебная к вам приносящих и
любовно песньми вас ублажающих.

МОЛИТВА

О святини новомученицы Христовы, града Бердянска похвало и утверждение, всеблаженнии Михаиле, Викторе и Александре, теплыя наша заступницы и благия помощники, воззрите милостивно на ны грешныя, чуждыя пресветаю памяти вашей. Испросите у Христа Бога мир Церкви Его, Отечеству нашему благословенне, людям православым благочестие и в вере утверждение. Оградите нас молитвами вашими от всякаго злаго обстояния, от глада, губительства, нашествия иноплемеников, междоусобных браней и от напрасныя смерти. Да сподобимся ходатайством вашим получить оставление грехов и, благочестно на земли проживше, достигнути Царствия Небеснаго, идеже вы непрестанно славите Всевытную Троицу Отца и Сына и Святаго Духа ныне и присно и во веки веков. Аминь.

Слѣжа стѣмъ новомѣнцѣмъ
 Запорѣжскѣмъ епархіи
 Священномѣченникамъ
 Сергію (Зверевѣ), архієпископѣ
 Елецкомѣ,
 Мѣхалѣ Богословскомѣ, Викторѣ
 Кирановѣ,
 Дмитрію Игнатенко, Алексію
 Усенко,
 Матфею Александровѣ, Александрѣ
 Нльєнковѣ,
 Мѣхалѣ Сафоновѣ и мѣченницѣ
 Софїи Сафоновой

На велицѣй вечерни: Блѣженъ мѣжъ:
 а-и антїфѣмъ.

На Гдѣ, воззвѣхъ, стѣхѣры на ѣ,
 гласъ ѣ:

Прїидѣте, вѣрніи, / вѣдѣ со агглы
 нынѣ торжествѣмъ / въ пѣмѣти
 мѣнцѣмъ новѣхъ, / ѣ блѣгогласнымъ
 азѣкомъ ѣснѣмъ возопїѣмъ:
 радѣйтеся, землѣ Запорѣжскѣмъ
 оудобрѣнїе / ѣ црѣкѣ рѣжскѣмъ славо ѣ
 похвало, / молѣте хрѣта ѣ поѣщѣхъ
 вѣсѣ.

Прїидѣте, сѣѣнницы, / добрыхъ

пастырей стада хрѣтова почтѣмъ, / тѣмъ
 бо души своѣ за овцы положиша, /
 и кровію своєю въ чертогъ нѣбныхъ
 внидоша, / и нынѣ молятся гдѣви
 ѡ еже спастѣ насъ.

Прїидите, во искꙋшенїихъ
 и знемогшїхъ, / исповѣдникъ
 доброповѣднихъ лѣтъ воспоимъ,
 подвиговъ своѣхъ терпѣнїи до конца
 совершившихъ / и образъ мужества
 и оꙋпованїа свѣта ꙗвившихъ,
 и дерзновенїе къ бгꙋ имѣвшихъ /
 молитѣся ѡ спасенїи душъ нашихъ.

Прїидите, правды взыскꙋщїи, / ко
 свидѣтелямъ неложнымъ истинны
 бжїа, / иже лѣсти безбожныхъ не
 покорниша, / и кровію своєю проповѣдь
 єꙋльскꙋю запечатлѣша, / блженства
 вѣчнаго нынѣ сподобившася, / и
 молятся прилежно ѡ насъ, / да
 вѣрою хрѣтовою вси ѡправдимся.

Нны стїхїры, гласъ тойже:

Стїтелю сергіе бгомудре, / и змлада
 премꙋдрости свѣше навѣкъ, /
 премꙋдрость и слава міра сего ни во
 чтоже вѣнчалъ єси, / и нго хрѣтово
 на рамо вземъ, / ѡ цркви ѡгналъ
 єси пагубныя волки, / къ голгоѣ

же твоѣй смиреннѡ возшелъ еси,
да слава воскресѣ оудчинши / ѿ бѣга,
подающаго тебѣ вѣнецъ нетлѣнный.

Сѣй мѣче мѣхалѣ, / ѿ
иноути подчасѣмъ въ законѣ
гдѣни, / смиренномудрїе воинни
стѣжалъ еси, / всѣ вѣрныя къ
добродѣтельному житїю приводѣ,
невѣрныя же крѣпостїю нрава
твоегѡ ѡбличаѣ, / изгнанїе и мѣки
хрїста ради прїимъ еси, / и нынѣ со
сѣйми водводѣши, / поа во вѣки
тѣмъ единаго щю.

Сѣй мѣче вѣкторѣ, / ты ѡбразъ
вѣрнымъ воинни былъ еси /
словомъ и житїемъ, любовїю, дѣломъ,
вѣрою и чистотою, / расточенныя
собираѣ, ѡпадшїа наставляѣ,
ревнѣ по бѣгочестїи небоазненнѡ,
сегѡ ради заточенїа, бїенїа и
изгнанїа / претерпѣлъ еси, / хрїста
подвигоположника прославляѣ,
даровавшаго тебѣ во страданїихъ
крѣпость.

Сѣй мѣче александѣ, / на сдѣженїе
цркви гонимѣй изшелъ, / многѣ
скѡрби и поношенїа и тѣды
подѣлъ еси, / адаманта крѣпчайшїй

пребывз, / и нынѣ ꙗко мѣнкз имѣа
дерзновѣніе ко хрѣтѣ, / молн ѿ вѣроу
почнтающихъ тѣ.

Слава, гласъ 5:

Страдавшѣи тебе радн, хрѣтѣ, /
сщеницы вкѣпѣ сз мѣрѣны вѣрными, /
многѣа мѣкн претерпѣша: / рѣганіемз
и рѣнами искѣшеніе пріемше, / ѿ
ближнихъ и чадъ разлѣчен, / во оузахъ
гонимн быша, / въ работѣ тяжѣ, во
изгнаніихъ и темницѣхъ безвѣстнѣ
оумроша, / инѣи же оумѣченн и оубѣенн
быша, / и совершѣнныа вѣнцы
пріѣша на нѣсѣхъ, / да молѣтсѣ ѿ
дѣшѣхъ нашихъ.

И нынѣ, бѣгороднченз: Ктѣо тебе не
оублажѣтз:

Входз. Прокіменз днѣ. Чтѣніа г.
Пррочества исаіина чтѣніе [Глава мѣг]

ꙗко глаголетз гдѣ: всѣ ꙗзыцы
собрѣшасѣ вкѣпѣ, и соберѣтсѣ кнѣзн
ѿ нѣхъ. ктѣо возвѣстѣтз сѣѣ въ
нѣхъ или ꙗже ѿ начѣла, ктѣо слышана
сѣтворѣтз вѣмз; да прнведѣтз
свѣдѣтелн своѣ, и ѿправдѣтсѣ, и да
оуслышатз, и да рекѣтз истинѣ. бѣдите
мнѣ свѣдѣтелн, и ꙗзз свѣдѣтель,
глаголетз гдѣ бѣз, и ѿроузз сѣгоже

и́збра́хъ, да позна́ете и́ вѣрѹете мнѣ,
и́ разꙋмѣете, ꙗ́кѡ ѿзъ ѿсмы: прѣжде
мене́ не бы́сть и́нъ бѣ́зъ, и́ по мнѣ
не бѣдетъ. ѿзъ ѿсмы бѣ́зъ, и́ нѣсть
развѣ мене́ спсáнъ. ѿзъ возвѣстѣхъ,
и́ спсѹхъ, оꙋ́ничихъ, и́ не бѣ въ вáсъ
чѹждѣнъ. Бы мнѣ свѣдѣтели, и́ ѿзъ
гдѣ бѣ́зъ, и́ е́ще ѿ нача́ла ѿзъ ѿсмы:
и́ нѣсть ѿ ро́къ мо́ихъ и́збавлáнъ.
сотворю, и́ кто ѿврати́тъ то; снѣ
глаголетъ гдѣ бѣ́зъ, и́збавлáнъ вáсъ
сѣ́й и́и́левъ.

Премудрости солемо́новы чтѣнiе

Глава́ г]

Прѣ́ныхъ до́шъ въ до́щѣ бж́іей, и́
не прико́снетсѧ и́хъ мѹка. Непце́вѧ
бы́ша во о́честѣхъ безꙋмныхъ оꙋ́мрѣти,
и́ вѣ́ннѧ ѡ́слобленіе и́сходъ и́хъ. И
е́же ѿ насъ шѣствіе, сокровѣ́ніе, о́нъ
же сѹтъ въ мѣ́ртѣ. Нео́ прѣ́зъ ли́це́мъ
человѣ́ческимъ а́ще и́ мѹкъ прѣ́имѹтъ,
оꙋ́повáніе и́хъ безсмертіа́ и́сполнено.
И́ вѣ́мъ наказáнн бы́вше, вели́кимъ
блго́дѣтельствовáнн бѣ́дѹтъ, ꙗ́кѡ
бѣ́зъ и́схъ а́ и́ ѡ́вѣ́те и́хъ достѹ́пны
сѣбѣ. ꙗ́кѡ злáто въ горнѣ́хъ и́схъ
и́хъ, и́ ꙗ́кѡ всеплѹ́діе жѣ́ртвенное

ПОМЫШЛЕНІЕ ТАКО́ВОЕ: ꙗ́кѡ БЛ҃ГОДА́ТЬ
и́ МЛѢТЬ ВЪ ПРѢВНЫХЪ Ѹ҃ГѢ, и́ ПОСѢЩЕНІЕ
ВО И́ЗБРА́ННЫХЪ Ѹ҃ГѢ.

На стѣхѣхъ, стѣхѣхъ, гл҃ахъ д҃.

ꙗ́кѡ СѢЗДЫ МНѢГОСѢТЛЫА,/
сѣннои҃цы прехвѣльни, / ѡ́ЗРА́ДЕТЕ
ЗЕМЛѢ НАШЕА КОНЦЫ, / БЕЗБО́ЖІА
ТМѢ ПРОГОНѢЮЩЕ ПО́ДВИГОМЪ СѢТА, /
и́ СТРАСТЕ́Й ТЛѢТВО́РНЫХЪ и́ БѢДЪ
и́ЗНМА́ЮЩЕ. / ТѢМЖЕ ДНѢСЬ СѢТЛОЕ и́
СѢТНО́НОЕ и́ СТѢЕ ВѢШЕ ТОРЖЕСТВО́ /
СОШЕ́ДШЕА ВОСХВА́ЛИМЪ, СЛА́ВНИ.

Стѣхъ: ВОЗЗВА́ША ПРѢВНИ, / и́ ГДѢ
ОУ́СЛЫ́ША НѢХЪ.

СЛѢВОМЪ И́СТИНЫ ПРОСѢТѢЛЪ
Ѹ҃Н ЦР҃КѢВНОЕ И́СПОЛНѢНІЕ, / СТѢТЕЛЮ
СѢРГІЕ БГО́ПРІА́ТНЕ, / РАСКО́ЛА НѢВѢГѢ
БОГОМѢ́РЗКОЕ СДЕ́ЛОВІЕ ѡ́БЛЧѢА, /
ПОСЛѢДНІИ ЖЕ ДОЛГОТѢРПѢНІЕМЪ
СТРАДА́ЛЬЧЕСКИМЪ / СѢМЪ СЕБѢ ꙗ́кѡ
ЖЕ́РТВѢ НЕПОРО́ЧНѢ БГѢ ПРИНѢСЛЪ
Ѹ҃Н, / Ѹ҃ГОЖЕ МОЛНѢ, ВСЕХВА́ЛЬНЕ, / ВО
И́СТИННѢЙ ВѢРѢ и́ БЛ҃ГОЧЕСТІИ ВСѢА НЫ
НАСТА́ВНИ.

Стѣхъ: МНО́ГИ СКО́РЕН ПРѢВНЫМЪ, /
и́ ѡ́ ВСѢХЪ НѢХЪ И́ЗБА́ВНТЪ ѡ́ ГДѢ.

МѢХАНЪ ВЪ ТѢРПѢНІИ ЧѢДНЫИ, /
и́ ВѢКТО́РЪ КРѢ́ПКОДѢШНЫИ, /

АЛЕѢАНДРЪ, АНМНТРІИ И МАТФЕН
БГОЛЮБЕЗНИИ/ ПѢСНЫМИ СЩЕННЫМИ ДА
ПОЧТОУЕШЬСЯ,/ ХРІСТА БО ПРЕД МѢЧИТЕЛИ
СЩЕННОПРОПОВѢДАЮЩЕ,/ ПРЕЩЕИША
БЕЗБОЖНЫХЪ НЕ ОУБОАШАСЯ,/ РОГАНІА
И РАНЫ ДОБЛЕСТВЕННѢ ПРЕТЕРПѢША,/ И
СЛАВО ПРІАША НЕВѢДАЕМЮ.

СЛАВА, ГЛАГОЛЪ НЪ:

ЧТО ВАШЕ, МЧНИЦЫ, НЫНѢ НАРЕЧЕМОУ;/
КАМЕНІЕ ЛИ СЛОВЕСНОЕ,/ ЯКѠ ПОСРЕДѢ
ГОНЕНИИ ОУТВЕРДИТЕ ЦРКОВЬ ХРІТОВУ:/
ЦРТВІА НАСЛѢДНИКИ,/ ЯКѠ ВСА
ЗЕМЛЯ И ТЛѢННАА ОСТАВНТЕ:/
ПОХВАЛО ЗЕМЛИ РУССІЙСКІА,/ ЯКѠ
ВАМИ СЛАВА ЦРКОВНАА ДНЕСЬ ВОЗІА./
МНОГАА ВАША ИМЕНА И БОЛЬШАА
ДАРУВАНІА,/ МОЛИТЕ СПІТНІА ДУШАМЪ
НАШЫМЪ.

И НЫНѢ, БГОРОДНИЧЕШЪ: БЕЗНЕВѢСТНАА
ДѢО:

ТРОПАРЬ, ГЛАГОЛЪ ГЪ:

ИСТИННЫ ХРІТОВЫ СВѢТЛІИ
СЛАЖИТЕЛИЕ,/ СПІТНТЕЛЮ СЕРГІЕ СО
СЩЕННОМЧНИИ И МЧНИИ ЗАПОРѠЖИИМИ,/
ГЛАГОЛЫ ЖІЗНИ ВѢЧНЫА КРОВІЮ
ВАШЕЮ ЗАПЕЧАТАВШІИ,/ ПРЕД МІРОМЪ,
ВО ГРѢСѢХЪ ПОГНЕБАЮЩИМЪ СВѢДѢТЕЛЕ
НЕЛОЖНИИ ЯВНТЕСЯ,/ ЯКѠ ДІВНЫИ ВО

сѣ́хъ сво́хъ хрѣ́тоу бѣ́ / вчерѣ, ѿ
днѣ́, то́йже ѿ во вѣ́ки.

Сла́ва, ѿ ны́нѣ: Бѣ́городиченъ: Тѣ́
ходѣ́тайствовавшю:

На оу́тренн,
на бѣ́ гдѣ́, тропѣ́рь двѣ́жды. Сла́ва,
ѿ ны́нѣ, бѣ́городиченъ.

По а́-ѿ ка́дѣ́смѣ́, сѣ́даленъ, гла́сѣ́ а́:

Подобѣ́нъ: Ка́менн запеча́танъ:

Прондо́сте сквозѣ́ о́гнь мѹ́чениа ѿ
во́дъ слѣ́зъ, ѿзведе́ вы гдѣ́ въ покѡ́н
сѣ́хъ, новомѣ́стцы руссѣ́стѣ́н, ходѣ́тан
воззва́нїа къ бѣ́ раздѣ́лющимъ ѿ
лобыза́ющимъ по́двѣ́гъ ва́шъ. Сла́ва
предвѣ́дѣ́шемъ прои́зволѣ́нїе ва́ше,
сла́ва предста́вѣ́шемъ ва́с къ сла́вѣ́
нѣ́нѣ́н, сла́ва пода́ющемъ на́мъ ва́мн
вѣ́лю мѣ́ть.

Сла́ва, ѿ ны́нѣ, бѣ́городиченъ:

Пре́чѣ́та бѣ́е, на нѣ́сѣ́хъ
бл҃гослове́ннаа, ѿ на зе́млѣ́
славослове́ннаа, ра́дѣ́на, невѣ́сто
неневѣ́стнаа.

По в́-ѿ ка́дѣ́смѣ́ сѣ́даленъ, гла́сѣ́ а́:

Ѣ́кѡ́ люба́щимъ бѣ́а, ва́мъ, ѿ
страсто́тѣ́рпцы, всѣ́ прѣ́тѣ́рпѣ́ннаа на
зе́млѣ́ бы́ша во бл҃го́е. ѿ прѣ́шли ѣ́стѣ́,

ѣкѡ ѡзбрѣннѣи, кѡ ѡбѣщѣннѡмѸ
наслѣдѣю вѣчныхъ блага. слава
давшемѸ вамъ въ тяжкихъ мѹкахъ
крѣпость, слава вѣнчавшемѸ васъ,
слава дѣйствующемѸ вамъ спсѣнїе
наше.

Слава, ѡ нынѣ, бѣгородиченъ:

Твое предстѣтельство ѡмѹще
пречѣта, ѡ твоѡмъ мѣтвѣмъ лютыхъ
ѡзбавляемъ, крѣтомъ сѣа твоегѡ
вездѣ соблюдаемъ, по долгу тѣ всѣ
бѣгочѣстнѡ величаемъ.

По Хвалѣте ѡма гдѣне:

Величѣнїе: Величаемъ васъ, сѣи
новѡмѣнцы ѡ ѡспѡвѣдницы
запорѡжстѣи, ѡ чтѣмъ чтѣна страдѣнїа
ваша, ѣже за хрѣта претерпѣли естѣ.

Уаломъ ѡзбрѣннѣи: Бѣгъ намъ
прѣбѣжище ѡ сѣла:

По полѣелѣн, сѣдѣленъ, гдѣсъ ѡ:

Подѡбенъ: Не ктомѸ:

Не ктомѸ ѡзгнѣнїа терпѣтѣ, не
ктомѸ въ темницѣхъ затворѣтѣсѣ,
ѡ рѣзъ въ зѣмѣ совлачѣтѣсѣ, ѡ
смертѣ горькой предѣтѣсѣ, хрѣтѡсъ
ѡ воспрѣмлетъ души ваша ѡ
земныхъ, ѡ ѣже нынѣ легкое печѣлѣ

вѣшеа въ вѣчнѹю славу прелагаѣтъ,
новомѣнцы непобѣдимѣи, спсѣніа
нашегѡ ходѣтан.

Слава, ѡ нынѣ, вѣторѡдиченъ:

Плодъ чрева твоегѡ, вѣгнелѣсто,
человѣкомъ показася спсѣніа
ходѣтаетвенный. Тѣмъ тѣмъ бѣдѣ,
разумомъ ѡ азыкомъ славаще,
вѣрніи величаемъ.

Степѣнна, ѡ-ѡ антѣфѡнъ д-гѡ
гласа.

Прокіменъ, гласъ д: Тебѣ радн,
гдѣ, оумерщвлѣемъ сѣмъ весь день.

Стіхъ: Вмѣнѣхомъ ѡакѡ овцы
заколѣніа.

Вѣліе ѡ матѣа, зачало ѡс.

По ѡ-мъ псалмѣ, стіхѣра, гласъ с:

Веліи сѣи, гдѣ, ѡ чѣдна дѣла твоѣ,
ѡакѡ прославлѣнъ сѣи въ русійскѣи
земли/ сонмъ страстотѣрцевъ
новыхъ!/ Сѣи ѡ рода нашегѡ
избранніи/ ѡ ѡсвѣщенніи ѡакѡ
всесожденіа словеснаа,/ прѣтѡлѣ
твоемѣ нынѣ предстоѣтъ,/ просѣще
ѡставленіа грѣхѡвъ народа твоегѡ,
да прѣзриши на ны многотивнѡ,
бже, ѡ посѣтиши вѣноградъ сѣи,
ѡгѡже насадѣ десница твоѣ.

Ванѡнѣ стѣхъ, ѿгѡже краегранесїе:
 Мѹчениковѣ новѣхъ похвалѣмъ
 вѣнчаемъ. Гласъ 5.

Пѣснь ѿ.

Ірмосъ: Волноу морисоу скрывшаго
 древле гонителя мучителя, под
 землеу скрѣша, спсѣнныхъ ѡтроцы:
 но мы ѿакѡ ѡтроковѣцы, гдѣви
 поимъ, славѣмъ бо прославѣмъ.

Прпѣвъ: Стѣи новомѹченицы
 заповорожитѣи, молѣте бѣа ѡ насъ.

Млтвами новомѹчнкѣ твоѣхъ
 подаждь мѣ слово, ѡчѣе слово,
 смиреннѡ воспѣти подвѣи ѿ страданїа,
 ѿхъ, за ѿже даровалъ еси ѿмъ славѣ
 нѣнѡ.

Оученїи ѿ дѣлы хрѣта проповѣдавше,
 пастыри спсѣнїи димитріи ѿ матфеи
 даже до смѣрти томѹ послѣдоваста,
 ѿ землеу нашоу кровїю мѹченїа
 ѡбагриста, во ѿскѹпленїе грѣха
 богоѡстѹпленїа.

Чтѣнїа страданїа вѣша кїи ѡзыкѣ
 ѿзречѣтъ; Темнїцы бо ѿ бїенїа,
 клеветѣ ѿ поруганїа, ѡ паствы ѿ чадъ
 разлѣченїе, ѿзгнанїа ѿ тѣды, наготѣ,
 ѿ глѣдъ, ѿ бѣлѣзны во оупованїи на
 бѣа мѹжески претерпѣсте, мѹчнцы.

тѣмже дерзновѣніе къ немѹ нмѹще,
 моли́те бѣа за рѹсь, правосла́внѹю.

Бѣ́городиченъ: Бѣ́гда на́нде на
 зѣ́млю руссі́йскѹю безбо́жнаѧ сло́ба,
 по́пущеннаѧ грѣ́хъ ра́дн на́шихъ,
 тогда, вѣ́щце, вѣ́рныѧ покрѡ́вомъ
 твои́мъ ѡсѣ́нила є́си, ѡ́у крѣ́стнѣ́мъ
 по́двизѣ́ нѣхъ о́укрѣ́пила є́си, гдѣ́и
 пою́щихъ: сла́внѡ бо просла́вися.

Пѣ́снь г.

І́рмо́съ: Тебѣ́ на вода́хъ повѣ́снѡшаго
 всѹ́ зѣ́млю не́удержи́мѡ, тѡ́рѣ
 вѣ́дѣ́вши на ло́бнѣ́мъ вѣ́си́ма,
 о́ужасомъ мно́гимъ содрага́шесѧ,
 нѣ́сть стѣ́, ра́звѣ́ тебѣ́ гдѣ́и взы́вающн.

На сло́женіе цр́кви ѡ́ юности себѣ́
 преддо́готовавъ, блѣ́женне се́ргіе, въ
 годи́нѹ гонѣ́ній ѡ́ рѹ́къ щенно́мѣ́нка
 нѣ́когда є́пѣ́скопскѣ́и жѣ́злѣ́ пріе́млешн,
 да ѡ́граднши ѡ́ волкѡ́въ лю́тыхъ
 ста́до хр́то́во.

И́стинны побѡ́рнче, чѣ́на цр́ко́внагѡ
 тѡ́рды́и ре́внѣ́телю, раско́ла
 тѣ́лѣ́творнагѡ ѡ́скоренѣ́телю, стѣ́нѣ́телю,
 се́ргіе бѣ́гомѡ́дре, ѡ́градѣ́и ны́нѣ́ па́ствѡ́
 твою́ ѡ́ соблѣ́зну́въ ѡ́ лже́дчѣ́ній, ѡ́
 сохрани́ насъ во стѣ́мъ правосла́вѣ́и.

Вѣ́доу ти́ прннесѣ́мъ похвалѹ́

достойнѣю, цѣнноуче; ꙗко за
слово истинны и за свидѣтельство
и҃сого изгнаніе и смѣрть ѿ сѣдѣхъ
сатанинскихъ радѣхъ претерпѣхъ є҃си,
и предстоиши днесь прѣдѣ г҃а славы,
нѣсть стѣ развѣ тебе г҃а, взываѣ.

Бѣгородиченъ: Ѡ бл҃гаѣ бл҃чце,
ѡвѣрзи намъ о҃чеса сердечнаѣ, да
образы сп҃сеніѣ воспріимемъ ѿ
лика избранныхъ твоихъ, хр҃та не
ѡвѣршихъ даже до смѣрти, и нынѣ
во славу нѣнѣи, нѣсть стѣ развѣ
тебѣ г҃а, взывающихъ.

Сѣдаленъ, гласъ г҃:

Ѡ ст҃и новомучицы и исповѣдницы,
ѡ рода нашего избранныи, молимъ вѣсѣ
приснѣ мы недостойни: оукрѣпите
ныя малодѣшныѣ въ вѣрѣ, надеждѣ
и любви, и ко сп҃сенію наставите
мѣтвами вашими.

Слава, и нынѣ, бѣгородиченъ:

Привѣжице и сила наша, бѣе,
державнаѣ помощь міра, мѣтвами
твоими покрый рабы твоѣ ѿ всѣхъ
нужды, єдина бл҃гословеннаѣ.

Пѣснь д҃.

Ірмосъ: На кр҃тѣ твоѣ бж҃ественное
истощаніе прѣидѣ аввакумъ, оужахъ

ВОПІАЩЕ: ТЫ СІЛЬНЫХЪ ПРЕСѢЛЪЗ ЄСН
 ДЕРЖАВѸ БЛЖЕ, ПРІШЕЦІАМЪ ІЩЫМЪ
 ВО АДѢ, ІАКЪ ВСЕСІЛЕНЪ.

ВО ОУТѢШЕНІЕ ПАСТВѢ БЕРДАНСТѢН
 ДАРОВА ТА ГДЬ, СЦЕННОМѢНЧЕ
 МІХАІЛЕ, КРОТОСТІЮ Н ЛЮБОВІЮ
 ВѢРНЫМЪ НАСТАВЛЯЮЩА, Н СДЕЛОВІА
 БЕЗБѸЖНЫМЪ СЛОВОМЪ МДРОСТИ
 ПОСРАМАЛЯЮЩА.

НЕПОБѢДІМОЕ НМѢА ОРѸЖІЕ
 КРѢТЪ ХРѢТОВЪ, МѢНЧЕ МІХАІЛЕ,
 СОПРОТНВОСТАЛЪ ЄСН МЧНТЕЛѢМЪ
 СВѢРШНРАВНЫМЪ, Н ТѢХЪ ОУПРАЗДНІЛЪ
 ЄСН СДЕТНАА ШАТАНІА, МЛТВОЮ ДШѸ
 ТВОЮ ОУКРѢПЛАА.

О МНОГАГѸ ДОЛГОТЕРПѢНІА ТВОЕГѸ,
 МІХАІЛЕ! БГДА БО ІЩІН ВЪ ЗАТОЧЕНІН
 СЪ ТОБОЮ РАЗБОЙНИКЪ, МЧАНЕ ТА,
 ВЛАСН ГЛАВЫ ТВОЕА НСТОРЖЕ, СЕГО
 ЄНГЛЫСКИ ПРОСТІЛЪ ЄСН, Н Ѡ КАЗНИ
 НЗБАВЛЪЗ ЄСН, Н КРОТОСТІЮ ТВОЕЮ КЪ
 ПОКАМНІЮ ѠБРАТНЛЪЗ ЄСН, ДОСТОЧДНЕ.

БГОРОДНЧЕНЪ: ВЫ ЄСТЕ ЦРКВЕ
 РДСКІА СЛАВА Н ПОХВАЛА, НОВМЧНЦЫ
 НЕПОБѢДІМІН, СЪ БЦЕЮ ХРѢТА БГА
 МОЛІТЕ, ДА ОУПРАЗДНІТЪ БЕЗБѸЖНЮ
 ЛЕСТЬ Н СЛОВО ІАКЪ ВСЕСІЛЕНЪ.

ПѢСНЬ Ё.

Ірмѡсѣ: Б҃ГОАВЛЕНІА ТВОЕГ҃О ХР҃ТѢ,
 КЪ НАМЪ МІЛОСТНЕНУ БЫВШАГ҃О,
 НСАІА СВѢТЪ ВІДѢВЪ НЕВЕЧЕРНІЙ,
 НЗ҃ НОЩН О҃УТРЕНЕВАВЪ ВЗЫВАШЕ:
 ВОСКРЕСНУТЪ МЕРТВІИ, Н ВОСТАНУТЪ
 СЦ҃ИИ ВО ГРОБѢХЪ, Н ВСН ЗЕМНОРОДНІИ
 ВОЗРАДУЮТСА.

Хр҃толюбѣваг҃о рѡда болгарскаг҃о, ѿ
 аг҃аранѣ мнѡгѡа мѡкн претерпѣваг҃о,
 честнаа ѿрасль былѣ єсн, вѣкторе
 славне. тѣмже, по стопамъ о҃тцѣ
 твоихъ шествовавъ, сц҃енства бл҃гѣ
 пріаа єсн, н мѣнческимъ вѣнцемъ
 оукрашенъ єсн.

Люди подчаа въ законѣ г҃ани,
 н ревностію по бж҃ѣ сердца нхъ
 воспламенѣа, мнѡги вѣрныа на
 защищеніе храма бж҃їа съ собою
 подвигла єсн, о҃баче властители
 беззаконніи, словоу дышуще, на
 заточеніе таа влекоша, вѣкторе
 досточудне, мѣнкѡвъ о҃утвержденіе.

Испытующи таа, вѣкторе
 крѣпкодушне, лестію запати таа
 помышляху, да самъ себе ѡклеветашн
 аки злодѣа н протѣвна быти
 власти, ты же рѡганіа н бїеніа,

и безсѣнное стоѧніе многѣхъ днѣи и
нѣщѣхъ доблественнѣхъ претерпѣвъ еси,
ѡ хрѣта оукрѣплѣемь.

Горѡдиченъ: Крѣтомъ сѧа твоегѡ,
бже, оукрѣплъшесѧ мѣнцы, воскреснѣ
егѡ проповѣдахъ, со пророкомъ
взывающе: воскреснѣтъ мѣртвѣи, и
востанѣтъ сѣщѣи во гробѣхъ, и всѣ
земнорѡднѣи возрѡдѡутсѧ.

Пѣснь 5.

Ірмосъ: Гдѣтъ бысть, но не оудержанъ
въ пѣрсехъ кнѣговѣхъ іѡна: твоѣи
бо образъ носѧ, страдавшегѡ и
погребенію давшагѡсѧ, ѧкѡ ѡ
чертога ѡ свѣта изыде. приглашае
же кѡсѣтѡдѣи, хранѧщѣи сѣтѣи и
лѡжѣи, мѣтъ сѣю вѣстѡвѣи естѣ.

Пѣтъ тѣснѣи и прискѡбенѣи
избравъ, александре всехвѣльне, въ
годѣи лютехъ гонѣнѣи сѣенѣи дѣръ
воспрѣмѣвъ еси, ѡ оучѣнѣи пѣгѣбѣи
ѡграждѣи пѣствѣ твоѣ, и словѡмъ
бжѣимъ вѣрнѣи насыщѣи.

Образъ долготерпѣнѣи во
искѡшенѣихъ показѣвъ еси, оче, егда
ѡ храма твоегѡ и пѣствѣи нѡждею
ѡлѣченъ бывъ, тѣжкѣи трѣды безъ

ро́пота смире́ннѡ понёсѡзъ ёси́.

Хо́да́таѡ кѡ бѣ́ѡ вои́стиннѡ
вѣ́мы тѣ́, а́лѣ́ксандре́ сщѣ́нне, ча́сѡ
бо кончи́ны твоеѡ́ при́ближи́вшѡсѡ,
вѣ́дѣ́ тѣ́ дщи́ твоѡ́, ѣ́акѡ вѡ
вѣ́дѣ́нїи на воздѣ́сѣ, вѡ рѣ́зѣ́ свѣ́тлѣ́
ко́лѣнопрекло́ннѡ хрѣ́стѡ мола́щасѡ.
Тѣ́мже ѡ́ на́ша смире́нныѡ мо́льбы
прї́мнѣ, сщени́омѣ́нче́ всече́стне.

Бѣ́городиченѡ: Вои́стиннѡ бѣ́ѡ всѣ́
ѡсповѣ́демѡзъ дѣ́ѡ ѣ́тѡѡ, вѣ́рныхъ
похвалѡ, страда́льце́вѡ оутвержде́нїе,
хо́дѡтанце́ бл҃гѡ вѣ́чныхъ. Ѣ́стѡпни́цы
же ѡ́ гонї́тели, хранѡщи́и сѣ́тнаѡ ѡ́
лѡ́жнаѡ, ма́тъ сѣ́ю ѡ́ста́внша ё́стѣ.

Конда́къ, гла́сѡ г҃:

Дне́сь ли́къ сѣ́рыхъ ново́мѣ́нникѡ
запоро́жскнхъ/ невидѣ́ннѡ сѡ на́мн
предсто́итѡ вѡ цр҃квѣ́./ Сї́н сѣ́тъ ѡ́
вѣ́лїкїѡ ско́рбенъ кѡ не́тлѣ́ннѣ́й сла́вѣ́
преше́дшїи/ ѡ́ пѣ́снь побѣ́днѡю пою́щи
оу́ прѣ́то́ла вседе́ржнїтеле́ва, ѡ́ же ѡ́
мола́тѡзъ превѣ́чнаго бѣ́ѡ/ спа́снѣ ѡ́
просвѣ́тїтнѣ́ дѡщы на́ша.

І́косѡ:

Ра́дѡшнѣ́сѡ, сѣ́и ново́мѣ́нцы ѡ́
ѡсповѣ́дннцы, вѡ зе́млѣ́ запоро́жскѣ́й

пóдвиꙗ своѣй предначáвшїи. Рáдѡтесѧ,
 всю зéмлю рꙋссїйскꙋю, во оꙋ́захъ
 гонїмїи, прешедшїи. Рáдѡтесѧ, словесы
 ѡ́ дѣлы предъ міромъ безбо́жнымъ
 хрї́та проповѣдавшїи. Рáдѡтесѧ,
 мѡчѣніѧ крѡ́вію ѡ́ истинѣ́ слова бжїѧ
 запечатлѣвшїи. Рáдѡтесѧ, блáгть
 равнꙋю съ мѣ́нѣи дрéвними воспрїѣмшїи.
 Рáдѡтесѧ, предсто́ящїи съ нїми
 кѡ́пнѡ оꙋ́ прѣ́столѧ гдѧ. Молїте,
 мо́лимъ вы, прѣвѣчнаго бга, спáсти
 ѡ́ просвѣ́тити дꙋшы нáшѧ.

Пѣснь 3.

Ірмѡсъ: Нензречѣнное чдо, въ пещи
 ѡ́збáвнвыи преподѡ́бныѧ ѡ́троки ѡ́
 пла́мене, во грѡ́бѣ мѣ́ртвѣхъ бездыхáненѣхъ
 полага́етсѧ, во спсѣ́ніе нáсъ пою́щихъ:
 ѡ́збáвнтелю бж́е блáгословѣ́нъ є́си.

Ѣще ѡ́ повѣ́рженн бы́ша ч́тнѧ
 тѣлѣѧ вáша на мѣ́стѣхъ непрохѡ́дныхъ
 ѡ́ пѡ́стыхъ, ѡ́бáче сї́лою бж́іею нáмъ
 я́влени є́сте въ со́нмѣ́ новѡ́мчѣ́нѣхъ
 рꙋссїйскѣхъ, сѣ́и сроднїцы нáши, за
 хрї́та ѡ́ безбо́жныхъ пострада́вшїи
 во спсѣ́ніе нáсъ пою́щихъ: ѡ́збáвнтелю
 бж́е, блáгословѣ́нъ є́си.

Любвѣ́ хрї́товы нѣ́кѧкоже

разлѣчѣшася мѣнцы, темнѣное
зачо́еніе, ѡзгнаніе ѡ тѣжкѣмъ тѣдѣ
претерпѣвшѣ, во црѣтвѣи нѣнѣмъ
свѣтлѣмъ взываютьъ: ѡзбѣвѣтелю бжѣ,
блгословѣнъ єси.

Агнца бжѣа, за мѣръ заклѣннаго
проповѣдавше, ѡ ѡмни ѡкоже агнцы
на заколеніе ведошася, гдѣеи поюще:
ѡзбѣвѣтелю бжѣ, блгословѣнъ єси.

Бгѣорѣднченъ: Мѣн свѣта,
блгословѣннаа бжѣ, моли хрѣта
бгѣ совозсѣати оутро ѡ велію
мѣть ѡтѣчествѣа нѣшемъ, во спсѣніе
нѣсѣ поющнхъ: ѡзбѣвѣтелю бжѣ,
блгословѣнъ єси.

Пѣснь ѡ.

Ірмѣсѣ: Оужаснѣа боѡнѣа нѣо, ѡ
да подвѣжатся ѡсновѣнїа землѣ, єе
бо въ мертвецѣхъ вѣнѣається въ
вышннхъ жнвѣн, ѡ во грѣбѣхъ мѣлѣ
страннопрїемлѣа. Єгѣже ѡтроцы
блгословѣте, щѣенннцы воспѡйте,
людіе превозносите во всѣхъ вѣкн.

Испраште рѣзы вѣша кровѣмн
своѣмн, оубѣлите же нѣхъ кровѣю
агнца, за чѣловѣкн заклѣннагѣ, єгѣже
ѡтроцы блгословѣте, щѣенннцы

воспѡйте, людіе превозносите во всѧ
вѣки.

Всѧ вѡста́въше житѣ́йское
пристра́стіе, ѡ крѣ́тѣ взѣ́мше ꙗ́ко
ѡго бж́е́ственное, стѣ́н мѣ́нцы, ѡ́дѣно
сокро́вице ѡбѣ́щаніе, хрѣ́ста, ѡ́гоже
о́троцы бж́гословѣ́те, ш́енницы
воспѡйте, людіе превозносите во всѧ
вѣки.

Бл҃га, ѡ́бистинна, бл҃га прелюбѣ́зна,
бл҃га сѣ́ть добродѣ́тель ѡ похвалѣ́,
ѡ сѣ́мѣ помышля́ти на́дѣете ны,
ш́енномѣ́нцы сла́вни, сло́вомѣ
ѡ житі́емѣ вѣ́рныхъ призы́вающе:
о́троцы бж́гословѣ́те, ш́енницы
воспѡйте, людіе превозносите хрѣ́ста
во вѣки.

Бг҃оро́диченъ: Не вѡста́ви о́тѣ́чества
на́шего, ѡ бл҃га́ѣ вѣ́щце, моли́ ѡ на́сѣ
сѣ́ѣ твоего ѡ бл҃га́ нашего, да вси́ вопі́емъ:
о́троцы бж́гословѣ́те, ш́енницы
воспѡйте, людіе превозносите хрѣ́ста
во вѣки.

Пѣ́снь ѿ.

Ірмо́съ: Не рыда́й мене́ мѣ́н зра́щн
во грѣ́бѣ, ѡ́гоже во чре́вѣ́ безъ
сѣ́мене зачала́ сѣ́ѣ: воста́нѣ бо

и просла́влюся, и вознесѹ со сла́вою
непреста́ннѡ ѣ́акѡ бѣ́зъ, вѣ́рою и
любо́вїю тѣ́ велича́ющыѡ.

Чѹдо ве́ліе ꙗ́вилѡ на́мъ въ послѣ́днѡй
днѣ́, ѣ́акѡ мѣ́твами но́выхъ мѣ́нkwвъ
свои́хъ поманѹ гдѣ́ ны во смѣ́ренїи
на́шемъ, и возвели́чи и́хъ ра́ди цр҃ковь
рѹсскѹ, вѣ́рою и любо́вїю въ бг҃а
тр҃ѣ́ велича́ющю.

Ѹ́пѣ́валъ проповѣ́данїемъ и ѡ́тѣ́цъ
догма́ты, и мѣ́нческою кро́вїю
о́утверди́вшесѡ вѣ́рїи, мо́лимтисѡ,
бж҃е всеще́дый, цр҃ковь рѹсскѹ
непреѡборимѹ сохрани до сконча́нїѡ
вѣ́ка.

Бѹ́льскагѡ сѣ́мїѡ пло́дъ стори́чный
ꙗ́вилшасѡ мѣ́нцы, ѿ́ предѣ́лъ земли
на́шей въ жи́тницѹ нѣ́нѹ собра́нїи.
Тѣ́хъ мѣ́твами въ мѣ́ртѣ́ гл҃боцѣ́
цр҃ковь и стра́нѹ на́шѹ бж҃ею соблюди́,
многомѣ́тнѣе.

Бг҃о́ро́диченъ: Мѣ́ръ ѡ́тѣ́чествѹ
на́шемѹ испроси́, ѣ́акѡ бг҃г҃а, о́утолѣ́
цр҃кѡ́вныѡ соблѡ́зны и вознеси́
ро́гъ хр҃ті́анъ, вѣ́рою и любо́вїю тѣ́
исти́ннѹ бж҃ѹ велича́ющихъ.

Свѣ́тїленъ:

Во тьмѣ грѣхóвнѣхъ сщымъ
 н́амъ возсѣ́ша страда́вшіи по х́ртѣ.
 Тѣмже стѣю ѿ свѣтоно́снѣю п́амать
 н́хъ радостію соверша́емъ.

Сла́ва, ѿ ны́нѣ: бѣ́гъ ро́днченъ:

Просвѣ́титель дѣшъ н́ашнхъ
 ро́ждаша, бѣ́гословѣ́нна бѣ́гоне́вѣсто,
 свѣ́томъ бѣ́гора́змѣа вѣ́рныхъ сердца
 просвѣ́ти.

На хвалѣ́техъ, стѣ́хны на д, гла́съ
 ѿ.

Всѣ ѿложѣ́вше мѣ́рикѣ пристра́стїе,/
 ѿ сла́дость текѣ́щю презрѣ́вше,/
 крѣ́тъ вѣ́сте ꙗ́кѡ ѿго бѣ́гѣ́ственное,/
 ѿ вѣ́ годнѣ́ лю́тѣю х́ртѣ послѣ́довате,/
 ѿ кѣ́ нѣ́номѣ по́кою чѣ́днѣ
 вселѣ́стесѣ,/
 ѿ новѣ́мѣ́нныцы х́ртѣ́вн
 непобѣ́днѣ́и,/
 прѣ́иднѣ́те посре́дѣ́ н́асъ
 невѣ́днѣ́мѣ,/
 прѣ́дначнѣ́юще торже́ство
 ѿ пѣ́нїе,/
 ѿ сподо́бляюще дарѣ́вѣ
 невѣ́щѣ́ственныхъ/
 вѣ́шъ прѣ́здннѣ́хъ
 соверша́ющнхъ свѣ́толѣ́пнѣ.

ѿще ѿ разо́рѣ́нн бы́ша хра́мн
 бѣ́жнѣ ѿ ро́кѣ́ беззако́нныхъ,/
 ѿ всѣ́ хотѣ́щнѣ́ бѣ́гочѣ́стнѣ́ жнѣ́тн
 ѿ х́ртѣ́ го́ннѣ́мн бы́ша,/
 ѿба́че не ѿскѣ́де́ зе́мля́ ро́сскаѣ́ исповѣ́дннѣ́

нóвыми, / ѿже ѿ всѣхъ предѣлз єа
бл҃гоуханіе по́двигѡвъ сво́ихъ ѿ кровь
мѹченіа бл҃гъ принесóша, / ѿ ны́нѣ
несредственнѣ просла́вльшемѹ ѿхъ хр҃тѹ
предсто́яще, / мо́лѣтсѧ прилѣжнѡ ѡ
на́съ, / лю́бовію со́верша́ющихъ свѣтлое
ѿхъ торже́ствò.

Па́мѧть мѣ́нкѡвъ ра́дость
бо́ащихся, гд҃а, / пострада́вше бо
хр҃та́ ради, / вѣ́нцы ѿ негѡ пріа́ша, /
ѿ ны́нѣ со дерзнове́ніемъ мо́лѣтсѧ
ѡ ро́дѣтѣи земли.

Сла́ва, гл҃гъ 5:

Бл҃гослове́нъ єси́ гд҃и бже́ о́тѣцъ
на́шихъ, / сп҃са́и о́упова́ющихъ на
те́бѧ, / мѣ́тѡвъ новѡмѣ́нкъ тво́ихъ
о́услы́шавый / ѿ тѣ́хъ страда́ніа
пріе́мый / ѡ́акѡ же́ртѡвъ непоро́чнѡю, /
ѿ ѡ́акѡ всео́жженіе тѹ́чное. / ѿ ны́нѣ
не ѡста́ви мѣ́ти твоеѧ ѡ́ на́съ, /
возлю́бленныхъ тво́ихъ ради, / да́ждь
сла́вѹ ѿмени твоемѹ, гд҃и, / ѿ да
раздѣ́лѡтъ всѧ, ѡ́акѡ ты́ єси́ гд҃ь бл҃гъ
є́динъ, / ѿ сла́венъ по всѣ́мъ вселеннѣ́и.

ѿ ны́нѣ, гл҃гъ то́йже:

Бл҃гослове́нна єси́, вл҃чце, /
держа́внѧ застѹ́пнице́ ро́да на́шегѡ,

а́лѣкѣ́ндре, дѣ́мѣ́трїе, ма́тѣ́фен, а́лѣксі́е,
и́ ми́хаї́ле с ѿфо́їею и́ и́и́и́н за вѣ́рѣ
хрѣ́то́вѣ въ зе́млѣ за́поро́жскѣи́
по́страда́вшїи, я́влѣ́ннїи же и́ не
я́влѣ́ннїи, прѣ́дсто́ящїи прѣ́то́лѣ гдѣ́
сла́вы на нѣ́бѣ́хъ, о́баче́ блі́зъ
сѣ́щїи всѣ́мъ, лю́бо́вію по́двигъ ва́шъ
почи́таю́щымъ и́ те́плою вѣ́рою ва́съ
при́зываю́щымъ, моли́те все́ще́драго
бга́ на́шего дарова́ти на́мъ дѣ́хъ
ре́вности ѿ сла́вѣ́ стѣ́гъ и́мене́
сѣ́гѣ́, дѣ́хъ смире́нїа и́ брѣ́тѣ́любїа,
дѣ́хъ крѣ́пости и́ долготѣ́рпѣ́нїа въ
скѣ́рбѣ́хъ, на ны́ нахо́дѣ́щнхъ, да ва́мъ
по́ силѣ́ послѣ́дую́ще, о́угото́ванн
бѣ́демъ на вса́кое дѣ́ло бѣ́гѣ́е, все́гда
ра́дую́щесѣ́, непрѣ́стѣ́ннѣ́ мола́щесѣ́
и́ ѿ всѣ́мъ бѣ́годаря́ще дѣ́внаго во
стѣ́хъ сво́ихъ бга́, въ трѣ́це сла́внмаго
во вѣ́ки вѣ́кѣ́въ. А́минь.

СѢ́БОРЪ НОВОМУ́ЧЕНИКѢ́ ЗАПОРѢ́ЖСКИХЪ
ПРАЗДНѢ́ТСѣ́ 1/14 НОЯ́БРѣ́

Именной указатель

- Абольянц, полковник 53
 Авраам, 198
 Александр II 14, 20, 80
 Алексей, еп. (Молчанов) 36, 38, 105
 Анастасия Никифоровна 160, 162, 171
 Антипенко Е.К. 181, 184, 192
 Артановский Д.Г., свщ. 140
- Балицкий, командир латышского полка 66
 Белоброва М.И. (Богословская) 114, 117-118, 120
 Бессонов И., помещик 28, 52
 Богословский М.К., свщмч. 3, 84, 112, 114-116, 119, 122-123, 125, 127-128, 132-133, 147-149, 152-155, 159-160, 165, 166, 177, 199
 Богословская М.И. (Белоброва) 114, 117-118, 120
 Богословские, дети М.К.Богословского (Аркадий, Ольга, Иван, Наталья) 114
 Боримский С.И., свщ. 105, 140, 144, 152
 Бронзес 84
 Буркота М.А. 181, 185
 Буш, юрист 28
- Вдовиченко Т. 70
 Верецкая, Леся 149, 152, 158, 159, 162, 164, 165, 168, 169, 173, 175, 176
 Верецкий М. 127, 149
 Владимир, воспитанник 127
 Войнарский П., прот. 66, 67, 69
 Воронцов М.С. 5-7
- Георгий, архиеп. (Делиев) 106-109, 148-149, 152
 Георгий, вмч. 93
 Георгиев, Стефан 90
 Герасим, вл. 92
 Горбенко А. 28
 Горохов Г.М. 16
 Граматик Г. 94
 Грейг А.С., адмирал 5
 Григорьев 152
 Гривез, Джон 19
 Груев С. 92, 96
 Губенко М.Т. 191, 192
- Деникин А.И. 140
 Дибич-Забалканский И.И. 95
 Долярсо, консул 9
 Доненко Н.Н., прот. 3, 4
 Дорофей, митроп. 92
 Драницын А.И., свщ. 105, 140, 143, 149, 152
 Дудка П. 28, 52
 Дюмин А. 18, 19, 36
- Ежов Н.И. 148
 Езрубильский, купец 17, 25, 26, 32, 44, 180
 Ерёменко, врач 160, 161
 Ерёменко, нач. НКВД 148
 Ерёмин П.Ф. 148
- Завадовский И.С., свщ. 134, 136, 149, 152
 Загамула 148, 165
 Замтарадзе Р.А. 4
 Зверев П.С. 105-107, 133, 148, 149, 160
 Зуев, рабочий 16
- Иаков, ап. 155, 161
 Игнатенко М.К. 189, 192
 Иисус Христос 161, 167-169
 Ильевский Ф.А., свщ. 134, 139
 Ильенков А.А. 124-126, 130, 134, 146

- Ильенков А.И., свщмч. 3, 84, 105, 112, 124-126, 149, 152, 153, 177, 199
- Ильенкова З.А. 147
- Ильенкова П.И. 125-127, 130
- И л ь е н к о в ы , д е т и
А.А.Ильенкова (Зоя, Нил,
Всеволод) 125, 127, 130
- Ильенковы, семья 125
- Казычкина Т.А. 166
- Киранов В.М., свщмч. 3, 84-
87, 97, 104-108, 112, 122,
127-128, 133, 140, 147-149,
152-153, 155-157, 160-177,
199
- Киранов В.С. 96-97, 100
- Киранов Д.М. 97-98, 100
- Киранов К.П. 88
- Киранов, Митрофан 90, 92-94
- Киранов М.С. 97, 98, 102, 103
- Киранов, Петр 95
- Киранов, Протасий 85, 86, 88
- Киранов С.К. 89, 90, 94, 100
- Киранов С.М. 96
- Киранов, Стефан 85, 86, 88-91
- Киранова А.П. 94
- Киранова А.П. (Троицкая)
104, 105, 148, 155, 156,
158-177
- Киранова, Марина 100
- Киранова, Стефанида 100
- Кирановы, дети В.М.Киранова
(Михаил, Евгений, Виктор,
Николай, Татьяна) 105,
158, 160, 162-164, 167-177
- Кирановы, дети М.С.Киранова
(Димитрий, Виктор, Вла-
димир, Олимпиада) 97
- Кирилл, равноап. 111, 113
- Кирьян, Алексей 69
- Кирьян, Павел 69
- Киселев 148, 152, 160
- Киселенко Н. 19, 28, 36, 47
- Клевцов Д.Г. 192-198
- Клевцова И. 192-198
- Клевцовы, дети (Лёня и
Александр) 196
- Козлов 28
- Кондила 90
- Кондруцкий Т. 28
- Константин, митроп., свщмч.
(Дьяков) 106, 108
- Косман, прокурор 153
- Крицкий, капитан 5
- Круглянский, староста 106
- Кузьмич 159, 165, 168, 173
- Кулаков А., председатель
уездного ЧК 69
- Лазарь, митроп. 4
- Лазарев 149
- Лебедев, комендант 76
- Лебедь Г.В. 181, 183, 192
- Лосев Д.А. 4
- Лоуренс, Томас 7
- Лукин А.В., прот. 36-39, 46-
48, 50, 52, 53
- Лукин В.А. 38
- Лукина О.А. 38
- Любавская А.И. 166
- Малявин С.И., свщ. 105, 134,
135, 149, 152
- Манганари, геодезист 5
- Маркевич А.И. 52
- Марченко А.С. 181, 187, 192
- Матвеев 19
- Матиас, рабочий 19
- Махно Н.И. 59, 64, 65, 73, 74,
76, 77, 84
- Мезенцев Н. 114
- Меринов, Петр 94
- Мефодий, рвн. ап. 111, 113
- Михаил, архистратиг 69
- Михайлов, прот. 160
- Михелович, председатель
Бердянского Ревкома 84
- Могильный А., слесарь-
подпольщик 16
- Молотов В.М. 16

- Наталья Константиновна, сестра М.К.Богословского 112, 132, 158, 159, 162, 168, 173
 Нестеров 148, 165
 Никодим, архиеп., свщмч. (Кротков) 114
 Николай, св. 152, 159, 161, 163 165, 167, 170, 173
 Николай I 5
 Николай II 19
 Николай, еп. (Зиоров) 105
 Николаев, Петр 93
 Никонов М., секретарь Наркома 84
 Норейко, адъютант 77
 Олейник М.Н. 190, 192
 Орлова В.Н. 36
 О.В. 158, 159, 162, 168, 173-176
 Павел, ап. 162
 Павлов И.М., свщ. 134, 138, 152
 Панасенко, прапорщик 52, 53, 59
 Панкратов В.М. 128, 133, 149
 Петровский Г.И. 66, 195
 Пистоленко И.И., свщ. 140
 Плешивец В.И. 166
 Поднебесный И. 66, 76
 Польский М., прот. 69
 Полулях, Иоанн 105
 Поля 160
 Процедымов М.О. 111, 112
 П р о ц е д ы м о в ы , д е т и
 М.О.Процедымова (Варвара, Петр) 111
 Раков, Иван 27
 Ракова, Ксения 27
 Раковы, семья 27
 Романов-Лопатко Л.Р. 59, 64
 Рябко И.А. 181, 188, 192
 Саклаков Т.Г., диакон 106, 140, 142, 149, 152, 159
 Саханева Э.Н. 49
 Сергей, еп., свщмч. (Зверев) 126
 Соколов Т.Г., свщ. 140
 Сопин, Фома, землевладелец, садовладелец 28
 Станишевская В.А. 114
 Стоичева Е.Г. 97
 Стрюков, начальник гарнизона 77
 Сычев Е.Ф. 128, 129, 149
 Сычева В.И. 128
 Сычевы, дети Е.Ф.Сычева (Виктор, Николай, Валентина, Елена, Анна) 128
 Т., Анатолий 122
 Товаров П.А., 109-112, 149
 Товарова А.О. 109
 Товаровы, дети П.А.Товарова (Надежда, Любовь) 112
 Тодорцов В.П., свщ. 140, 165
 Тольмац Р. 28, 29, 52
 Троицкая А.П. (Киранова) 104, 105, 148, 155, 156, 158-177
 Тубино, консул 9
 Тульчицкий, сотрудник ГПУ 182
 Уманская А.Н. 181, 186, 192
 Феофан, архиеп. (Быстров) 38
 Ханецкий Г.К., свщ. 134, 137
 Ховякин 64
 Хохлов А.П. 166
 Худолеева В.С. 111
 Черненко Е.И., свщ. 140, 141, 152, 160
 Четин, Василий 93
 Чичиков 177
 Шарков К.М., свщ. 145, 147
 Шаронов А.А. 4
 Шмидт П.П. 25

ИСТОЧНИКИ

Архив Управления Службы Безопасности Украины по Запорожской области. Фонд Архивно-следственных дел, №№:

1. 1731 ("Дело № 70077 по обвинению Киранова и др. в 3-х т.).
2. П-1644 ("Дело № 162 по обвинению Товарова П.А. и Процедымова М.О.").

Государственный Архив Запорожской области:

3. Ф. Р.-73, д. 92, л. 6.

Государственный Архив Автономной Республики Крым (ГААРК):

4. Ф. 118. Оп. 1. Ед. хр. 6396.
5. Ф. 118. Оп. 1. Ед. хр. 6398.
6. Ф. 118. Оп. 1. Ед. хр. 6449.

Краеведческий музей г. Бердянска:

7. Дорофеев Г.В. Воспоминания. Рукопись.
8. Романов-Лопатко Л.Р. Воспоминания о Бердянске 1917-1919 годов. Рукопись.

Семейные архивы Кирановых, Богословских, Ильенковых:

9. Фотоматериалы, воспоминания, письма.

Архив автора:

10. Клевцов Е.Д. Воспоминания. Рукопись.
11. Известия. Бердянск. 1917, 17 августа; 1921, 14 мая.

Периодика и литература:

12. Беженари. 1992, № 2.
13. Известия Бердянского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1918, № 172 (24 февраля).
14. Справочная книга Таврической епархии. Симферополь, 1910.
15. Церковный вестник. СПб, № 46, 1875, ноябрь. — С. 8-10.
16. Польский М., протопресвитер. Новые мученики Российские: Ч. 2. Джорданвилль, 1957. — С. 238.
17. Филимонов С.Б. Хранители исторической памяти Крыма. — Симферополь, 2004. — С. 133.

Книжная серия "Образы былого"

В начале 2005 года в этой серии вышла книга протоиерея Николая Доненко "Новомученики Феодосии". Автор знакомит читателя с трагическими судьбами священников Феодосийского благочиния двадцатых – тридцатых годов и самим городом того времени. Книга написана на основе церковного предания и документов, хранящихся в архивах СБУ, ФСБ, Госархиве Крыма.

Из рецензии Ларисы Краюшкиной ("Феодосийский альбом", № 151, 28 мая 2005 г.):

"Это литература боли и литература любви. Она воссоединяет нас с христианским наследием прошлого. Книга похожа на плотный свиток, который разворачивает рука искателя христианского смысла. Славянский ум здесь найдет себя, а славянское сердце сквозь слезы узрит Бога. Историкам церкви еще предстоит определить жанр книги. Новейшая агиография? Жития святых для тех, кто устремился к свету христианства в третьем тысячелетии? В феодосийском краеведческом аспекте книга интересна огромным новым фактографическим материалом. Путеводными нитями исследования становятся судьбы священномученика Андрея Косовского, священномученика

Иоанна Блюмовича и преподобномученика Варфоломея (Ратных). Но невозможно оставаться равнодушным при чтении страниц, рассказывающих о массовых расстрелах и чудовищном голоде, о трагической судьбе греческой общины Введенской церкви и жизни священства Феодосии, где яркие и выразительные личности служителей Святого Престола, отдаваясь всё более от нас во времени, становятся духовными ориентирами и образцами верности нравственного выбора".

За книгу "Новомученики Феодосии" на Международной книжной выставке "Крымская весна – 2005" автор удостоен специального диплома – "За исследование неизвестных страниц истории Крыма".

В 2003–2006 годах в серии "Образы былого" также вышли: мемуары М.С.Волошиной "О Максе, о Коктебеле, о себе" (2003), Н.Н.Грин "Воспоминания об Александре Грине" (2005), А.Л.Бродской (Скадовской) "Воспоминания о русском доме" (2006), автобиографическая повесть А.И.Цветаевой "История одного путешествия" (2004), книга А.А.Галиченко и Л.М.Абраменко "Под сенью Ай-Петри: Ялта в омуте истории, 1920–1921 годы" (2006).

Содержание

Пролог	5
Смутное время	6
Подвижники веры: священномученики Михаил Богословский, Виктор Киранов и Александр Ильенков	84
Народное сопротивление	181
Крестьянин Дмитрий Клевцов	192
Служба святым новомученикам Запорожской епархии ...	202
Именной указатель	218
Источники	221

На лицевой крышке переплета
воспроизведена икона новомучеников Бердянских.
На форзацах: панорама и план города XIX–XX вв.
Фронтиспис: Вознесенский собор (взорван в 1928 г.;
фрагмент открытки нач. XX в.)

Служба новомученикам Запорожской епархии
составлена монахиней Евстолией (Егоровой)

Автор благодарит филокартиста
Г.Б.Сукача за предоставленные для книги
видовые открытки нач. XX в.

В издании также использованы фотографии
из собрания Бердянского краеведческого музея,
личного архива автора

Д 67 Доненко Н.
Новомученики Бердянска: Священномученики
Михаил Богословский, Виктор Киранов, Александр
Ильенков; Город в годы воинствующего атеизма,
1919-1939. — Феодосия; М.: Издат. дом Коктебель,
2006. — 224 с.: ил. — (Образы былого. Вып. 7).

ISBN ---2

ББК 86.2

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ "КОКТЕБЕЛЬ"

Лосеву Дмитрию Алексеевичу
Редакция "Крымского альбома"
Главпочта, а/я 55, г. Феодосия, Республика Крым,
Украина, 98100.
Тел.: (+38-06562) 7-63-64, 3-21-08
(+38-050) 967-80-90

Институт стран СНГ
ул. Большая Полянка, 7/10, стр. 3, г. Москва, 109180.
Тел.: (+7-495) 951-16-75, 959-34-51, 959-34-52
(+7-916) 105-50-60

Академ-Пресс
ул. Ак. Киприанова, 6-А, к. 32, г. Киев-146
Тел.: (+38-044) 446-31-41
e-mail: losev@post.kafa.crimea.ua

Серия "Образы былого"
Выпуск седьмой

Протоиерей Николай Николаевич Доненко
НОВОМУЧЕНИКИ БЕРДҀНСКА

Священномученик Михаил Богословский
Священномученик Виктор Киранов
Священномученик Александр Ильенков

Редактор Р.А.Замтарадзе
Издатель Д.А.Лосев
Верстка: С.Н.Починаева, Д.А.Лосев
Обработка иллюстраций: Л.П.Магас
Сдано в набор 10.02.2006. Подписано к печати 21.09.2006
Формат 84×108¹/₃₂. Бумага офсетная, финская. Печать офсетная.
Тираж 3500 экз. Заказ №
Свидетельство: серия ДК № 443 от 18.05.2001 г.
Изготовлено в ЗАО "Киевская книжная фабрика"
03151, Киев-151, ул. Ушинского, 40.
Свидетельство: серия ДК № 787 от 28.01.2002 г.